

2(3), 2017

РУССКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ RUSSIAN POLITICAL SCIENCE

тема номера:

«НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ»

СПЕЦВЫПУСК
ISSN 2541-965X

Содержание

От редакции		4
Раздел I. Политическая элита, политическое сознание и электоральное поведение в современной России		5
Гончаренко Я. В.	Политическая элита России: современные механизмы рекрутинга	5
Калашникова С. К., Погодина М. Я.	Ценности массового политического сознания жителей мегаполиса на примере Санкт-Петербурга	10
Мелихова М. С.	Символические компоненты образа лидера в сознании российских граждан (на материалах проективных тестов)	13
Самозаова А. Е.	Электоральное поведение молодежи областей ЮФО РФ: региональные тренды, особенности	21
Раздел II. Решение проблем безопасности в современном мире		29
Михаленко А. А.	Терроризм как одна из ключевых глобальных угроз человечеству в современном мире	29
Есиев Э. Т.	Технологии сетевой конфликтной мобилизации: формы и задачи	34
Раздел III. Вопросы мировой политики и международных отношений		42
Морозова Н. М., Фомичева Н. М.	Односторонние санкции во внешней политике США в начале XXI века	42
Пойлов А. Н.	Геополитические интересы и приоритеты России в Арктическом регионе	50
Рыхтик П. П.	Буферные зоны в мировой политике: постановка проблемы	57
Сушенцова М. В.	Реформирование ООН как объективная необходимость мирового развития	65
Раздел IV. Вопросы развития демократии и гражданского общества		73
Линде А. Н.	Значение концепции делиберативной демократии Ю. Хабермаса для теории политической коммуникации	73
Матиешина А. А.	Теория модернизации: обзор основной литературы	82
Матюсова А. И.	История возникновения российских монстраций	87
Петров И. И.	По ту сторону транзитологии: как объяснить демократизацию без пакта и «волн»	94
Петров-Нерлинг Г. В.	Сетевое взаимодействие некоммерческих организаций и органов государственной власти: «коммуникационный аутсорсинг»	101

Раздел V. История социально-политической мысли и историческая память		107
Ананьев Н. А.	Идейно-политическая концепция Н. И. Черняева	107
Беклямишев В. О.	100-летие революции 1917 года в России: особенности и тенденции государственной исторической политики	110
Панфилов К. С.	Причины революций 1917 года в трудах И. А. Ильина и И. Л. Солоневича: сравнительный анализ	114
Раздел VI. Религия и политика		118
Абдуллаев М. Х.	Масс-медийный дискурс политизации ислама: к постановке проблемы	118
Зворыгин Р. В.	Отношения государства и религиозных объединений в Удмуртской Республике: системно-институциональный анализ	127
VII. Образовательные программы и проекты для молодых политологов в российских университетах		133
Программа PolitIQ		133
Школа политических лидеров. Дополнительная профессиональная программа повышения квалификации		136
Программа именной стипендии для студентов-политологов в Российском государственном социальном университете		137
Summary		140
Информация для авторов. Оформление статей		148
Редакционный совет		150
Редакционная коллегия		152
Редакция		154

От редакции

Представляем специальный номер журнала «Русская политология — Russian political science», в который вошли статьи молодых политологов (студентов, аспирантов, молодых кандидатов наук).

Данный выпуск предоставляет возможность начинающим политологам презентовать свои исследования, найти единомышленников и продолжить свой профессиональный путь.

В журнале представлены исследования начинающих политологов из Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Российского государственного социального университета, Волгоградского государственного университета, Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. Также представлены статьи молодых политологов, которые проводят свои научные исследования в Приволжском филиале Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН и в Агентстве стратегических коммуникаций.

Тематика научных исследований охватывает разные сферы и проблемы политической науки, а также российской и международной политики.

Молодых политологов интересуют проблемы политических элит, политического сознания, особенности электорального поведения в современной России, вопросы мировой политики и международных отношений, решение проблем международной безопасности, вопросы развития демократии и гражданского общества, история социально-политической мысли и исторической памяти, а также вопросы взаимоотношения религии и политики.

Помимо научных статей в журнал включена информация о программах, участие в которых позволит молодым политологам расширить знания в сфере политологии, реальной политики, пройти

дополнительное обучение в российских и в зарубежных университетах.

Рекомендуем молодым политологам ознакомиться с программой PolitIQ, реализуемой в Московском университете и дополнительной профессиональной программой повышения квалификации «Школа политических лидеров», которую проводят в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Для начинающих политологов немалое значение имеет поощрение их успехов, которые они демонстрируют в учебе и в научной деятельности. Именно для этого в Российском государственном социальном университете инициирована именная стипендия для студентов-политологов. Такое начинание может стать хорошим примером для других российских политологических школ.

Редакция журнала благодарит всех авторов за предоставленные статьи и желает дальнейшего профессионального развития, интересных исследований и достижения новых научных высот!

Отдельную благодарность мы хотим выразить Автономной некоммерческой организации «Лаборатория гуманитарных проектов»¹ за поддержку нашего журнала.

Напоминаем, что следующие выпуски журнала будут посвящены темам:

- «Экологическая политика современных государств: наука, бизнес, общество»;
- «Россия и Китай в глобальном мире»;
- «Выборы Президента России 2018 года: экспертные оценки политологов»;
- «Политическая мысль России и зарубежных стран».

Приглашаем политологов из России и зарубежных государств опубликовать свои исследования в нашем журнале. Считаем, что сотрудничество политологов создает более предсказуемый и безопасный Мир — Мир сотрудничества, развития и процветания.

¹ Организация создана в 2016 году молодыми учеными и выпускниками Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова для поддержки и реализации проектов в сфере гуманитарных наук.

Политическая элита России: современные механизмы рекрутинга

Аннотация

Темой данной статьи является рекрутинг политической элиты современной России. Сначала рассмотрена теория рекрутинга элит, способы, каналы, принципы. После описания истории рекрутинга российской политической элиты анализируется современный этап этого процесса с 1990-х гг. При этом рассмотрены особенности отдельных периодов (связанных главным образом со сменой президентов) и разных уровней (федерального, регионального и местного). Указываются проблемы рекрутинга и его дальнейшие перспективы.

Ключевые слова: политическая элита, рекрутинг, политическая сеть, патрон-клиентные отношения.

Автор

Гончаренко Ян Владимирович

Студент
факультета политологии
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Термин «элита» является одним из основных в политической науке. В данной статье автор опирается на структурно-функциональный подход к определению элиты, согласно которому это «функциональная группа, представляющая собой совокупность индивидов, занимающих значимые позиции в социальных, политических, экономических институтах, позволяющие им осуществлять в современном обществе и его подсистемах интегративные и стабилизирующие функции¹ и, в связи с этим, имеющих возможность принимать решения по распределению основных общественных ресурсов» [5. — С. 127]. Рекрутирование политической элиты определяет состав политической элиты, а следовательно, ее

характеристики и политику по отношению к подвластному населению. Два основных типа рекрутирования политической элиты — открытый (антрепренерский) и закрытый (гильдийский). Открытый означает, что в элиту могут войти представители внеэлитных социальных групп: низших и средних слоев населения. Закрытый означает, что политическая элита воспроизводится только за счет своих представителей, почти не допуская в свои ряды извне. Как указывает Г. К. Ашин, «в процессе рекрутирования политической элиты важнейшие моменты — широта ее социальной базы, круг лиц, осуществляющих отбор элиты (селекторат), наконец, процедура, механизм отбора» [3. — С. 86]. Роль селектората могут играть как представители самой элиты (особенно высшей), так и внеэлитные слои, группы интересов и т. д. К каналам рекрутирования обычно

¹ Впрочем, элита может выполнять дезинтегративные и дестабилизирующие функции.

относят государственный аппарат, армию, политические партии, структуры гражданского общества, крупный бизнес. Роль тех или иных каналов рекрутирования различается в зависимости от конкретных политических систем и социумов в целом. Принципами отбора могут быть профессиональные и личностные качества, наличие социальных и экономических связей и ресурсов, популярность в обществе, происхождение, партийная принадлежность, лояльность и т. д.

Вопрос о рекрутировании политической элиты в российской истории встал сразу же после образования государства. Особенно это было важно в условиях необходимости поддержания контроля над большой территорией и отражения внешних угроз. Это требовало огромных усилий от народа и элиты. Рекрутирование политической элиты осуществлялось по принципу «временные привилегии — за службу государству» [4. — С. 44], причем привилегии были «пряником», поскольку государственная служба была тяжелой. На этих основаниях «формировалось боярство в Московском государстве, дворянство и имперская бюрократия в Российской империи, партийно-хозяйственная номенклатура в СССР» [4. — С. 46].

Современный этап в рекрутинге политической элиты России начался в 1990-е гг. В этот период она формировалась из нескольких источников. С одной стороны, это были выходцы из ранее господствовавшей партийной и комсомольской номенклатуры. С другой стороны, в элиту вошло много новых людей: интеллигенты, активно участвовавшие в неформальных клубах 1980-х гг., выходцы из академической среды и ученые, бывшие диссиденты, представители теневого бизнеса. Резкое ускорение процессов социальной мобильности и циркуляции элит, характерное для времени общественных трансформаций, проявилось здесь в полной мере. Одновременно в элиту проникло много случайных людей — представителей криминальных

структур. Однако впоследствии произошло восстановление старых практик. Как отмечает Г. К. Ашин, «рекрутирование постсоветских элит во многих отношениях оказывается слепком с номенклатурного рекрутирования. Именно поэтому постсоветскую элиту часто не без оснований называют неономенклатурой» [3. — С. 92]. Разрушение номенклатурной системы привело к хаотизации рекрутинга политической элиты, что побудило высшее руководство страны воссоздать некое подобие прежней организованной системы отбора кадров.

Омолождение политической элиты стало одной из главных тенденций в постсоветское время. Отчасти это было связано с естественными процессами, но главным образом — с кадровыми чистками. Также наблюдается сокращение доли выходцев из сельской местности в элите, связанное с падением доли сельских жителей в общей массе населения. Выходцы из Москвы и Санкт-Петербурга, обладающие наилучшими стартовыми возможностями, широко представлены в правящей элите.

Интересно, что изменились образовательные характеристики политической элиты. Если в советские годы люди с техническим образованием занимали в элите самое высокое положение, то теперь гуманитарии составили ее наиболее влиятельную часть, так как они более востребованы сегодня. Многие представители элиты имеют второе высшее образование, полученное после технического или военного для повышения своей профессиональной квалификации и/или престижа. Особую роль в подготовке элиты играют элитные вузы. Их роль определяется как качеством образования, так и наличием неформальных связей в правящей элите.

При определении способа рекрутирования политической элиты в современной России следует согласиться с А. И. Соловьёвым, что «основные отечественные механизмы элитарного рекрутинга благодаря широко развернутым медиапропагандистским проектам пред-

ставляют собой особый вариант гильдийской модели, „загримированной“ под антрепренерскую». «Рекрутирование элиты превратилось в самовоспроизводство правящего класса, практически утратив связи с гражданским представительством» [7. — С. 104]. К тенденциям отечественного элитогенеза можно отнести теневизацию, этнизацию и профессионализацию [7. — С. 104–105]. Под теневизацией понимается рост непрозрачности, роли теневых технологий в рекрутинге элиты. Этнизация означает увеличение роли принадлежности к этническим и конфессиональным группам в рекрутинге элиты, причем как на федеральном, так и на региональном уровне. Профессионализация связана с ростом роли предыдущего профессионального опыта и профессиональных заслуг в рекрутинге элиты. В частности, это выражается в повышении роли государственного аппарата как канала рекрутинга. «Главными механизмами и технологиями элитарного рекрутинга сегодня являются кооптация, сделки (как результаты внутриэлитарного торга), протекционизм, попечительство („крышевание“), поддержание родственных, земляческих и неформальных связей» [7. — С. 105]. Различные политико-административные сети конкурируют за элитные позиции. Велика роль патрон-клиентных отношений и команд, сетевого менеджмента. Критерии профессионализма остаются слабыми, хотя наблюдаются попытки уменьшить влияние неформальных механизмов отбора (в частности, в рамках создания «кадровых резервов»). В целом неформальные критерии отбора преобладают над формальными, остающимися внешним обрамлением теневых практик.

С приходом к власти В. В. Путина в элиту стали рекрутироваться его бывшие коллеги — из спецслужб и из Санкт-Петербурга, которые стали оттеснять «семью» — наиболее влиятельную элитарную группу последних лет президентства Б. Н. Ельцина — и олигархов, образовав так называемый «ближний круг».

В 2000-х гг. О. В. Крыштановская предложила концепцию «либеральной милитократии», описывая бассейн рекрутирования политической элиты России. «Теперь в России каждый четвертый представитель элиты — военный, и их число продолжает возрастать» [6. — С. 158]. Под военными в данном случае понимались все выходцы из силовых структур, в том числе армии, МВД, спецслужб и т. д. Образовались сети силовиков, которые стали селектором в рекрутинге элиты, поддерживая бывших сослуживцев.

Подход О. В. Крыштановской подвергался критике российскими и зарубежными исследователями. В частности, Ш. Ривера и Д. Ривера на основании пересчета данных старых исследований и учета новых данных указывают, что «количество силовиков на важных позициях не было таким большим, как утверждалось прежде», но есть тенденция «увеличивающегося присутствия бизнеса в российской элите» [9. — Р. 126]. «Возможно, силовики стали господствовать в российском высшем политическом руководстве во время президентства Путина, но определенно не во всей элите» [8. — Р. 44]. Многие «силовики» уже много лет не служили в силовых структурах и усвоили психологию обычных граждан. Профессиональный опыт в силовых структурах у них был разный, и не все работали в классической позиции военного, исполняющего приказы вышестоящего начальства, не пересекающегося с «гражданскими» и т. д.

Также одними из каналов рекрутинга политической элиты стали партия «Единая Россия» и Общероссийский народный фронт. Общественные, культурные, научные и образовательные организации остаются слабыми каналами рекрутинга элиты. Возрастает роль религиозных организаций как канала рекрутинга в политическую элиту, что связано с усилением позиций традиционных конфессий в обществе.

Одной из главных тенденций рекрутинга элиты является плутократизация.

Формирование в России общества буржуазного (капиталистического) типа, в котором господствующим классом является буржуазия, предопределяет рост влияния бизнеса на политику и включение бизнеса в состав политической элиты. Можно говорить и о взаимопроникновении бизнеса и политической элиты: последняя использует свое положение для создания и развития своих фирм. Часты переходы между фракциями элиты, особенно между политической и экономической (принцип «вращающихся дверей»).

Президентство Д. А. Медведева принесло изменения в рекрутинг политической элиты. Роль силовиков уменьшилась, тенденции плутократизации и профессионализации стали более явными. Это наблюдается и по настоящий момент (2017 год).

Рекрутинг региональных и местных элит в значительной степени зависит от местной специфики: политической культуры, экономической системы, этноконфессиональных факторов. Политическая культура определяется наличием более демократических/авторитарных традиций, определяющих степень влияния населения на элиту. Экономическая специфика проявляется при наличии господствующих в местной экономике предприятий или фирм, что особенно заметно в моногородах и нефтедобывающих регионах Западной Сибири. В национальных республиках сложились более традиционные механизмы рекрутинга политической элиты, где ключевую роль играют преданность правящей группировке и ее лидеру и местничество.

Взаимосвязь федеральных, региональных и местных элит в России носит, как правило, односторонний характер. «Очень мало шансов имеет лидер местного уровня подняться в карьере на региональный уровень, а с регионального — на федеральный» [2. — С. 318]. Выстраивание «вертикали власти» в 2000-е гг. привело к подчинению региональных элит федеральным, а местных — региональным.

Большую роль, чем на федеральном уровне, в рекрутинге местных элит играет бизнес, финансирующий избирательные кампании кандидатов и партий или выдвигающийся напрямую. Смена регионального руководства приводит к существенным изменениям в составе региональной элиты и местных элит региона. Выстраиваются сети, идущие от федерального центра до муниципалитетов.

Создание Общероссийского народного фронта в 2011 г. обозначило новый этап в рекрутировании региональных элит. «Больше внимания стало уделяться рекрутированию в политику „людей из народа“, представляющих тот или иной регион и способных, по мнению кремлевских политиков и технологов, обрести популярность и влияние» [1. — С. 173–174]. Целью этого являлись укрепление власти федерального центра на местах и электоральные успехи. Схожая технология с теми же целями была применена в 2016 г. перед выборами в Государственную Думу, когда партия «Единая Россия» проводила предварительные выборы кандидатов в депутаты.

Роль демократических и правовых механизмов в рекрутинге политической элиты России невелика. Нарастает замкнутость элиты от остального населения. Выходцы из низших слоев населения обычно не имеют возможностей войти в состав элиты. Представители среднего класса могут быть рекрутированы в элиту, но их возможности сильно ограничены. Наблюдается тенденция к самовоспроизводству правящей элиты, аристократизму, когда выходцы из элитных семей уже сами занимают элитные позиции благодаря происхождению.

Возможно принудительное исключение из состава элиты из-за внутриэлитных конфликтов или (что реже) общественного давления. Высшее руководство страны, понимающее угрозу новой «революции вторых секретарей» из-за отсутствия продвижения в элите, предпринимает попытки ротации правящей элиты на местном,

Политическая элита России:
современные механизмы рекрутинга

региональном и федеральном уровнях. При этом механизмы рекрутинга остаются прежними. Можно предположить, что борьба различных сетей за назначения на властные позиции будет только обостряться.

Литература

1. *Подвинцев О. Б.* Попытка формирования новых политических элит в регионах РФ: цели, механизмы, результаты (2012–2014 гг.) // *Власть и элиты* / Гл. ред. А. В. Дука. — Т. 2. — СПб: Интерсоцис, 2015. — С. 171–189.
2. *Римский В. Л.* Социальные факторы выстраивания политических карьер и неэффективности управления в регионах и муниципальных образованиях // *Власть и элиты* / Гл. ред. А. В. Дука. — Т. 1. — СПб: Интерсоцис, 2014. — С. 318–329.
3. *Ашин Г. К.* Формы рекрутирования политических элит // *Общественные науки и современность*. — 1998. — № 3. — С. 85–96.
4. *Гаман-Голутвина О. В.* Метафизические измерения трансформаций российских элит // *Политическая концептология*. — 2012. — № 3. — С. 38–53.
5. *Дука А. В.* Институционализация политико-административной элиты в Санкт-Петербурге // *Полития*. — 2003. — № 2. — С. 126–149.
6. *Крыштановская О. В.* Режим Путина: либеральная милитократия? // *Pro et Contra*. — 2002. — Том 7. — № 4. — С. 158–180.
7. *Соловьёв А. И.* Российский элитогенез: универсальное и специфическое // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. — 2010. — № 3. — Том 3. — С. 99–112.
8. *Rivera D. W., Rivera S. W.* Is Russia a militocracy? Conceptual issues and extant findings regarding elite militarization // *Post-Soviet Affairs*. — 2014. — Vol. 30. — № 1. — P. 27–50.
9. *Rivera S. W., Rivera D. W.* The Russian Elite under Putin: Militocratic or Bourgeois? // *Post-Soviet Affairs*. — 2006. — Vol. 22. — № 2. — P. 125–144.

Ценности массового политического сознания жителей мегаполиса на примере Санкт-Петербурга

Аннотация

В статье анализируются данные эмпирических исследований «Политический Петербург» с 2002 по 2015 г. Авторы выявили межгрупповые ценностные расколы массового политического сознания жителей мегаполиса. Благодаря временной динамике, определены триггеры увеличения или сокращения расколов.

Ключевые слова: политическое сознание, политические ценности, межгрупповые расколы, мегаполис, Санкт-Петербург.

Автор

Калашникова Софья Константиновна

Бакалавр кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Погодина Мария Ярославовна

Бакалавр кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Массовое политическое сознание определяет политическое поведение и систему отношений между индивидами, социальными группами и политическими институтами, что во многом влияет на уровень социальной и политической напряженности в обществе, риски развития политических конфликтов. Особенно это актуально для мегаполисов. Массовое сознание определяется как тип общественного, получивший наиболее широкое распространение и содержащий в себе ценности, взгляды и представле-

ния, разделяемые большей частью общества [3. — С. 169].

Цель исследования — выявление межгрупповых ценностных расколов населения Санкт-Петербурга. Объект — взрослое население Санкт-Петербурга, предмет исследования — политическое сознание петербуржцев. Теоретической базой выступает концепция социально-политических размежеваний С. Липсета и С. Роккана [5]. Гипотеза исследования: межгрупповые ценностные расколы затрагивают полярные группы, диффе-

Ценности массового политического сознания жителей мегаполиса на примере Санкт-Петербурга

ренцированные по возрасту, уровню образования, профессиональному статусу и доходу. Использованные методы анализа: оценка стандартизованных остатков в таблицах сопряженности, кластерный анализ и многомерное шкалирование. Эмпирическая база исследования — данные опросов 2002, 2005, 2008, 2012 и 2015 гг., проведенных сотрудниками Центра эмпирических политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета¹. Опрос 2015 г. выполнен на базе Ресурсно-го центра социологических и интернет-исследований СПбГУ.

Результаты исследования подтвердили наличие значимого межпоколенческого раскола политических ценностей жителей Санкт-Петербурга, в то время как дифференциация этого уровня политического сознания в группах, отличающихся по роду деятельности, уровню образования и доходам, выражена достаточно слабо. Две полярные социально-демографические группы — молодые люди в возрасте до 30 лет и петербуржцы старше 60 лет — демонстрируют ценностный раскол во всех проведенных исследованиях по всем индикаторам оценки ценностей. Молодежь склонна к либеральным ценностям, представители старшего поколения — к социально-демократическим. Значительная часть петербуржцев ориентируется на консервативные ценности — порядок и поддержание традиций. В 2008 г. представители старшего поколения продемонстрировали явное снижение показателя ориентации на сохранение традиций. Молодежь устойчиво демонстрирует склонность к проведению реформ, ориентацию на индивидуалистские ценности, нацеленность на достижение личного успеха и не считает необходимым жертвовать своим комфортом ради помощи бед-

ным и слабым. Петербуржцы предпенсионного и пенсионного возраста склонны возлагать ответственность за поддержание материального уровня граждан на государство, в то время как респонденты в возрасте до 39 лет считают, что это входит в обязанности самих граждан. Показательно отсутствие приверженности молодежи и представителей среднего возраста к сохранению традиций и обычаев.

Степень удовлетворенности жизнью имеет устойчивую обратную связь с возрастом респондентов. Пенсионеры склонны к негативной ретроспективной и перспективной оценке качества жизни. В 2015 г. старшая возрастная группа впервые демонстрирует некую положительную динамику в оценке тренда качества жизни.

Условия первичной и вторичной политической социализации определяют характер сформированных политических ценностей [4. — С. 175]. Старшее поколение получило воспитание и образование в советское время, что определило специфику их базовых политических установок, например, убежденность в приоритете интересов государства над интересами личности. Это поколение прошло в 1990-х гг. процесс ресоциализации и адаптации к новым условиям. Социализация молодежи происходила в условиях формирования новой политической системы в России, демократизации страны, постепенного проникновения демократических ценностей, что определило ориентацию значительной части молодежи на либеральные ценности.

Размежевание носителей различных идеологических ценностей по уровню образования, доходов, принадлежности к профессиональной группе проявляется значительно слабее. В 2008 и 2012 гг. актуализируется разрыв между ориентациями на сохранение традиций и проведение реформ. Люди с ограниченными социально-экономическими ресурсами склонны к поддержанию сложившихся традиций и обычаев, респонденты с высоким уров-

¹ Телефонный опрос, объем выборки — 1100–1200 человек, выборка случайно-бесповторная, контроль по признакам пола, возраста, образования, района проживания.

нем доходов нацелены на проведение реформ. Представители среднего класса проявили склонность в эти годы ориентироваться в большей степени на поддержание порядка и справедливость, хотя в 2005 г. данная группа была в большей степени ориентирована на права человека. В политическом сознании людей с высоким материальным достатком проявляется ценностный когнитивный диссонанс в предкризисный период. Традиционно нацеленные на индивидуализм, в 2008 г. они проявляют патерналистские установки. Для жителей Санкт-Петербурга, которые отнесли себя к низшему слою по критерию материального достатка, характерна ориентация на государственные интересы и возложение ответственности за обеспечение уровня жизни на властные структуры.

Дифференциация по уровню образования соотносится с расколом по роду деятельности. Характерный для мегаполисов раскол между предпринимателями и представителями рабочих специальностей подтверждается поляризацией политических ценностей, связанных с ролью государства в обеспечении уровня жизни. Предприниматели, работники культуры, науки и образования, респонденты с высшим образованием склонны в большей степени, чем другие группы, ориентироваться на постматериалистические ценности [1. — С. 6]. Рабочие и люди со средним специальным образованием ориентированы на материалистические ценности; характер их политических взглядов крайне фрагментирован.

Кластерный анализ и многомерное шкалирование выявили два основных ценностных блока: а) нацеленность на индивидуалистские и либеральные ценности; б) коллективистские и патерналистские ценности. Объединение переменных подтверждает ценностную дифференциацию различных социально-демографических групп, проживающих в Санкт-Петербурге.

Таким образом, при наличии вышеописанных расколов мы можем говорить о существовании определенных общих тенденций массового политического сознания. Подтверждая слова политического философа консервативного направления Гюнтера Рормозера, либеральные ценности актуализируются в условиях экономического благосостояния и политической стабильности и популярны в основном среди социально-успешных групп [2. — С. 141]. Также для коллективного политического сознания петербуржцев характерна в некоторой степени утопичность, которая проявляется в вере в то, что общественное благосостояние может быть достигнуто без проявления какой-либо политической и гражданской активности. Эта установка характерна для всех социальных групп (за исключением пенсионеров), в особенности для представителей среднего возраста и среднего экономического класса. Уровень образованности и род занятий также не способствует уменьшению подверженности данному стереотипу.

Литература

1. *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политические исследования. — 1997. — № 4. — С. 6–23.
2. *Рормозер Г.* Кризис либерализма. — М.: ИФ РАН, 1996. — 298 с.
3. *Уледов А. К.* Структура общественного сознания (Теоретико-социологическое исследование). — М.: Мысль, 1968. — 330 с.
4. *Hyman H.* Political Socialization: a study in the psychology of political behavior. — Glencoe: Free Press, 1959. — 175 p.
5. *Lipset S. M., Rokkan S.* Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments // Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives. — N. Y.: Free Press, 1967. — P. 1–64.

Символические компоненты образа лидера в сознании российских граждан (на материалах проективных тестов)

Аннотация

На основании материалов политико-психологического исследования, проведенного в период 2012–2017 гг. кафедрой социологии и психологии политики МГУ им. М. В. Ломоносова проведен анализ рисунков образов власти и образов страны. Отобрано 425 рисунков с изображением политического лидера. Для анализа результатов исследования использованы количественные и качественные показатели. Количественные показатели, основаны на методике кластерного анализа наиболее часто встречающихся символов. Выявленные проанализированы с помощью метода сравнительного анализа по таким показателям, как пол и год проведения исследования. Разработана авторская классификация символов. Для осуществления более глубокого анализа символического компонента в образе лидера проведено качественное исследование проективных тестов на основе методики «Психологический рисунок».

Ключевые слова: символы, образ лидера, образ власти, проективные методики, психологический рисунок, лидерство.

Автор

Мелихова Мария Сергеевна

Аспирант
факультета политологии
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

В настоящее время растет интерес научного сообщества к анализу роли образа политического лидера в массовом сознании граждан. Это обусловлено возрастанием роли средств массовой информации в создании и распространении знаков и смыслов. Значение образа политика в массовом сознании граждан очевидно: благодаря конструированию и коррекции необходимых качеств, становится возможным влиять на восприятие гражданами политика и управлять электоральным настроением и поведением.

Актуальность темы исследования обусловлена, в первую очередь, высокой сте-

пенью влияния лидеров на политический процесс в современной России, а также недостаточной степенью исследования символического пространства в образе политического лидера. Изучение политического образа обычно носит двухуровневый характер: когнитивный и бессознательный. Для анализа когнитивного компонента используются анкетирование, глубинные интервью и фокус-группы. Для исследования бессознательной составляющей используются ассоциативные, экспрессивные и интерпретационные проективные методики. Современные социологические исследования образа власти и

политических лидеров чаще акцентируют свое внимание на «рациональном» срезе, в то время как наличие «бессознательного» в восприятии образа власти или политического лидера требует не менее пристального внимания исследователей и позволяет выявить архетипичные и культурные установки, влияющие на представления граждан о власти. Исследования бессознательного уровня основываются на изучении трех компонентов: индивидуальных особенностей респондента, стереотипов, создаваемых СМИ, и архетипов коллективного бессознательного. Наиболее значимым является последний показатель как максимально устойчивая характеристика, проявляющаяся на протяжении многих поколений.

Архетипы — это самые устойчивые символические компоненты коллективного бессознательного. Символ характеризуется как свойство человеческого сознания и подсознания, выступающее посредником в ходе познания, понимания и конструирования внешнего и внутреннего мира человека. Символ может быть индивидуальным или коллективным. Представляется, что количество тех или иных типов символов может варьироваться в зависимости от политической культуры государства, стабильности социально-политической системы и других факторов. Следует отметить, что роль политических символов в обществе может усиливаться или слабеть в зависимости от политической обстановки.

Теоретико-методологической базой для разработки авторской модели исследования послужила методика «Психологический рисунок», разработанная Т. В. Фоломеевой и О. М. Бартеновой. Данная методика направлена на выявление смысла, формы прямого выражения отношения к изображенному объекту. Особенностью ее является гипотеза, что в графической форме удастся передать отношение человека к объектам, индифферентным для него на уровне сознания, что позволяет раскрыть уровень ирраци-

ональных проявлений и неосознаваемого отношения к объекту исследования [11].

Было проанализировано 1 480 рисунков респондентов, которые принимали участие в исследовании, проводимом кафедрой социологии и психологии политики МГУ им. М. В. Ломоносова в период с 2012 по 2017 г. В исследовании были использованы рисунки образов власти и образов России. На основе классификации, предложенной Е. Б. Шестопал [13], было отобрано 425 рисунков с изображением политического лидера. При этом также были изучены 508 рисунков образа России и 972 рисунка образа федеральной власти в России. Выделенные автором символические компоненты были классифицированы по хронологическим рамкам исследования и полу респондентов. На основе статистического анализа наиболее часто встречающихся символов удалось выделить 20 категорий, для анализа содержательного наполнения которых была разработана классификация на основе типологий Д. А. Мисюрова [6] и Е. Б. Шестопал [8], а также типологии А. В. Коноваленко [5], классифицировавшего символы по форме их выражения. На основе рассмотренных ранее концепций и моделей исследования, а также результатов количественного анализа была сформирована авторская типология символов.

Во время исследования был использован сравнительный анализ в относительных величинах (в процентах по отношению к количеству той или иной группы классификации). Для интерпретации результатов количественного исследования был проведен качественный анализ наиболее часто встречающихся символов, основанный на трудах К. Г. Юнга [14], книги «Символы власти и борьба за власть» Б. И. Колоницкого [4], статьи Е. Б. Шестопал [13] и других источников.

Изображение лидера присутствует на 427 рисунках из 1 015 рисунков власти (около 42 %), то есть следует отметить традиционно высокую степень персонификации власти в сознании россиян. Анализ ри-

Символические компоненты образа лидеров сознания российских граждан (на материалах проективных тестов)

сунков респондентов позволил выявить порядка 112 символов.

Наибольшее количество элементов относится к группе *денежных символов*. Так, доллары, рубли и евро изобразили около 28 % респондентов. Наличие подобных изображений (и в особенности увеличение их количества с 2012 г.) может быть связано с ухудшением экономической обстановки в стране, а также традиционным отождествлением власти и денег. При этом следует отметить, что большая часть изображений денежных знаков воплотилась в символе доллара (19 %), значительно уступают изображения евро (около 4 %), еще реже встречаются изображения рубля (чуть менее 2 %).

На втором месте по численности находятся *монархические регалии*, которые включают изображения короны, скипетра, державы и трона. По мнению Пьера Бурдьё [2], власть, которая является частью символического капитала, основанного на вере и признании, когда она может быть объективизирована в материальных предметах (таких, как императорские регалии), сама фактически является результатом субъективных актов признания. Таким образом, наделяя на подсознательном уровне политических лидеров символами монархической власти, граждане России фактически выражают «кредит доверия» власти.

Лидеров в образе *животного* изобразили около 19 % респондентов. При этом чаще всего на рисунках присутствует образ медведя (примерно на 7 % изображений). Изображения животных можно отнести к архетипическому уровню восприятия политического лидера. Так, бессознательно люди отождествляют политиков с теми качествами, которыми наделяются животные в фольклоре.

Лидеров, которые сами являются символами власти, изобразили 17 % респондентов. Так, чаще всего встречаются изображения В. В. Путина (примерно 14 % рисунков). Это свидетельствует о том, что чаще всего в России политического лидера отождествляют с главой государства.

Еще около 3 % респондентов изобразили Д. А. Медведева, что говорит об отождествлении политических лидеров, прежде всего, с исполнительной властью.

Элементы из группы *национально-государственных символов* (изображения флага и герба) встречаются на 12 % изображений. Следует отметить, что помимо флага Российской Федерации и двуглавого орла на рисунках также часто присутствует советская красная звезда, из чего можно сделать вывод о том, что в сознании россиян происходит «размывание» символического компонента из-за не оформившейся до конца национально-государственной идентичности.

Пространственно-географические символы изобразили порядка 11 % респондентов. Чаще всего встречаются рисунки карты России (чуть менее 3 %), глобуса или Земли (около 2 %).

Экономические и ресурсные символы, которые включают изображения нефтяных вышек и газопроводов, а также символы благосостояния (автомобили, яхты и т. п.), изобразили порядка 11 % опрошенных. Чаще всего на рисунках встречаются изображения лидеров на фоне нефтяных вышек или самолетов, что свидетельствует о тесной связи ресурсов и власти.

Мифологические и архетипические символы, включающие изображения героев фольклора, неофициальные символы России и прочие культурные символы, встречаются на 10 % рисунков. Это свидетельствует о некоторой степени мифологизации политического лидера, наделяния его героическими свойствами (например, на изображениях богатырей), а также о наличии сверхъестественной помощи (изображения золотой рыбки и щуки из сказки про Емелю).

Военные и силовые символы, включая изображения офицеров, элементов военной формы, сотрудников МВД и огнестрельное оружие, изобразили порядка 9 % респондентов. Таким образом, можно сделать вывод, что россияне подсознательно отождествляют лидеров с си-

ловыми структурами или выходцами из данных подразделений.

И, наконец, *религиозные символы*, включая изображения патриарха, священнослужителей, церкви и религиозной атрибутики, встречаются приблизительно на 7 % рисунков. Наличие данной категории рисунков свидетельствует о существенной роли духовенства в политическом процессе России (так, чаще всего встречаются изображения главного православного лидера России — патриарха). Также наличие подобных изображений может свидетельствовать о сакрализации власти.

Двуглавый орел имеет древнее происхождение. Впервые этот символ появился в Хеттском царстве и также использовался шахами из династии Сасанидов. Во времена Римской империи первоначально одноглавый орел стал символом власти императора. Неизменным остается толкование, что две головы орла символизируют взгляд на Восток и Запад, что коррелирует с идеей особой роли России.

Символическое значение *знака доллара* трудно переоценить. Это и отсылки к гегемонии Соединенных Штатов, и масонская символика, имеющаяся на долларовых купюрах (примечательно, что один респондент изобразил масонский символ всевидящего ока на пирамиде, который во времена Ренессанса был знаком «Всезнающего Вездесущего Божества»). Относительно самого знака доллара существует множество версий, начиная от обозначения аббревиатуры US и сокращенным символом от названия испанской валюты *peso(s)*, завершая красивой легендой об изображении Геркулесовых столпов, обвитых мифическим змеем Пифоном, — места соединения Средиземного моря с Атлантическим океаном и особой роли Соединенных Штатов как носителя двух культур.

Монархические регалии (в данную категорию были включены скипетр, держава, трон и корона. Корона далее будет рассмотрена как самостоятельный символ) также являются архетипом бессознатель-

ного. *Скипетр (жезл)* является одним из древнейших символов власти и использовался еще со времен египетских фараонов. Традиция украшать скипетр изображением орла появилась в Древнем Риме. В христианской символике скипетр восходит к знаку посоха — пастушеского символа Иисуса Христа. В средневековой Европе скипетр имел даже особый символический язык: так, наклон скипетра означал милость монарха, целовать скипетр означало проявлять уважение и подданство. *Держава* появляется среди царских регалий в России в XVI в. Версии о том, кто впервые использовал ее в качестве символа власти, расходятся: одни указывают на Лжедмитрия I, другие — на Бориса Годунова. Держава в христианской традиции является символом Царства Небесного. *Трон* в христианской традиции символизирует божественную природу монархии. На рисунках респондентов встречаются как изображения всех трех символов власти царя, так и каждый элемент в отдельности (причем скипетр встречается чаще, чем держава и трон).

Корона, изображение которой стоит на втором месте по частоте появления, является одним из фундаментальных архетипических символов власти. Непосредственным предшественником короны являлся лавровый венок, первоначально его надевали победители Дельфийских игр (лавр — символ Аполлона, соответственно, лавровый венок — благоволение богов), в дальнейшем лавровый венок стал символом триумфа великих полководцев. Символическое значение короны выражалось также в том, что без короны по всем правилам власть монарха признавалась недействительной. Наличие изображений короны свидетельствует о сакрализации власти и роли лидера, его божественном происхождении: в христианской традиции корона означает победу над смертью (терновый венец Христа), благоволение и благорасположение.

Неоднозначным символом является изображение *лидера-кукловода*. Как пра-

Символические компоненты образа лидеров сознания российских граждан (на материалах проективных тестов)

вило, кукловод символизирует теневую власть, «серого кардинала». Такие изображения тоже встречаются на рисунках респондентов (их количество составляет приблизительно 1,4 %). Однако мы разграничили два данных символа: теневую власть (остающуюся за кадром) и лидера с марионетками. При этом в роли марионеток респонденты видят как народ, так и церковь, ресурсы, бюджет и даже страну в целом. Одно из символических значений кукловода — «манипулятор», человек, имеющий заранее определенную стратегию и использующий все свое влияние для ее реализации.

На втором месте по частоте изображения из политических лидеров прошлого и настоящего стоит *Медведев Д. А.*, что свидетельствует о восприятии лидера российскими гражданами как главного представителя исполнительной власти. Примечательно, что в 2012–2013 гг. Д. А. Медведева довольно часто изображали в образе *медведя* (что, помимо фамилии премьер-министра, в какой-то степени является аллюзией к символу «Единой России», которую он возглавляет).

Путин В. В. стал самостоятельным символом на изображениях респондентов. Часто он изображается на фоне Кремля (отсылка к легитимации власти), императорскими регалиями (сакрализация власти), за трибуной (публичность власти), на портретах (на некоторых изображениях респонденты видят портреты Президента в качестве религиозного символа), в телевизоре (как пропагандиста).

Ресурсы (нефть и газ) стали символом экономики России, а обладание ими является частью символического капитала для лидера. Не случайно, на большей части рисунков лидер изображен с нефтяной вышкой в руке или газопроводом за спиной. В сознании российских граждан есть установка, что настоящим лидером является тот, кто обладает правом распоряжаться природными ресурсами.

Символы благосостояния, которыми на рисунках чаще всего являются автомоби-

ли, машины и яхты, говорят о традиционном отождествлении лидеров с роскошью. При этом на всех изображениях, где присутствуют символы благосостояния, лидеры изображаются на контрасте с атрибутами бедности народа. Яхты, самолеты и автомобили, в представлении респондентов, только подчеркивают пропасть, возникающую между носителем власти и подданными (не случайно рядом с лидером и самолетом или автомобилем часто изображается вооруженный охранник).

Религиозные символы (чаще всего крест, облачение священника, фигуры священнослужителей и изображение патриарха) отражают поиски российской властью новой идентичности, одной из черт которой является возврат к христианским основам власти.

Сравнительное исследование изменений в символическом пространстве лидера в России затрудняется неравномерностью выборки, ввиду чего представляется возможным провести сравнение по годам, где выборка является приблизительно однородной: 2012 и 2014 гг. (ознаменовавшиеся такими крупными политическими событиями в России, как избрание В. В. Путина Президентом и вхождение Крыма в состав Российской Федерации, соответственно) и 2016 и первое полугодие 2017 гг.

Наблюдается увеличение количества изображений денег и, в частности, *знака доллара* в период с 2012 по 2014 г.: так, в 2012 г. данную валюту изображали 14,8 % респондентов, в 2014 г. показатель возрос до 20,8 %. Вероятнее всего, это можно связать с двумя событиями: санкционной политикой в отношении России и резким падением цен на нефть, которое началось в декабре 2014 г., с одновременным ослаблением курса рубля по отношению к доллару (в период с января по декабрь 2014 г. доллар вырос в два раза и достиг пика роста 16 декабря, так называемый «черный вторник», когда доллар превысил отметку в 80 рублей, а евро — в 100 рублей).

Количество изображений *В. В. Путина* увеличилось с 6,2 % в 2012 г. до 15,6 % в 2014 г., что, безусловно, также можно связать с позитивной оценкой деятельности Президента по воссоединению Крыма с Россией. Так, в 2013 г. деятельность Президента одобряли порядка 62 % граждан, в 2014 г. данный показатель вырос на фоне воссоединения Крыма с Россией и событий на Украине до рекордных 82 %. В 2016 г. количество изображений с действующим Президентом составило 14,9 %, а за первую декаду 2017 г. увеличилось до 18,8 %. Это также можно сопоставить с ростом рейтинга В. В. Путина, который, согласно данным ВЦИОМ, в ноябре 2016 г. обновил рекорд 2008 г. и поднялся до отметки 86 %, в мае 2017 г. данный показатель составил 81,1 %.

Также стремительно увеличилось количество изображений *короны*: в 2012 г. данный показатель составил 3,7 %, в 2014 г. он вырос до 22,1 %. Наряду с обозначенной выше трактовкой монархических регалий П. Бурдьё [2] (который видит в них выражение кредита доверия власти, являющейся обладателем данных символов) мы предполагаем соотнесение внешней политики России, в особенности стремления к возвращению статуса крупного геополитического игрока (это становится заметно и на примере возвращения в медийный дискурс таких символических терминов, как «геополитика», «сверхдержава» и т. п.). Примечательно, что наряду с изображением короны на рисунках встречается изображение лаврового венка, что уже фактически является аллюзией к Римской империи и, в первую очередь, к Гаю Юлию Цезарю, что может свидетельствовать о восприятии гражданами российского Президента, с одной стороны, как сильного и волевого политического лидера (лавр как символ силы и мира в древнегреческой культуре и лавр как символ славы в Древнем Риме), с другой стороны, вероятно, россияне воспринимают текущую политику как проявление имперских амбиций.

Количество изображений *ресурсов* в период с 2012 по 2014 г. выросло с 0 до 7,8 %, что, безусловно, также можно связать с колебанием цен на нефть и их непосредственным влиянием на российскую экономику. Колебания цен на нефть россияне чаще всего связывают с деятельностью политических лидеров. В 2016 г. количество рисунков с нефтяными вышками и газопроводами составило 12,8 %, а в первой декаде 2017 г. их количество уменьшилось до 6,3 %. Это может быть обусловлено как общим снижением благосостояния граждан за последние три года, во многом связанным с данным фактором, так и самой низкой ценой на нефть за предыдущие три года, что не могло не вызвать озабоченность среди россиян.

В период с 2012 по 2014 г. значительно выросло количество изображений *оружия*, причем чаще всего на изображениях охраны политических лидеров. То есть политические лидеры в восприятии граждан делают все для того, чтобы выстроить дистанцию между собой и народом, они закрыты и не желают подпускать к себе народ «на пушечный выстрел». Кроме того, в 2014 г. начинают чаще встречаться изображения военной техники и ракетных комплексов, что, безусловно, связано с ростом милитаризации государства. В 2016 г. данный показатель составил 10,6 %, при этом чаще начинают встречаться изображения танков и военной техники. В первой декаде 2017 г. данный показатель составил 4,2 %.

Также исследование показало ряд различий в восприятии политического лидера у мужчин и женщин.

Так, мужчины чаще склонны изображать лидера с традиционными *регалиями* (корона, скипетр, державой и тронном) — 25,6 % мужчин против 16,6 % женщин, что, вероятно, объясняется стремлением мужчин легитимизировать власть, а также выражает подсознательное стремление к обладанию данными атрибутами власти. Также в проективных тестах мужчин чаще встречается и изобра-

Символические компоненты образа лидеров сознания российских граждан (на материалах проективных тестов)

жение *двуглавого орла* (8,2 % мужчин и 2,6 % женщин), при этом часто орел изображается в роли политического лидера.

Интересное распределение оказалось у *денежных символов* (включая символы доллара, рубля и евро, а также изображения сейфов, банков, мешков с деньгами и т. п.): в целом деньги как символ, которым обладает политический лидер, встречаются чаще на мужских рисунках (31 % у мужчин против 26,4 % у женщин), что опять же можно объяснить подсознательным стремлением мужчин к обладанию данным ресурсом. Однако изображение *доллара* чаще встречается на женских рисунках — 21,2 % против 20,3 % у мужчин.

Безусловно, *оружие* чаще встречается на мужских рисунках (8,2 против 4,7 % у женщин).

Для женщин власть более персонафицирована, очевидно, потому что для женщин власть предстает не как поле для борьбы, а как данность. Поэтому изображения *Президента* как символической фигуры власти чаще встречаются на женских рисунках — 21,4 % и 11,4 % у мужчин.

В. В. Путин также чаще встречается в женских проективных тестах: 19,2 % против 10,8 % у мужчин. Это можно объяснить предположением О. В. Великановой [3], что лидер для женщин имеет, в том числе, значение сексуального символа. Это подтверждается и работой специалистов по имиджу, которые регулярно подчеркивают мужественность Президента России.

Примечательно, что *ресурсные и экономические символы* встречаются одинаково часто в мужских и женских тестах (всего: 12,03 % мужчин и 12,44 % женщин, из них ресурсы — 5,1 % у мужчин и 5,7 % у женщин, символы — около 7 % мужчин и 6,7 % женщин). Это говорит о том, что для обоих полов политическое лидерство отождествляется, прежде всего, с обладанием экономического благополучия и возможностью получения высоких доходов (часто вместе с ресурсами изображают и деньги, которые владелец ресурсов получает от их использования).

Результаты проведенного исследования показали традиционно высокую степень персонификации российской власти в сознании граждан.

Кроме того, было выявлено, что восприятие символов в образе политического лидера в сознании россиян является в большей степени индивидуалистическим, стереотипическим и архетипическим. Символы в проективных тестах встречаются значительно реже.

Наиболее часто встречающиеся символы относятся к группе денежных символов, при этом чаще всего изображается знак доллара. Также достаточно частым символом являются монархические регалии, что свидетельствует как о сакрализации образа политического лидера в сознании российских граждан, так и о восприятии современной власти как авторитарной.

Изучение динамики изменения символов в зависимости от политических событий показало, что данные события оказывают больше влияние на восприятие образа политического лидера и символические компоненты в данном образе. При этом наиболее значимыми оказались события 2014 г. Исследование показало, что высокую степень влияния на формирование и трансформацию символов имеют политические события, происходящие в государстве, и их трактовка данных событий в средствах массовой информации.

Сравнительное исследование символического компонента в образе лидера в сознании российских мужчин и женщин показало, что для мужчин более значимыми являются национально-государственные символы, монархические регалии и денежные символы. Кроме того, мужчины используют большее количество символов власти, это позволяет сделать вывод, что они являются более политически активными. В то время как для женщин, в первую очередь, важен политический лидер (в частности, действующий Президент), чуть более значимыми являются ресурсно-экономические символы (что

обусловлено традиционной женской ролью в распределении семейного бюджета). Кроме того, женщины чаще используют архетипический символ солнца в образе политического лидера.

Трудность данного исследования заключалась в неравномерности выборки, поскольку далеко не каждый респондент

изображает власть в образе политического лидера. Ввиду этого представляется необходимым продолжить дальнейшее исследование символического компонента в сознании российских граждан с целью подтверждения выявленных закономерностей.

Литература

1. *Абашкина Е. Е., Егорова-Гантман Е., Косолапова Ю.* Политиками не рождаются: как стать и остаться эффективным политическим лидером. В 2 т. / Абашкина Е., Егорова-Гантман Е., Косолапова Ю. и др. — М.: АНТИКВА, 1993. — Т. 2.
2. *Бурдьё П.* Социология политики. Socio-Logos. — М., 1994.
3. *Великанова О. В.* Функции образа лидера в массовом сознании. Гитлеровская Германия и советская Россия // Психология и психоанализ власти. Хрестоматия в 2 т. Т. 2, ВАХРАХ. — Самара, 1999.
4. *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года. — М., 1999.
5. *Коноваленко А. В.* Психология политической рекламы. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2005.
6. *Мисюров Д. А.* Политическая символика: между идеологией и рекламой. — Полис. Политические исследования. — 1999. — № 1.
7. *Нагорная Л. К., Чепашева И. В.* Политический символ в системе общественных отношений // Ползуновский вестник. — 2006. — № 3.
8. Политическая психология: учебник / Под ред. Е. Б. Шестопаля. — М.: Инфра-М, 2002.
9. Психология восприятия власти / Под ред. Шестопаля Е. Б. М.: Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2002.
10. *Роберт У. Кокс.* Грамши, гегемония и международные отношения: очерк о методе // Левиафан: Контргегемония и евроцентризм (Вып. 5). — М., 2013.
11. *Фоломеева Т. В., Бартенева О. В.* Опыт применения проективной методики «Психологический рисунок» в исследовании восприятия социальных объектов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. — 2000. — № 2.
12. *Шайдуллина Ю. А.* Методика психологического рисунка в качественном социально-психологическом исследовании: дис. канд. психол. наук. — М., 2005.
13. *Шестопаля Е. Б.* Новые тенденции восприятия власти в России — Полис. Политические исследования. — 2005. — № 3. — С. 137–151.
14. *Юнг К. Г.* Архетип и символ. — М., 1991.
15. *Юнг К. Г.* Человек и его символы. — СПб, 1996.

Электоральное поведение молодежи областей Южного федерального округа Российской Федерации: региональные тренды и особенности

Аннотация

В рамках настоящей статьи предпринята попытка анализа региональных особенностей электорального поведения молодежи областей Южного федерального округа (ЮФО): Астраханской, Волгоградской и Ростовской. Предложено определение категории «электоральное поведение», уточнены качества молодежи, обуславливающие ее поведение в политике. Доказано, что электоральное поведение молодежи областей ЮФО соответствует общефедеральным трендам, однако формируется под влиянием специфики региона. Указаны основные проблемы, обуславливающие низкий уровень электоральной активности молодежи. Обосновано значение деятельности и окна возможностей для партий и молодежных политических организаций по мобилизации и привлечению молодых людей к числу собственных сторонников, в том числе и в областях ЮФО. Обобщены результаты эмпирических исследований, отражающие субъективные оценки текущего экономического положения, данные молодыми людьми, а также выявлены политические ориентации молодежи регионов.

Ключевые слова: электоральное поведение, молодежь, Астраханская область, Волгоградская область, Ростовская область.

Автор

Самозазова Анастасия Евгеньевна

Студентка
кафедры международных отношений,
политологии
и регионоведения
Волгоградского государственного университета
(Волгоград, Россия)

В рамках российской действительности электоральное поведение становится доминирующей формой участия граждан в политической жизни страны. Выборы как акт волеизъявления народа выступают в качестве индикатора, отражающего и отношение населения к правительственному курсу, и состояние его политической культуры, и перспективы развития гражданского общества, что и предопределяет важность электоральных исследований.

Традиционно исследования в области политического поведения находятся в ведении бихевиорального направления, где политическая сторона жизни общества мыслится как часть более широкого социального и культурного контекста, общие нормы которого и определяют поведение индивидов. Эта же традиция вскрывает реактивную природу поведения: каждой «реакции» предшествует некий стимул.

Именно на такой теоретической позиции стоит исследователь В. Л. Римский,

определивший электоральное поведение как «систему взаимосвязанных реакций, действий или бездействий граждан, осуществляемых с целью приспособления к условиям проведения политических выборов» [1]. Подобное определение подчеркивает, что тот или иной электоральный выбор обусловлен как конкретным предложением текущего электорального цикла, так и целым набором факторов, присущих самой личности. Группы факторов при этом могут носить как объективный характер, отражая положение избирателя в социуме, так и субъективный, связанный с его личными оценками, установками и предпочтениями.

Классическими в деле изучения детерминантного состава электорального поведения признаны социологическая и социально-психологическая теории, а также теория рационального выбора. Классические теории сосредоточены на определении тех действующих на избирателя сил и векторов, которые только и способны предопределить его электоральный выбор. Однако современные исследования наглядно демонстрируют тот факт, что попытка установления жесткой взаимосвязи между влиянием конкретного фактора и электоральным выбором индивида не выдерживает эмпирической проверки. Поскольку индивид находится под синхронным влиянием бесконечного количества детерминант и переменных, выявлять доминирующее положение какой-то одной из них отнюдь не представляется целесообразным. Именно поэтому последующие модели имели иные основания: опору на процесс принятия решений в случае когнитивной модели и попытку увязать в единое целое сразу несколько групп факторов в условиях модели воронки причинности.

Само многообразие теоретических споров и объяснительных моделей непосредственно указывает на сложность субъекта — носителя поведенческих практик. Неоспорим тот факт, что избиратели не являются гомогенным образованием, насколько не может быть таковым

любое общество. Каждая из групп в силу присущей ей специфики испытывает на себе различную степень влияния факторов как объективного, так и субъективного происхождения.

Наиболее перспективной, динамичной и открытой по отношению к внешней среде группой является молодежь, которая вместе с тем может представлять собой и источник риска. Поиск собственного предназначения, неокрепшая психика, незавершенный процесс выработки устойчивой системы ценностей и ориентаций — она признается как наиболее динамичная социальная группа, так и наиболее инфантильная часть общества.

Помимо переживания внутренних противоречий молодежь испытывает на себе влияние социальных институтов, культурных, экономических и политических условий, что связано с наиболее активным периодом социализации личности. Молодость — это именно тот возраст, когда люди получают и воспринимают политические установки, примыкают к определенным идеям и ценностям, демонстрируют желание активно реализовывать их на практике посредством включения в политическую жизнь. Через призму своей картины мира молодежь воспринимает политическую реальность, через систему ценностных ориентаций формирует отношение к политическим явлениям, на чем и основывается ориентация на использование определенных форм политического участия и содержание электорального выбора. В молодежном сознании и поведении самым причудливым образом могут сочетаться противоречащие друг другу черты и качества.

Таким образом, молодежь есть социально-демографическая группа, членом которой объединяют сходные групповые ценности, психофизиологические особенности, статусные и ролевые позиции. Особенности позиционирования молодежи в социально-политическом пространстве, ее ценности и ориентиры, опосредующие влияние факторов внешней среды, пре-

Электоральное поведение молодежи областей Южного федерального округа Российской Федерации

допределяют формы и способы участия молодежи в политической жизни страны.

Проблема молодежной электоральной активности в современной России сопряжена с целым рядом причин и факторов. Нередко само общество становится причиной отчуждения молодежи от политики: дефицит электоральной культуры в России обуславливает невозможность эффективной политической социализации личности. Влияние ее ключевых агентов — родителей, системы среднего и высшего образования, социального окружения — главный фактор, который закладывает определенную модель голосования. Здесь молодежь становится заложником доминирующих в общественной среде установок на то или иное отношение к политике. Зачастую воспитываясь в атмосфере недоверия к властным структурам и политической пассивности, молодежь в силу собственных психологических особенностей, связанных с лабильностью, инфантильностью и отсутствием опыта принятия политических решений, превращается вместо ведущей политической силы в одну из самых политически апатичных групп современного российского общества. Молодые люди редко обладают опытом принятия решений, разносторонними ресурсами для выявления объективной информации, составляя «сомневающийся» тип электората.

Стоит отметить также, что политика не является для большей части молодежи привлекательной, не относится к структуре ее основных жизненных интересов, которые зачастую сосредоточены на получении различных благ и формировании комфортных условий жизнедеятельности. Молодые люди не соотносят себя с политической деятельностью, не стремятся к выбору карьерной стратегии в этой сфере, находя более приемлемые для себя способы профессиональной и личной самореализации. Возможно, не последнюю роль здесь играет доминирующий стереотип о политике как о «грязном деле». Вместе с тем те представители молодежной когорты, которые готовы

избрать для себя политический путь как средство достижения тех или иных целей, чаще всего имеют эгоистические и прагматические мотивы.

Пассивная гражданская позиция напрямую соотносится с проблемой неразвитости демократических институтов и гражданского общества в России в целом, а отсутствие у политического и электорального процессов пометки «значимый» для молодежи приводит к нежеланию тратить ресурсы на анализ политической повестки дня для выработки собственной активной позиции и принятия осознанного электорального решения. Согласно данным ФОМа, «политикой интересуются 37 % молодежи и почти две трети молодых граждан (62 %) не проявляют интереса к этой сфере» [3]. Во многом именно отсутствие глубокой заинтересованности в политическом вопросе и приводит к доминированию иррациональных факторов, будь то личные симпатии, эмоциональное отношение, скорее, к личности и внешним признакам, декларируемым позициям и образу кандидата в целом, каких-либо ситуативных аспектов.

При этом идеологическая и партийная солидаризация не играют практически никакой роли при голосовании молодых людей. При этом молодежные организации политических партий и движений в современной России так и не смогли «стать реальным инструментом формирования политической активности молодежи. Наиболее известные организации: „Молодая гвардия Единой России“, „Молодые социалисты России“, „Молодежное Яблоко“, „Время молодых“ („Соколы Жириновского“), которые ставили своей целью повышение политической грамотности, вовлечение молодежи в политические процессы, патриотическое воспитание и др., на сегодняшний момент или прекратили свою деятельность или функционируют слабо» [5]. Наибольший процент узнаваемости среди молодежных организаций по России принадлежит «Молодой гвардии Единой России» и составляет 32 % [6].

В числе факторов, провоцирующих низкую электоральную активность молодежи, — тотальная несовместимость интересов, потребностей и ценностей молодых людей с тем «политическим продуктом», который предлагают им кандидаты на те или иные посты.

Представляется справедливым предположение о том, что население субъектов Российской Федерации — носитель общефедеральных трендов: электоральное поведение юных жителей Южного федерального округа, сформировавшееся в сходных социокультурных и исторических условиях, в целом соответствует указанным тенденциям.

На содержание электорального выбора молодежи региона накладывают отпечаток внешние объективные факторы: национальный состав, географические условия и уровень экономического развития, идеологическая приверженность субъекта РФ, а также расстановка политических сил. Таким образом, сочетание федерального и локального создает неповторимый колорит каждого субъекта, под влиянием которого формируется специфика электоральной культуры всего населения в целом и молодежи в частности, а также происходит конструирование набора наиболее приемлемых моделей электорального поведения.

Сосредоточение фокуса внимания на областях ЮФО не случайно: несмотря на то, что все три субъекта России имеют одинаковый статус в системе административно-территориального деления страны и являются схожими образованиями, каждый из них обладает своей ярко выраженной спецификой.

С точки зрения географического положения Ростовская область гораздо ближе к Краснодарскому краю в культурном плане; Астраханская область является частью Прикаспийского региона; Волгоградская область долгое время входила в состав Приволжского федерального округа, более тяготеет именно к числу субъектов на Волге, чем к южным. Различия имеют

место быть и по линии национального состава населения (влияние казачества на жизненный уклад в Ростовской области, большое количество жителей, которые ранее проживали в СНГ и национальных республиках России в Астраханской, где около 60 % русского населения против 90 % в Ростовской и Волгоградской областях).

Таким образом, несмотря на то, что все три области ЮФО относятся к югу России и разделяют «южную» политическую ориентацию, включая длительную принадлежность к «красному поясу», значимым с точки зрения настоящего исследования становится выявление воздействия культурных, географических и этнических различий на электоральное поведение проживающей в них молодежи.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики на 2016 г., численность молодежи составляет 27 588 тыс. человек [7]. Общая численность российских избирателей на июль 2016 г. составила почти 110 млн человек [8]. При этом возрастная группа от 20 до 29 лет насчитывает около 21 млн человек, что составляет практически одну пятую часть от числа всех российских избирателей. Подобное соотношение прослеживается и в областях ЮФО: молодой электорат Волгоградской и Астраханской областей составляет около 22 % избирателей, в то время, как в Ростовской области их количество составляет 26 %. Приведенные данные лишь укрепляют уверенность в том, что молодежь представляет собой одну из ключевых сил, способных предопределять траекторию развития российского политического процесса.

В научной литературе значимым для формирования модели электорального поведения индивида представляются факторы экономического порядка. С точки зрения экономической ориентации Астраханская область отличается наличием непосредственного выхода к Каспийскому морю, что расширяет возможности взаимодействия с другими странами Ка-

Электоральное поведение молодежи областей Южного федерального округа Российской Федерации

спийского региона, а также становится основой расширения торговых потоков. Вместе с тем экономическое развитие области имеет аграрную ориентацию, сосредоточено на добыче полезных ископаемых. Волгоградская область экономически представляет собой аграрный регион, имеющий ряд крупных функционирующих промышленных предприятий. В свою очередь, Ростовская область — один из наиболее успешных в России аграрно-промышленных регионов.

Согласно данным Рейтинга социально-экономического положения субъектов РФ по итогам 2015 г. [9], Ростовская область расположилась на 24-м месте, Волгоградская на 34-м, а Астраханская на 58-м. В Рейтинге российских регионов по качеству жизни [10] Ростовская область на 18-м, Волгоградская на 31-м, а Астраханская на 47-м. Подобные социально-экономические условия жизнедеятельности населения могут оказывать влияние на политические и электоральные предпочтения молодых людей.

Социологическое исследование электоральной активности молодежи Волгоградской области [11] дает представление об оценках молодыми людьми Волгоградской области собственного материального положения, их электоральных предпочтениях, а также главных источниках получения информации. Оценку материального положения своей семьи молодые люди дали следующим образом: 13,5 % опрошенных определили его как «хорошее», 54 % — «среднее», 11 % — «плохое», при этом 21,5 % затруднились с ответом на данный вопрос.

Согласно результатам исследования, в Ростовской области [12] 13,2 % молодых людей склонны расценивать материальное положение как «высокое», 27 % — «скорее высокое», 32,3 % — «скорее низкое», 16,9 % — «низкое».

При этом Астраханская, Волгоградская и Ростовская области могут рассматриваться как потенциально похожие в силу влияния урбанистического фактора

и аграрно-ориентированной экономики. Все три области долгое время сохраняли свое место в составе так называемого «красного пояса», затрагивающего южную часть России, где традиционно доминируют идеологические установки левого толка. Несмотря на распространение точки зрения ряда исследователей о том, что области, согласно результатам выборов последних лет, смогли преодолеть тягу к «красному», позиции партий левой направленности остаются традиционно сильны в рамках их электорального пространства. Согласно типологии электорального поведения, приведенной в работах исследователя И. В. Гудкова [13], электорат всех трех областей склонен воспроизводить так называемый традиционный тип электорального поведения, внутри которого выделяются традиционное партийное (идеологическое) и консервативное (инерционное). И если приверженцами идеологического голосования выступают представители старшего поколения, «чье политическое самоопределение происходило в перестроечные годы», то молодежь становится полем битвы двух систем социокультурных генотипов: инновационным и инерционным. И линия демаркации здесь проходит по расколу «город — село», где города становятся глотком инновации, в то время, как явно доминирующие по занимаемой площади в областях ЮФО сельские поселения с доминированием аграрно-ориентированной экономики становятся источником консерватизма, предпочитая стабильность, взвешенность, «хорошо проверенное старое». Именно здесь образуется вторая разновидность традиционного типа — консервативная или инерционная модель электорального поведения, обусловленная не идеологическими установками, а социокультурным контекстом. Молодежь, чья политическая социализация происходит в подобных условиях, впитывает в себя специфику инерционного голосования: в таком случае реальный интерес к поли-

тике и рационалистические мотивы подменяются эмоциональными компонентами, «привычкой» с опорой не на личное, а на коллективное мнение, дань традициям, влиянием манипулятивных технологий, административного ресурса, «реализацией метода кнута и пряника».

Голосование за «Единую Россию» прослеживается во всех возрастных группах, достаточно часто реализуется именно представителями младшей возрастной группы [14]. Однако фактором голосования за партию «Единая Россия» могут стать поддержка в молодежной среде Президента России В. В. Путина и популярность Молодой гвардии. «Единая Россия» как «партия Президента» в ассоциациях молодежи зарабатывает свои политические очки за счет персонализированного голосования: данные ФОМа [15] показывают, что поддержка В. В. Путина в молодежной среде составляет 63 %. Недовольство и безразличие высказали около 15 % респондентов. Свою лепту вносят и «молодогвардейцы», достигая успехов в стремлении участвовать в политической жизни регионов, в том числе и в Волгоградской и Ростовской областях.

Электорат партии «Единая Россия» чаще всего характеризуется уровнем материальной удовлетворенности выше среднего. Сюда же можно отнести высокий уровень оптимизма и крайне амбициозную оценку собственных жизненных перспектив, что также заставляет молодежь желать сохранения существующего порядка.

В Астраханской области, уровень материального благополучия населения которой значительно ниже, чем в двух других областях ЮФО, население более склонно к голосованию за партии левого толка. Однако здесь явно лидируют «новые» левые: «Справедливая Россия» — 18,9 % голосов против КПРФ с поддержкой на уровне 14,6 %. Оба результата выше, чем в целом по стране, что соответствует представлениям о голосовании на юге России, однако, если результаты КПРФ в целом отличаются от общероссийских незначительно, то у «Справедливой России» по области

в два раза большее количество голосов. Теплое отношение астраханцев к эсерам связано с личностью широко известного в области политика О. Шеина. Отношение к ЛДПР в области соответствует общефедеральному уровню, однако уровень поддержки либеральных сил низок даже для юга России. Уровень поддержки партии власти зафиксирован на уровне 43 %, что более чем на 10 пунктов ниже показателя по стране. Вкупе с крайне низкой явкой — 37 % — это может свидетельствовать о недовольстве жителей области уровнем социально-экономического развития.

Волгоградская область традиционно продемонстрировала чуть больше внимания к КПРФ и ЛДПР — 15,22 и 16,48 %, чем в целом по России. Поддержка «Единой России» остается высокой и составляет 51 %.

В Ростовской области из трех областей ЮФО самая высокая явка на уровне 48 %, а также уровень голосования за партию власти — практически 60 %, что даже выше, чем результат по стране. Это может свидетельствовать о том, что жители области в целом довольны качеством собственной жизни, а также чуть более остро осознают влияние политической сферы на их жизнь. Вместе с тем уровень поддержки либеральных сил ниже, чем по стране, в то время, как поддержка ЛДПР и КПРФ приближена к общероссийской.

Таким образом, можно говорить о том, что в рамках каждой из областей складываются собственные электоральные предпочтения, которые не может не впитывать молодежь.

Молодежь всех областей продемонстрировала низкий уровень заинтересованности в политике, что в целом соответствует общефедеральному тренду и подтверждает предположение о том, что, во-первых, большая часть молодежи занята решением собственных повседневных проблем, а во-вторых, подавляющее большинство молодых людей не склонно примерять себя в рамках политической деятельности. Не удивителен и тот факт, что не более 2 % молодежи в каждой из обла-

Электоральное поведение молодежи областей Южного федерального округа Российской Федерации

стей ЮФО состоят в какой-либо политической партии или движении. Уровень электорального участия также низок — около половины населения каждой из областей ЮФО никогда не участвовали в выборах.

Таким образом, электоральное поведение молодежи областей ЮФО формируется под влиянием общефедеральных трендов, воспроизводимых в рамках политической ориентации и специфики регионов. Сохранение достаточно высокого уровня недоверия к деятельности политических институтов (всего 44 % респондентов высказали одобрение к деятельности Государственной Думы, 56 % — к институту губернаторства, 50 % — к деятельности Правительства РФ [16]), социальное расслоение российского общества, отчужденность власти и общества, а также равнодушие «взрослых политиков» приводят к распространению в молодежной среде политической пассивности и абсентеизма. Недостаточный личный опыт в процессе принятия решений, стремление к солидаризации с мнением большинства может стать причиной конформистского голосования. Вместе с тем повлиять на электоральное поведение молодых людей может и ситуация непосредственно вокруг них — уровень экономического развития областей,

в которых они живут, уровень урбанизации и интенсивность раскола «город — село», этнический фактор, а также общая «склонность» населения региона к голосованию за ту или иную политическую силу. Стратегия электорального поведения молодежи регионов подчинена иррациональной мотивации и воздействию эмоциональных компонентов: молодежь каждой из областей ЮФО более склонна к экспрессивному выбору, чем к рациональному. При этом значительных различий не обнаружено: молодежь и Волгоградской, и Астраханской, и Ростовской областей склонна к солидаризации своего решения со своим социальным окружением, ориентации на эмоциональные компоненты и черты образа кандидатов и партий, а также не выделяет политику значимой для себя, а потому не желает тратить усилия на анализ электорального предложения. Однако непосредственно электоральный выбор молодого человека зависит от влияния региональных тенденций: поддержка партии власти в более успешных регионах (Ростовская и Волгоградская области) и привычное голосование за партии левого толка (Волгоградская и Астраханская области).

Литература

1. Римский, В. Л. Клиентизм как фактор электорального поведения российских граждан / В. Л. Римский. — URL: <http://www.democracy.ru/library/articles/klientelizm/index.html>.
2. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. — М.: ЦСПиМ, 2010. — 592 с.
3. Бетехтина А. В., Олухов Н. В. Электоральное поведение молодежи: почему молодежь не ходит на выборы? Научно-информационный журнал «Вопросы управления». — Вып. 3 (20). 2012. — URL <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2012/03/02/>. (Дата обращения: 23.03.2017).
4. Веревкин А. И. Электоральный процесс в современной России: неопределенность vs «Управляемость» // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. — 2011. — № 4. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/elektoralnyy-protsess-v-sovremennoy-rossii-neopredelennost-vs-upravlyaemost>. (Дата обращения: 23.03.2017).
5. Сергеева З. Н. Конформистское отношение студенческой молодежи к электоральному процессу // Сибирский педагогический журнал. — 2015. — № 4. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/konformistskoe-otnoshenie-studencheskoy-molodezhi-k-elektoralnomu-protssesu>. (Дата обращения: 23.03.2017).

6. Рейтинг узнаваемости молодежных политических организаций. База данных. Фонд «общественное мнение». — URL: http://bd.fom.ru/report/cat/yong_pol/pressr_250511. (Дата обращения: 23.03.2017).
7. Распределение населения по возрастным группам. Федеральная служба государственной статистики. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#. (Дата обращения: 24.03.2017).
8. Сведения об общей численности избирателей, участников референдума Российской Федерации по состоянию на 1 июля 2016 года. URL: <http://www.cikrf.ru/izbiratel/quantity/20160823.html> (дата обращения: 24.03.2017).
9. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ по итогам 2015 года. РиаРейтинг. — URL: <http://www.riarating.ru/infografika/20160615/630026367.html>. (дата обращения: 24.03.17).
10. Рейтинг российских регионов по качеству жизни. РиаРейтинг. — URL: <http://www.riarating.ru/infografika/20160225/630010958.html>. (дата обращения: 24.03.2017).
11. Социологическое исследование электоральной активности молодежи Волгоградской области. ГБОУ ДПО ВО «Институт молодежной политики и социальной работы» / Крапивенский В. С. — Волгоград, 2014. URL: http://www.ikvo.ru/elections-and-referendums/Edyn_14_09_2014/agitacia/Социологическое%20исследование%20электоральной%20активности%20молодежи%20Волгоградской%20области.pdf. (дата обращения: 23.03.2017).
12. *Иванова М. И., Мощенко И. Н., Розин М. Д.* Анализ отношения молодежи к политической жизни в г. Ростов-на-Дону в 2012 году // ИВД. — 2013. — № 3 (26). — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/analiz-otnosheniya-molodezhi-k-politicheskoy-zhizni-v-g-rostov-na-donu-v-2012-godu>. (дата обращения: 23.03.2017).
13. *Гудков И. В.* Типологии электорального поведения в контексте выборов органов представительной власти РФ // Человек. Сообщество. Упр. — 2008. — № 2. — С. 14–29.
14. *Ерохин Н. А.* Демографический фактор в электоральных процессах // Pro nunc. — 2015. — № 2 (15). — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskiy-faktor-v-elektoralnyh-protsessah> (дата обращения: 25.03.17).
15. Политические индикаторы. Рейтинги ФОМ. Ноябрь 2016. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d44pi2016.pdf>. (дата обращения: 23.03.2017).
16. Одобрение органов власти (данные на 16.12.16). Левада-центр. URL: <http://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti> (дата обращения: 23.03.17).

Терроризм как одна из ключевых глобальных угроз человечеству в современном мире

Аннотация

В начале XXI в. проблема терроризма стала особо актуальной для всего мирового сообщества. Проявления терроризма и трансформация международной ситуации за последние 20 лет заставляют осознать глобальность происходящего и принять тот факт, что терроризм стал не просто социально-политическим явлением современности, а превратился в особую технологию устрашения масс. Несомненным также является то, что трансграничный фактор терроризма ставит все страны мира на один уровень, вне зависимости от их экономического развития и степени организации системы национальной безопасности. Особо стоит отметить политическую аргументацию и идеологизированность проявления терроризма. Практически за все совершаемые террористические акты ответственность на себя берут крупные террористические группировки. Последствия терроризма масштабны. Параллельно с возрастающей силой террора развиваются и технологии противодействия терроризму. Но в чем заключается специфика терроризма и совершаемого террора? Как противостоять данной угрозе? Каковы перспективы искоренения терроризма в мире? С целью ответа на данные вопросы автором статьи предпринята попытка анализа некоторых факторов существующей международной ситуации в аспекте проявления терроризма.

Ключевые слова: терроризм, глобальная угроза, противодействие терроризму, политическая ситуация, международное сообщество, внешняя политика России.

Автор

Михаленко Алина Александровна

Студентка
магистратуры
Российского государственного
социального университета
(Москва, Россия)

В конце 1990-х гг. в ходе развития событий чеченского конфликта на территории республик Северного Кавказа России сформировались локальные террористические группировки, возглавляемые исламскими радикалами. Серия терактов потрясла города России. Взрывы в метро (1996, 1998 гг.), на улице Гурьянова и на Каширском шоссе (1999 г.);

захват Театрального центра на Дубровке в Москве (2002 г.), новые взрывы в метро (2001, 2004 гг.); теракты в Буденновске (1995 г.) и Волгодонске (1999 г.), взрывы бомб во Владикавказе и Каспийске (2002 г.), на рок-фестивале «Крылья» в Москве (2003 г.); беспрецедентный захват школы в Беслане (2004 г.) и другие многочисленные инциденты террористической

направленности привели к осознанию масштабов разросшейся угрозы.

11 сентября 2001 г. произошла террористическая атака в США. Всем хорошо известны события, когда террористической группировкой «Аль-Каида» была совершена серия террористических атак на башни-близнецы в Нью-Йорке. Хорошо подготовленные террористы сначала захватили 4 пассажирских самолета с целью угона, затем два из них были направлены на Нью-Йорк. В результате террористического акта погибло около 3 тысяч человек, этот теракт стал крупнейшим в истории по числу жертв. С этого момента осмысление потенциала терроризма поменялось у всего мирового сообщества.

Само понятие «терроризм» приобрело кардинально новое значение. В формате международного диалога страны приступили к разработке стратегии совместных усилий по противодействию терроризму и повышению уровня безопасности во всех общественных местах: аэропортах, вокзалах, метро, торговых центрах и т. д. За период с 1963 г. международное сообщество разработало 19 международных соглашений, направленных на предотвращение террористических нападений [1]. Весь мир находился в состоянии шока, даже правоохранительные органы не смогли просчитать подобный исход террористических действий.

Началась разработка новых методов и способов борьбы с террористической угрозой, тактик вычисления террористов и нахождения их группировок, механизмов ликвидации террористов, мер безопасности и предосторожности граждан.

На какое-то время уровень террористической угрозы снизился, но вскоре террористические атаки возобновились с новой силой и в иных масштабах.

К сожалению, Россию не обошла стороной эта волна. 29 марта 2010 г. произошел новый теракт в московском метро на Сокольнической линии. Специфика террористических действий стала более изощренной. Теракт совершили две

женщины, специально подготовленные как террористки-смертницы. Данный теракт привнес в общество новые страхи и опасения.

Это не единственные теракты, которые были совершены террористическими организациями, было еще много других. Мировое сообщество осознало, что это не типичные теракты, которые возможно предсказать. Каждый теракт поражает своей «новизной». Стало понятно, что для совершения подобного акта не обязательно обладать уникальными технологиями, умениями или навыками. Оказалось, достаточно найти и подготовить человека-смертника. Технологии вербовки стали основной целью террористической сети, широко распространившейся по всем крупным государствам и на постсоветском пространстве.

Пришло осмысление, что террористы — это не просто преступники, это идеологически настроенные, специально обученные люди, целью которых являются исключительно власть силы, дестабилизация мирового порядка и политические интересы. Подобные организации имеют внешнее теневое финансирование и поддержку определенных теневых лобби мирового сообщества. Арестовать или изловить, а уж тем более призвать к ответственности такие группировки не представляется возможным. Поэтому такие классические механизмы, как ООН, тут не срабатывают. Практически после каждого террористического акта исламские радикалы брали на себя ответственность путем размещения видео и сообщений в социальных сетях. Применялась технология запугивания на основе внушения о бездействии властей, беспомощности сил безопасности и безнаказанности последствий теракта. Видеоролики кровавых расправ террористов с так называемыми «неверными», которых террористы открыто и безжалостно убивали с целью демонстрации своей силы, также размещались в сети Интернет. Это один из ключевых совре-

Терроризм как одна из ключевых глобальных угроз человечеству в современном мире

менных факторов распространенности явления терроризма — информационная среда сети Интернет.

Что лежит в основе террора, какова его современная специфика? Почему терроризм называют социально-политическим явлением и обозначают как глобальную проблему? Для того чтобы ответить на поставленные вопросы, стоит, в первую очередь, обратиться к самой сути терроризма, а вернее к его основе — террору.

Изучая данное понятие в энциклопедической среде, первое, с чем сталкиваешься, это с наименованием потухшего вулкана в Антарктиде. Он имеет точно такое название — Теггог. Определенно то, что террор представляет собой крайнюю степень проявления жестокости, злонамеренности и насильственных действий, совершаемых по отношению к мирному населению, отчасти подобен извержению вулкана.

Так или иначе, террор имеет в своей основе принцип психологического давления, угнетения, насильственных действий репрессивного характера вплоть до убийства с целью устрашения, подавления политических противников, конкурентов, навязывания определенной линии поведения [2]. Террор является основой явления терроризма.

Многочисленные исследования показали, что рост агрессивного поведения, насилия, экстремизма и терроризма обусловлен крупными и резкими социальными переменами (например, модернизация страны) и связанными с этими переменами нарушениями традиционной организации общества [4].

Терроризм имеет классификацию. Так, различают типы проявления терроризма по методу воздействия; по характеру влияния; по целям; по масштабам; по видам; по идеологической основе и сфере проявления; по силам и средствам; по направленности и т. д.

Рядом исследователей было выявлено, что террористы могут делиться на два типа личности. Один из них — уверенный в себе, высокоинтеллектуальный, стремя-

щийся к власти в обществе, другой — неуверенный в себе, с низкой самооценкой, неудачник со слабым «Я». Отсюда вытекает иерархия в подобных организациях. Первые типы личности — идеологические лидеры, организаторы, разработчики механизма терактов, вторые — исполнители, завербованные слабые личности, не понимающие последствия своих действий, которым внушили, что благодаря им на Земле будут уничтожены неверные, лишние люди, «балласт».

Из вышесказанного можно сделать некоторые выводы. По социологическим данным на сегодняшний день практически каждый второй человек не чувствует безопасности или подвержен страху от проявлений терроризма. Автором осознанно не приводится фактор ислама и исламского фундаментализма как ключевой в аспекте террористической деятельности, который, безусловно, также играет не последнюю роль в развертывании масштабов распространения терроризма.

Современный мир содрогается при упоминании ИГИЛ¹ — террористической организации, фактически возникшей в 2013 г. с целью объединения усилий множества международных террористических группировок, таких как «Аль-Каида». Это непризнанное государство Ирака и Леванта, преследующее свои политические интересы, путем массового уничтожения «неверного» мирного населения. Сегодня последователи организации существуют почти во всех странах мира. Довольно часто происходят террористические акты в Европе, США, России, в других странах и уголках мира. Можно считать, что ни одно государство не застраховано от террористов.

Международные организации, органы государственной власти ежегодно

¹ ИГИЛ — Исламское государство Ирака и Леванта. Террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

закljučают договора и издают законы по противодействию терроризму. Искоренение данной проблемы — основная цель всего мирового сообщества. Предотвращение терактов и ослабление экстремистских движений является приоритетной задачей стратегии борьбы с терроризмом. Противодействие этому негативному социальному явлению требует всестороннего комплексного, поэтапного подхода. В первую очередь, это ужесточение правовых последствий для лиц, связанных с террористической деятельностью. Правительственные службы не должны оставлять без внимания любые очаги возникновения, такие как религиозные секты или радикальные группы. Далее, на международ-

ном уровне, необходимо всестороннее взаимодействие спецслужб государств, создание единого контртеррористического пространства. Принятие парламентариями всех ответственных стран Всеобъемлющей конвенции ООН против международного терроризма будет способствовать объединению усилий для скорейшего искоренения самого опасного на сегодняшний день мирового зла [7]. Устранить причины, порождающие терроризм, оценить важность данного явления, покончить с терроризмом как с методом политической борьбы возможно лишь при совместном усилии всего мирового сообщества в целом.

Литература

1. Контртеррористическое управление ООН. Электронный ресурс. — URL: <http://www.un.org/ru/counterterrorism/legal-instruments.shtml> (дата обращения: 19.07.2017).
2. Современная энциклопедия на «Академике». Террор. Электронный ресурс. — URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/9210/%D0%A2%D0%95%D0%A0%D0%A0%D0%9E%D0%A0 (дата обращения: 22.07.2017).
3. *Ениколопов С. Н.* Терроризм и агрессивное поведение // Национальный психологический журнал. — 2006. — № 1 (1) — С. 28–32.
4. *Шарипов У. З.* Государственный терроризм и его активизация в современном международном терроризме / Научно-аналитический журнал «Обозреватель — OBSERVER», 2012. — С. 57–62.
5. Антитеррор РГПУ им. А. И. Герцена. Терроризм как социальное явление. Электронный ресурс. — URL: <http://antiterror.herzen.spb.ru/terrorism.php# 1.4> (дата обращения: 21.07.2017).
6. Типы террористических угроз. Электронный ресурс. — URL: <http://www.magnus-group.ru/antiterroristicheskaja-zashita-obekta> (дата обращения: 21.07.2017).
7. Всеобъемлющая конвенция ООН против терроризма скажется на политике стран. ИА REGNUM. 21 октября 2016 года. — URL: <https://regnum.ru/news/polit/2195548.html> (дата обращения: 20.07.2017).
8. *Новиков Д. Р.* Терроризм: методы борьбы и противодействие терроризму на территории Российской Федерации / Актуальные проблемы государственного и муниципального управления в условиях глобализационных процессов в мире, 2015. — С. 357–362.
9. Аналитический доклад «Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма государствам — членам ОДКБ на Центральноазиатском и Афганском направлениях» / Институт международных исследований МГИМО МИД России, 2017.
10. *Рудницкая А. П., Дуденкова Ю. Е.* Доктрина ислама как основа развития мусульманских государств в современных условиях глобального мира / В сборнике: Проблемы и перспективы социально-экономического реформирования современного госу-

Терроризм как одна из ключевых глобальных
угроз человечеству в современном мире

дарства и общества. Материалы XVII международной научно-практической конференции. Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований». 2014. — С. 206–212.

11. *Рудницкая А. П.* Факторы усиления политического противоборства и участия мусульманских государств в системе современных международных отношений (на примере Королевства Саудовская Аравия и Исламской Республики Иран) / В сборнике: Россия в условиях новой политической реальности: стратегия и методы развития. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 2016. — С. 236–237.

Технологии сетевой конфликтной мобилизации: формы и задачи

Аннотация

В данной статье рассмотрены методы и технологии сетевой конфликтной мобилизации, которые используются в качестве инструмента организации цветных революций. Определена группа общества, являющаяся целью технологий сетевой конфликтной мобилизации, описаны основные задачи технологий политического рекрутинга, а также факторы, влияющие на успех или провал этого феномена. Исследование основывается на примерах цветных революций, в осуществлении которых основную роль играл Интернет, а также на технологиях SMM (Social Media Marketing). Ценность исследования заключается в том, что оно позволит разработать стратегию противодействия технологиям сетевой конфликтной мобилизации, способную обеспечить безопасность как Российской Федерации, так и других государств.

Ключевые слова: конфликтная мобилизация, цветные революции, Интернет, политика, власть, безопасность, оппозиция.

Автор

Есиев Эльдар Таймуразович

Студент
магистратуры
факультета политологии
Московского государственного
университета
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Цветные революции стали привычным явлением в международной политике последних десятилетий. Искусственные смены режима происходят с постоянной частотой, провоцируя дестабилизацию политической ситуации, как в самом государстве — жертве цветной революции, так и во всем регионе. В одних случаях такие процессы ограничиваются сменой власти и лишением государства возможности влиять на международные вопросы, например, как произошло в Египте и Ливии, а в других случаях результатом применения технологий цветных революций является полный рас-

пад государства, затяжная гражданская война, политический хаос в регионе. Так произошло в Сирии.

В обоих случаях мы видим, что цветная революция приносит лишь негативные последствия, выгодные определенному кругу стран. Ведется постоянная работа по выработке противодействия цветным революциям, и тем технологиям, которые использует этот феномен. Однако, как и все в нашем мире, концепт дестабилизации политической ситуации в странах видоизменяется и эволюционирует.

За последние 20 лет цветные революции стали использовать для успеха сво-

Технологии сетевой конфликтной мобилизации: формы и задачи

их целей Интернет. С популяризацией и распространением Интернета перед обществом открылись новые возможности: огромный поток информации, множество полезных ресурсов, различные площадки для развития своих навыков. Естественно, Интернет привнес и некоторые негативные элементы в нашу жизнь, среди которых — возможность управления обществом буквально из дома. Именно такой способ используют организаторы цветных революций для достижения успеха своего дела. Люди научились завлекать, провоцировать, координировать, манипулировать другими людьми посредством Интернета. Использование всемирной сети в рамках реализации сценария цветной революции также сильно изменилось с момента первого использования этого инструмента в начале XXI в. и достигло таких размеров и результатов, которые позволяют, в прямом смысле этого слова, организовать цветную революцию не выходя из своей квартиры. Таким образом, в настоящее время одна из главных проблем, стоящих перед государством и обществом, — борьба и противодействие интернет-технологиям цветных революций.

Интернет-технологии цветных революций подразделяются на различные функциональные группы. Некоторые из них предназначены для популяризации той или иной общественно-политической идеи, другие — для создания негативного образа политического субъекта, третьи — для организации общественно-политических событий. Всех их объединяет одна общая цель — мобилизация общества. Если мы говорим об интернет-технологиях цветных революций, то несомненной целью этого явления становится свержение власти, нарушение общественного порядка в государстве. Осуществить эту цель возможно только с помощью мобилизации общества. Мобилизация — это процесс вовлечения индивидов или определенных групп в различные формы политической активности [1]. Политическая мобилизация предполагает высо-

кий уровень участия масс в политике, их идеологическое ангажирование, быстрое достижение намеченных целей. Для реализации этого феномена необходимы [2]:

1) преобразование различных ожиданий, часто неосознанных, в конкретную программу, политический курс;

2) наличие политических идей, способных сформулировать мотивацию политического действия у значительных слоев населения;

3) координация и регуляция совместных политических действий;

4) наличие достаточных экономических, организационных и иных ресурсов;

5) авторитет политических лидеров.

Все пять элементов могут быть реализованы с помощью Интернета, что превращает «всемирную паутину» в опасное оружие.

В рамках интернет-технологий цветных революций существуют сетевые технологии политической мобилизации. В чем они выражаются и какую роль играют в процессе достижения результата цветной революции?

В первую очередь, следует сказать, на кого нацелена цветная революция — кто является протестным электоратом, на кого делают ставку политтехнологи? Итак, протестный электорат — представители молодежи, студенты и школьники старших классов, не способные критически оценить те или иные явления и выяснить где правда, а где ложь. В качестве протестного электората — цели мобилизации — не определяются уже политизированные граждане. Объясняется это тем, что для таких людей не нужна дополнительная мотивация выступать на той или иной стороне, они уже определились со своими взглядами. Переубедить человека в чем-то крайне тяжело и, пожалуй, на это потребуется затратить огромное количество «маркетинговых» ресурсов. Обратная ситуация с человеком, который не знаком с темой. Ему при правильной подаче можно внедрить «нужные» взгляды и идеи. Можно рассмотреть такой пример:

Рисунок 1. Англиязычная версия страницы «Мы все Халед Саид» в социальной сети «Facebook», использовавшаяся для популяризации идей Египетской революции 2010 г. В настоящее время продолжает информировать подписчиков о событиях на Ближнем Востоке

предположим, что произошел неприятный инцидент с участием чиновника определенного федерального органа. Например, во время празднования какой-то вечеринки этого чиновника сняли на камеру, когда его поведение можно было назвать девиантным, и выложили видео в Интернет. Там видео распространилось и стало популярным «трендом». Также предположим существование двух пользователей сети, которые посмотрели это видео. Первый знаком с тем федеральным органом, в котором работает чиновник на видео, знает обстановку внутри этого органа, знает, что большинство людей, работающих там, — ответственные, уважаемые люди, которые на протяжении долгого периода времени выполняют свои функции и задачи на благо государства. Второй — человек, который никогда не интересовался жизнью федеральных органов Российской Федерации, подросток, смотрящий интересные и смешные видео

в Интернете. Какова же будет реакция у этих двух людей на ролик, вброшенный в сеть? Очевидно, наш первый потенциальный субъект никак не отреагирует на видеозапись — после просмотра он подумает: «Ничего себе, и как он вообще работал в этом месте, там же все такие уважаемые и почтенные люди». Второй человек подумает по-другому: «Вот кто работает в органах Российской Федерации, м-да... Там только такие жулики и воры и работают, как же надоела эта власть!» Далее он начнет распространять это видео, окрашивая его в тонах недовольства как самим чиновником, так и его местом работы и в целом системой государственных органов страны. Таким образом, у него уже сформируется мнение о власти в России и о ее представителях. Этот человек и есть предмет политической мобилизации — то, на что она направлена.

Мы разобрались с тем, кто является целью сетевой мобилизации. Теперь же

Рисунок 2. «Аватарка» (логотип) группы «Мы все Халед Саид» в социальной сети «Facebook» с хэштегом #Jan25

необходимо понять, как именно она приводится в действие, с помощью каких инструментов.

Главной особенностью мобилизационных технологий является побуждение населения к действию или бездействию. Поэтому, когда появляется условное видео про чиновника, это говорит о том, что политтехнологи, запустившие и «раскрутившие» это видео, ждут реакции от общества. Все шаги, которые предпринимаются, нацелены на результат. Суть такого результата заключается в реализации задач конфликтной мобилизации в Интернете.

Существует два типа задач, которые выполняют сетевые технологии конфликтной мобилизации: задачи, нацеленные на увеличение количества подписчиков, зрителей, читателей, фолло-

веров, и задачи, целью которых является публикация контента, материалов такого качества и смысла, способного вызвать нужную реакцию со стороны этих самых подписчиков. Первая группа задач — начальный уровень технологий. Перед тем, как начать публиковать «нужный» контент, необходимо добиться со стороны читателей внимания и интереса. Безусловно, специфика социальных сетей состоит в том, что информация в любом случае будет распространяться среди пользователей. Однако, чем меньше количество непосредственных читателей, т. е. тех, которые специально подписаны на ресурс, чтобы получать от него информацию, тем меньше радиус распространения информации и, соответственно, ее ценность для целей и задач цветной революции. Поэтому первоочередной задачей является рас-

Тема номера: «Научные исследования молодых политологов»

 В этих политическо-экономических играх сам черт ногу сломит
вчера в 12:04 Ответить

 Михаил Зароков
<https://youtu.be/4P8uqmhKnFA>
Кто провоцирует дальнбойщиков на стачки?

вчера в 14:27 Ответить

 Алла Шильман
чувствуется, что за протестами явно кто-то стоит
вчера в 16:47 Ответить

 Арсен Магомедов ответил Илье
Илья, вв говорите они не платили налоги как вы это себе представляете
налог акцизе топлива не заправить машину ???
вчера в 18:52 Ответить

 Илья Валиев ответил Арсену
Арсен, этот налог и я плачу. И даже на свою машину транспортный налог

Рисунок 3. Пример использования «бота» в комментариях с целью распространения видеоролика о конфликте дальнбойщиков с властью, 2017 г.

популяризации этого видео, группа меняет название с «группа смешных картинок» на «группа пьяного чиновника». Вместе с названием меняется и контент — вместо смешных картинок на злободневные темы идет поток мемов исключительно на тему этого чиновника, государственных органов страны и всей власти в целом. Таким образом, с помощью мемов и специальных картинок производится подмена или навязывание нужных представлений о политических субъектах. Оказывается, что люди, изначально подписавшиеся на группу о смешных картинках, сейчас стали невольными участниками политизированной страницы. Такой метод имеет ряд минусов, затрудняющих его успех: во-первых, во многих социальных сетях, например, «ВКонтакте», запрещено резкое изменение ориентации группы. В случае такого происшествия администрация социальной сети закрывает группу на неопределенный срок до выяснения причин. Во-вторых, может оказаться так, что пользователи, не по своей воле ставшие пользователями группы, на которую они фактически не подписывались, начнут отписываться от нее, соответственно,

работа, проведенная политтехнологами по исполнению первой группы задач в рамках сетевой мобилизации, окажется сделанной некачественно или и вовсе не выполненной.

Вторым вариантом раскрутки политических страниц является создание группы уже изначально с социально-политической тематикой. Здесь можно привести характерный пример из Египта. Прежде всего, следует сказать об одном из главных действующих лиц Египетской революции 2011 г. — Ваэле Гониме. Он родился в 1980 г. в Египте. Получил образование в американском университете в Каире по специальности «компьютерная инженерия». Позже переехал в Объединенные Арабские Эмираты, где получил работу в «Google». За несколько лет достиг успехов в карьере и стал главным директором по маркетингу «Google» на Ближнем Востоке и Северной Африке. Позже Ваэль Гоним написал книгу «Революция 2.0», в которой он называет себя «двигателем революции» и в подробностях описывает те методы, которые позволили ему справиться с этой задачей. Та страница, которую он создал в Интернете еще задолго до активной фазы противостояния, была посвящена молодому человеку по имени Халед Саид, которого избил до смерти полиция. Яркий повод, который вызвал сильнейшее недовольство у людей и крайнюю степень необходимости выразить свои эмоции и мнения по этому вопросу, стал отправной точкой цветной революции в Египте. Эта страница через определенное время превратилась в революционную группу и помогла осуществить революцию.

Такой способ раскрутки страницы достаточно перспективный. Политика во многих странах, в частности в России, является одной из самых популярных тем для разговора, поэтому яркое политическое событие не останется без внимания у общества. Люди захотят узнать подробнее об этом событии, посмотреть фотографии, на которых показаны результаты

Технологии сетевой конфликтной мобилизации:
формы и задачи

Артём Денисов @signtebarli1981 · 21 ч.

Минские акции протеста «не туняядцев» в День воли: хроника событий

Madhuja Joseph @mifilitehipy · 25 мар.

Минские акции протеста «не туняядцев» в День воли: хроника событий

Yuliya Gromova @Yuli_Gromova · 25 мар.

Минские акции протеста «не туняядцев» в День воли: хроника событий

Рисунок 4. Однотипные посты «ботов» в социальной сети «Twitter» по поводу митингов в Белоруссии 25.03.2017

насильственных действий, или захотят поделиться своим мнением на этот счет. Все они станут участниками группы, начнут следить за новостями в ней, за той информацией, которую предлагает администратор группы. Если такое сообщество основано уже на каком-то политическом поводе, то переделать его в революционную группу будет намного легче, чем в случае с группой смешных картинок в первом примере. Пользователи могут либо вовсе не заметить особой разницы, либо «понять» администратора группы в его решении изменить ее специфику.

Третьим вариантом решения проблем рекрутинга или мобилизации является изначальное создание политически направленной группы и раскрутка ее идей с помощью других сообществ.

Например, в сети «ВКонтакте» некая группа включает в себя всего 30 тыс. подписчиков. А вот самые популярные видеоролики достигают 10 млн просмотров. Как же это возможно?

Такая группа пользуется технологией распространения своего контента с помощью совершенно разных групп. Выпуски этой группы становятся сразу же хитами Интернета, их можно найти в любой группе, будь то политическая группа или обычная развлекательная. В нашем примере сложно сказать, является ли распространение таких видеозаписей искусственным делом, то есть платят ли администраторам групп за рекламу, или распространение является вирусным, то есть происходящим автоматически, рефлекторно. Скорее всего, используется комбинация этих

двух вариантов — изначально покупается место для своих видеозаписей в наиболее популярных группах, а далее эти видеоролики распространяются уже сами вирусным способом. Такая схема выгодна с экономической точки зрения и весьма эффективна. Чем же тогда объясняется небольшое количество подписчиков? По неизвестным причинам группа не дает ссылку на свои страницы в «ВКонтакте» вместе с видеозаписью. Таким образом, пользователю придется попробовать найти ее самостоятельно. Это является серьезным препятствием, поэтому и подписчиков в группе всего 30 тысяч.

Таким образом, мы перечислили три вида решений, которые используют или могут использовать политтехнологи для осуществления первой категории задач сетевой конфликтной мобилизации — привлечение людей для внедрения в их сознание идей государственного переворота.

Вторая категория задач — мобилизация с помощью контента, то есть внедрение идей, стимулов, целей пользователям группы, для создания у них чувства необходимости свержения власти. В рамках этой группы задач политтехнологи также выполняют несколько действий. В первую очередь, идет публикация провокационных материалов. Известно, что массам всегда нравится наблюдать за чем-то за гранью, например, насилием. На этом могут играть и политтехнологи. Контент в таких сообществах, целью которых является создание протестного электората в рамках сети Интернет, всегда будет окрашен в яркие краски, а сам предмет поста будет вызывать интерес у пользователей сам по себе. Схема, по которой работают такие группы, зачастую одна: предоставление одной яркой темы и далее — несколько авторитетных мнений от активистов, оппозиционеров или людей культуры о причинах произошедшего. Такое сочетание лишает пользователей выбора — они видят информацию, читают мнения о ней с одним и тем же посылом —

«во всем виновата власть и ее представители». Такое давление приносит свои плоды и человек теряет возможность критического анализа того контента, который предоставляет ему администратор сообщества.

Кроме того, необходимым фактором является символика. В сети она также необходима, как и в реальной жизни. Тяжело представить государство без флага или компанию без логотипа, или митинг без лозунгов. То же самое касается и революционной группы. Кроме логотипа у нее должен быть ее собственный объединяющий элемент. Например, во время революции в Египте этим элементом был хэштег #Jan25, а во время митингов в Молдавии — #Pman. Этот элемент выполняет несколько функций: во-первых, он способствует распространению информации, а во-вторых, дает ощущение пользователям, что все только и говорят об этом явлении, а значит, и они не могут остаться в стороне. Также должны быть и традиционные символы группы, выражающей оппозиционное мнение, — лозунги, предметы, используемые оппозиционерами, и т. д.

К тому же следует сказать о том, что в группах должна быть своя культура. Она включает в себя не только посты — записи, новости, но и комментарии. Люди, заходя в сообщество, будут смотреть не только на их контент, но и на реакцию других пользователей. Во многих случаях именно комментарии определяют отношение человека к информации. В случае большого текста, обилия информации пользователям намного проще, легче и быстрее довериться комментариям людей, которые уже прочли текст и выразили мнение о нем. На основе такого комментария и первых строк поста человек формирует свое мнение. Поэтому политтехнологи обязательно уделяют внимание культуре комментариев. Должна быть определенная группа людей, которые будут постоянно публиковать комментарии с нужным для группы мнением. Можно

Технологии сетевой конфликтной мобилизации: формы и задачи

прибегать к помощи «ботов» — обученных компьютерных систем, способных писать однотипные комментарии. Такие «боты» и специально нанятые люди пишут нужные комментарии, создавая вокруг них необходимый настрой. С их мнением начинают считаться и другие пользователи. Здесь уже отслеживается принцип иерархии.

Новые участники группы часто прислушиваются к мнению более «опытных» участников — они знакомятся с правилами группы, в том числе и с культурой этой организации. Более того, такая иерархия позволяет создать не только горизонтальные связи в группе, но и вертикальные. Это будет необходимо для координации действий протестующих. При исключительно горизонтальных связях будет тяжело определить, какие действия нужно проводить, а какие нет, где и когда, так как каждый будет выражать свое мнение и спорить, что и как лучше сделать. В случае с вертикальными связями участники будут готовы слушать и подчиняться указаниям администратора страницы.

В данной статье мы выяснили, что процессы сетевой конфликтной мобилизации направлены на представителей молодежи, от 16 до 25 лет, так как именно данная группа общества, в силу различных психологических особенностей, является самой внушаемой и податливой на манипуляции. Политический рекрутинг, то есть конфликтная мобилизация, состоит из двух задач, выполнение которых определит успех данного феномена. Первая

задача — привлечение людей в одну группу, сообщество для того, чтобы в будущем начать прививать им идеи проявления агрессии по отношению к власти. Вторая задача — непосредственно сам процесс манипулирования сознанием и представлениями общества для достижения своих политических целей. При определенных условиях возможна реализация лишь второй группы задач, если цель организаторов состоит не в координации и реальном управлении обществом на стадии активных протестов, а только в создании негативного имиджа власти. Для реализации задач используются определенные инструменты и способы, среди которых организация культуры и иерархии сообщества, способствующая созданию образа новостей, картинок, видеозаписей, статей с помощью комментариев, а также использование символики, включая хэштеги, логотип, лозунги. Важнейшими факторами, определяющими специфику и характер группы, являются стиль и содержание контента. Пользователи будут с большим интересом читать и смотреть новости, если они представляют собой какой-то эксклюзив, а также окрашены в ярко-эмоциональном стиле.

Данное исследование позволяет нам выработать стратегию противодействия технологиям сетевой конфликтной мобилизации и контролировать процессы, ставящие под угрозу безопасность государства.

Литература

1. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер / Пер. с англ / Под ред. С. А. Ерофеева. — М., 2004.
2. Мухаев Р. Т. Политология. — М., 2000. [С. 37].
3. Манойло А. В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов // e-notabene.ru/wi/article_12614.html.
4. Пономарева Е. Г., Рудов Г. «Цветные революции»: природа, символы, технологии // «Обозреватель», 03.2012.
5. Вазль Гоним. Революция 2.0 // издательская группа «Лениздат», 2012.

Односторонние санкции во внешней политике США в начале XXI века

Аннотация

Статья посвящена анализу односторонних санкций, которые применяют США в своей внешней политике в начале XXI в. Практика их использования, как и вопрос об их правомерности, неоднозначны. Чаще они выступают в качестве меры международно-политического давления и остаются вне контроля международного сообщества. Основной целью ввода санкционного режима является сохранение доминирующего положения США на мировой политической арене, а задачами — ослабление действующей власти государства, не поддерживающей политику США, смена политического курса или режима, противоречащих целям американского правительства.

Ключевые слова: санкции, односторонние санкции, санкции США, международные отношения, международное право.

Автор

Морозова Наталья Михайловна

Кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и политологии Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова, заместитель директора Приволжского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Нижний Новгород, Россия)

Фомичева Надежда Михайловна

Студентка магистратуры кафедры международных отношений и политологии Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия)

В современных международных отношениях государства при реализации своей внешней политики все чаще используют невоенные способы воздействия на своих геополитических или экономических оппонентов, среди которых односторонние санкции выступают

одним из наиболее часто применяемых инструментов. Эти меры стали выступать в качестве инструмента внешней политики государств после Второй мировой войны. Однако наиболее активно государства начинают применять односторонние санкции после окончания холодной вой-

Односторонние санкции во внешней политике

США в начале XXI века

ны. Статистические данные, приведенные в работе профессора М. В. Братерского, свидетельствуют о том, что в 1950-х гг. санкции в одностороннем порядке вводились 15 раз, в 1960-х гг. — 20, в 1970-х гг. — 37, в 1980-х гг. — 23, а с момента окончания холодной войны — более 50 раз [4. — С. 340]. Очевидно, что и в ближайшем будущем односторонние санкции продолжат выступать в качестве инструмента внешней политики государств. Соответственно, актуальность темы данного исследования обусловлена необходимостью научного осмысления и понимания природы, оснований и условий применения этого механизма.

Теоретические аспекты понятия «санкции»

Несмотря на то, что применяются санкции достаточно давно и возможность их применения закреплена в международно-правовых документах, вопрос об их влиянии на процесс принятия внешнеполитических решений исследован мало, отсутствует единая выработанная терминологическая трактовка. В статье 41 Устава ООН *санкции* определены как принудительные меры, к которым прибегают субъекты международного права в установленной процессуальной форме в ответ на правонарушение. Эти действия включают такие меры как «полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений» [17]. Однако это определение скорее отражает простое перечисление конкретных мер, а не дает четкую дефиницию понятию «санкция». Проблема международно-правовых санкций неоднократно освещалась и освещается в трудах различных представителей доктрины международного права [См.: 1. — С. 324–347; 3; 6; 10; 12; 15; 16]. Термин «*санкции*» трактуется и как принудительные меры, и как фор-

ма ответственности, и в то же время как синтез первого и второго, а также рассматривается с позиций международно-правовых норм. Наиболее распространенным является их понимание как определенного способа ответного воздействия на международное правонарушение. Эти воздействия рассматриваются наряду с другими принудительными мерами (такими как превентивная дипломатия, миротворчество, поддержание мира, миростроительство, разоружение и пр.), призванными оказать влияние на страну — делинквент санкций и принудить ее к выполнению международно-правовых норм. Существует несколько типологических классификаций санкций. Одной из них является классификация по признаку состава субъектов, вводящих санкции, согласно которой санкции подразделяются на *индивидуальные* и *коллективные* (или односторонние и многосторонние).

Многосторонние санкции — это меры принудительного характера, осуществляемые группой государств или с помощью международных организаций. Важно подчеркнуть, что международно-правовыми санкциями принято считать именно коллективные меры, ввод которых предусмотрен главой VII Устава ООН «в случае возникновения угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии» [17. — Глава VI]. Но в то же время на основании ст. 53 Устава ООН многосторонние санкции могут вводиться также и в региональных рамках [17. — Глава VIII], но в данном случае они не будут носить характер международно-правовых.

Односторонние санкции — это меры принудительного характера, применяемые отдельными странами к государству, нарушившему нормы международного права. Несмотря на то, что их определение закреплено Комиссией международного права ООН, встает вопрос о легитимности и легальности практики применения государствами односторонних санкций. В трактовке Комиссии международного права эти меры принудительного характе-

ра предпочтительней называть «контрмерами». По мнению члена Комиссии международного права ООН в 1994–2001 гг. И. И. Лукашука в отличие от понятия «контрмера» термин «санкция» используется для обозначения принудительных мер, принимаемых именно международными организациями, и действует на основании главы VII Устава ООН. Контрмеры применяются государствами в одностороннем порядке в случае отказа правонарушителя прекратить неправомерные действия, выполнить законные требования потерпевшего государства, нежелание приносить извинения за противоправные деяния, непринятие мер к предотвращению повторения нарушения. [11. — С. 41] Таким образом, односторонние санкции признаются легальными, если они выступают в качестве реакции потерпевшего государства на неправомерные действия страны-делинквента. Но проблема состоит еще и в том, что характер и условия введения контрмер каждое государство закрепляет для себя самостоятельно.

Российский исследователь М. В. Кешнер отмечает, что из-за отсутствия четкой терминологической трактовки международно-правовых санкций и контрмер зачастую происходит приписывание этих терминов к явно неправомерным акциям. А введение одним государством в отношении другого государства санкций в одностороннем порядке, по мнению М. В. Кешнер, и вовсе нарушает принцип суверенного равенства государств — «*par in parem non habet imperium*»¹ [9. — С. 71].

К вопросу о применении односторонних санкций США

Применение односторонних санкций отдельными государствами на сегодняшний день вызывает все больше споров, но, несмотря на это, растет частотность введения санкцион-

ных режимов отдельными государствами в одностороннем порядке. С начала XX в. к этим мерам наиболее часто прибегают США. Согласно данным Национальной ассоциации промышленников, только в период 1993–1996 гг. США более 60 раз прибегали к санкциям [2. — С. 1–2]. Опубликованные в 2002 г. данные организации «USA Engage» показывают, что на тот период США вводили экономические санкции в отношении 78 государств и подвергали угрозе их введения более 75 стран (население которых в сумме составляет 52 % всего населения мира). Эти данные были приведены в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН А/58/301 [7].

Среди санкций, вводимых США в XXI в., наиболее известными являются следующие: санкции против Сербии и Черногории в 2001 г. (во время конфликта на Балканах), против Белоруссии в 2004 г., Африканских стран (Кот-д’Ивуара в 2011 г., Демократической Республики Конго в 2006 г., Ливии в 2011 г., Сомали в 2010 г., Судана в 2007 г., Южного Судана в 2014 г., Зимбабве в 2002 г.), стран Западной Азии (Ирана в 1979 г., ужесточены в 2012 г., Ирака в 1990–2010 гг., Ливана в 2012 г., Сирии в 2004 г., Йемена в 2012 г.), КНДР в 1950–2008 гг. и в 2013 — н. вр., Украины и России в 2014 г. Летом 2017 г. в Конгрессе США был согласован новый пакет ограничительных мер против России, Ирана и КНДР².

Наиболее частыми декларируемыми основаниями ввода односторонних санкций со стороны США являются следующие: противоправная политика в области нераспространения оружия массового уничтожения и ракетно-оборонной промышленности, в сфере борьбы с терроризмом и наркоторговлей, несоблюдение прав человека, совершение военных преступлений, национализация собственности американских физических и юридических лиц, нарушения трудовых законодательств и законодательств по защите окружающей

¹ *Par in parem non habet imperium* — равный над равными власти не имеет.

² В настоящее время законопроект еще не подписан Президентом США Д. Трампом.

Односторонние санкции во внешней политике

США в начале XXI века

среды [18. — С. 193]. По словам А. Р. Шакирова, ввод односторонних санкций американской стороной обусловлен тем, что правительство США считает международно-правовые санкции, вводимые СБ ООН, недостаточно эффективными, так как решение о вводе таких санкций принимаются в результате компромиссных договоренностей и зачастую санкционный механизм оказывается неспособным оказать максимальное давление на страну — объект санкций. Другая причина, по Шакирову,

которой руководствуется американское правительство при вводе санкций, — это желание американской элиты показать «свое лидерство, способность к инициативам по формированию мирового порядка, умение жестко реагировать на события за рубежом» [Там же]. Также необходимо заметить, что вводимые односторонние санкции со стороны США зачастую направлены на смену политического курса и режима того государства, в отношении которых применяются такие меры (Табл. 1).

Таблица 1.

Декларируемые причины ввода санкций США в XXI веке и их влияние на смену политического курса в стране-делинквенте

Объект санкций, хронологические рамки действия санкционных режимов	Декларируемая причина ввода санкций	Смена политического курса
Сьерра-Леоне (2001–2004)	Переворот в Сьерра-Леоне	Приход к власти нового правительства
Зимбабве (2003 — н. вр.)	Нарушение прав человека руководителями зимбабвийского режима	К смене власти не привели. Санкции расцениваются как стимул правительству для укрепления режима и внутренней пропаганды
Сирия (2004 — н. вр.)	1. Обвинение правительства в поддержке террористических организаций, в причастности к оккупации Ливана, в оказании помощи повстанцам в Ираке; 2. Разработка ОМУ; 3. С 2011 г. — в связи с гражданской войной в Сирии	1. К смене политического курса не привели; 2. С октября 2013 г. начинается уничтожение ОМП Сирии; к июню 2014 г. завершен вывоз всего сирийского химического оружия

Тема номера: «Научные исследования молодых политологов»

Объект санкций, хронологические рамки действия санкционных режимов	Декларируемая причина ввода санкций	Смена политического курса
Либерия (2004–2015)	1. Военный конфликт в Либерии; 2. Обвинение президента Чарльза Тейлора в преступлениях против человечности	1. Изменение политического курса страны; 2. Проведенные в 2005 г. и 2011 г. президентские выборы признаны мировым сообществом
Демократическая Республика Конго (2006 — н. вр.)	Правительственные войска обвинялись в изнасилованиях и убийствах	1. Смена власти не произошла; 2. 2014 г. — очередная попытка государственного переворота
Сомали (2010 — н. вр.)	1. Подозрение группировки «Аль-Шабааб», контролировавшей часть столицы и юг страны, в связях с «Аль-Каидой»; 2. «Аль-Шабааб» ведет вооруженную борьбу с переходным правительством страны	1. В 2011 г. из столицы Сомали вытеснена группировка «Аль-Шабааб»; в Сомали начат «переходный процесс», избраны президент и председатель парламента, назначен новый премьер-министр
Кот-д'Ивуар (2011 — н. вр.)	1. Отмена выборов в некоторых городах страны; 2. Возобновление военных действий между правительственными войсками и оппозицией	1. Политический курс сменился. Гражданская война окончилась победой президента Алаассана Уаттары; 2. Президент Лоран Гбагбо арестован
Ливан (2012 — н. вр.)	1. Подрыв суверенитета Ливана, его демократических процессов и институтов; 2. Столкновения между сторонниками и противниками действующего президента соседней Сирии Башара Асада	Правительство страны официально объявило о своем нейтралитете и невмешательстве в конфликт в соседнем государстве; Применение национальных вооруженных сил для нормализации обстановки, удержание сторон от эскалации конфликта

Односторонние санкции во внешней политике

США в начале XXI века

Объект санкций, хронологические рамки действия санкционных режимов	Декларируемая причина ввода санкций	Смена политического курса
Йемен (2012 — н. вр.)	Гражданская война в Йемене	Цель санкций — заставить хуситов и примкнувших к ним сторонников экс-президента Али Абдаллы Салеха вернуть власть президенту Абд Раббу Хади и правительству; Привели к отставке президента Салеха, однако он до сих пор продолжает оказывать сильное влияние на политическую жизнь Йемена
Ливан (2012 — н. вр.)	1. Подрыв суверенитета Ливана, его демократических процессов и институтов; 2. Столкновения между сторонниками и противниками действующего президента соседней Сирии Башара Асада	Правительство страны официально объявило о своем нейтралитете и невмешательстве в конфликт в соседнем государстве; Применение национальных вооруженных сил для нормализации обстановки, удержание сторон от эскалации конфликта
Россия (2014 — н. вр.)	1. Конфликт на Украине; 2. Присоединение Крыма к России; 3. Нарушение минских соглашений; 4. Газовые поставки в Европу как элемент политического влияния (2017 г.); 5. Киберактивность России и вмешательство в выборы Президента США (2017 г.)	К смене политического курса не привели
Украина (2014 — н. вр.)	1. Конфликт в Украине; 2. Санкции в отношении украинских чиновников, имевших отношение к применению силы против митингующих на Майдане	Смена власти, эскалация конфликта на юго-востоке Украины

Объект санкций, хронологические рамки действия санкционных режимов	Декларируемая причина ввода санкций	Смена политического курса
Южный Судан (2014 — н. вр.)	1. Столкновения между правительством Южного Судана и повстанцами	В мае 2014 г. подписано соглашение по урегулированию межэтнического конфликта; к прекращению боевых действий не привело

Очевидно, что в XXI в. экономические санкции (в частности односторонние) представляют собой один из основных инструментов внешнеэкономической политики США, направленных на оказание экономического и, как следствие, политического давления на другую страну.

Практика применения США таких мер показывает, что односторонние санкции по форме зачастую совпадают с международно-правовыми коллективными (санкциями СБ ООН), такими как торговое и финансовое эмбарго, транспортная блокада и др. Но в отличие от международно-правовых санкций ввод односторонних мер экономического принуждения регулируется национальными законами государств, а их конкретные направления определяются интересами политической и бизнес-элиты.

Таким образом, при вводе односторонних мер государства сами определяют, какие запреты и в отношении каких лиц или секторов государства-нарушителя им следует вводить. Апелляция к нормам международного права становится предлогом для введения односторонних санкций. Наглядно это демонстрирует законопроект, подготовленный Конгрессом США. Зако-

нопроект США H. R. 3364, принятый американским сенатом 27 июля 2017 г. собрал вместе все санкционные меры против тех, кого американское правительство сейчас считает врагами США: Иран, Россия, международный терроризм, КНДР. Само название закона говорит об этом: «О противодействии противникам США посредством санкций». Отличительной чертой нововведенного закона является то, что в отличие от изначального текста проекта документа президент США мог вводить санкции в отношении той или иной организации, подпадающей под данные в этих законах определения, но теперь это становится его обязанностью. Исключением становятся случаи, ущемляющие национальные интересы США. А это, в свою очередь, говорит о том, что в случае ввода санкций в отношении страны-делинквента отменить их можно будет, только если с этим будет согласно больше половины сенаторов и конгрессменов, но поскольку антиросийская риторика приносит США существенные политические дивиденды, то и снятие санкций с России в обозримом будущем кажется маловероятным.

Литература

1. *Kunz J. L.* Sanctions in international law // *The American journal of international law.* — 1960. — Vol. 54. — № 2. — P. 324–347.
2. *National Association of Manufacturers* // *A Catalog of New U. S. Unilateral Economic*

Односторонние санкции во внешней политике

США в начале XXI века

- Sanctions for Foreign Policy Purposes, 1993–1996. Washington. 1997. — P. 1–2. — URL: <http://www.nam.org/ECO/UnilateralSanctions/SanctionsCatalog.htm> (дата обращения: 02.05.2016).
3. *Богатуров А. Д., Кокошин А. А.* Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ. — М.: КомКнига, 2005. — С. 432.
 4. *Братерский М. В.* Торгово-экономические санкции: эффективность, цена, проблемы использования // Безопасность Евразии. — 2009. — № 2 (36). — С. 335–348.
 5. Валовой внутренний продукт на душу населения в странах. — URL: <http://svspb.net/danmark/vvp-stran-na-dushu-naselenija.php> (дата обращения: 5.04.2016).
 6. *Граций Г.* О праве войны и мира: Репринт с изд. 1956 г. Книга III. — М., 1994. Глава II. — URL: http://grachev62.narod.ru/huig_de_groot/content.html (дата обращения: 28.01.2016).
 7. Доклад Генерального секретаря ООН: «Пресечение применения односторонних экстерриториальных экономических мер принуждения как средства оказания политического и экономического давления»: A/57/179/Add.1. 5.08.2002. — URL: <http://www.un.org/ru/ga/62/docs/sgreports.shtml> (дата обращения: 02.05.2016).
 8. *Кешнер М. В.* Легитимность односторонних санкций в современном международном праве // Вылегжанина А. Н. Международное право и современные теории международных отношений: аспекты сочетаемости, Материалы VII Конвента РАМИ, сентябрь 2012 г. — М.: МГИМО-Университет, 2013. — С. 71–83.
 9. *Колосов Ю. М.* Ответственность в международном праве: М., 1975. — С. 61.
 10. *Лукашук И. И.* Право международной ответственности // Международное публичное и частное право. — 2002. — № 2. — С. 30–43.
 11. *Менжинский В. И.* Проблема международной ответственности (в свете советской концепции международного права): Автореф. ... канд. юр. наук. — М., 1951. — С. 11.
 12. *Никифоров К. В.* Сербия на Балканах. XX век. — М.: Индрик, 2012.
 13. Рейтинг стран по ВВП 1980–2017 по данным МВФ. — URL: <http://businessforecast.by/about> (дата обращения: 5.04.2016).
 14. *Скакунов Э. И.* Самооборона в международном праве. — М.: Межд. отношения, 1973. — С. 120.
 15. *Тункин Г. И.* Вопросы теории международного права. — М., 1970. — С. 120.
 16. Устав ООН, глава VII: Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии. — URL: (дата обращения 11.04.2016).
 17. *Шакиров А. Р.* Состояние и перспективы развития системы экономических санкций США // Вестник МГИМО Университета. — 2011. — № 1. — С. 190–200.

Геополитические интересы и приоритеты России в Арктическом регионе

Аннотация

Россия имеет комплекс геополитических интересов и приоритетов в Арктике, который определяется ресурсным, транспортным и военно-стратегическим потенциалом арктических территорий. Вместе с тем анализ мнений экспертов и официальной прессы показывает, что на первом месте стоят экономические интересы России в регионе, а именно добыча энергоресурсов и эксплуатация Северного морского пути. В свою очередь, экономическое значение Арктики определяет стратегическую и геополитическую роль региона для России. Интересы России в Арктике закрывают «северное» направление в системе геополитических интересов и выполняют задачу обеспечения национальной безопасности страны.

Ключевые слова: Россия, Арктический регион, геополитические интересы, Северный морской путь, арктические ресурсы.

Автор

Пойлов Алексей Николаевич

Студент магистратуры
Института истории, международных отношений
и социальных технологий
Волгоградского государственного университета
(Волгоград, Россия)

Арктика долгое время находилась в стороне от ключевых мировых политических процессов. Однако в начале XXI в. арктическая тема стала занимать одно из приоритетных мест в глобальной повестке дня. Интерес к экономическому, геополитическому и геостратегическому потенциалу Арктики в настоящее время проявляют не только приарктические, но и неарктические страны Европы и Азии, а также различные международные организации и структуры.

Арктика — геополитически значимый регион, в котором пересекаются интересы многих государств. Эти интересы обуславливаются потенциалом, которым обладают арктические территории. Для России ключевое значение имеют ресурс-

ный, транспортный и военно-стратегический факторы.

По запасам основных видов полезных ископаемых Арктика является одним из самых богатых регионов мира. Причем на Арктическую зону России приходится большая часть ресурсов. Перспективными на нефть и газ признаны 43 % суши и 70 % площади шельфа АЗР (Арктической зоны России) [2. — С. 71]. На долю российской Арктики приходится 71 % прогнозных запасов нефти и до 91 % природного газа [3. — С. 52]. Арктика в будущем может стать для России основным источником энергоресурсов, что значительно повышает заинтересованность России в регионе в связи с сильной зависимостью экономики страны от экспорта природных

Геополитические интересы и приоритеты России в Арктическом регионе

ресурсов, в первую очередь, углеводородов. Такого же мнения придерживаются эксперты, опрошенные Институтом региональных проблем. Так, по мнению большинства экспертов (74 %), Арктика — «это надежное обеспечение на перспективу энергетической безопасности России» [12]. Мнение экспертов сводится к тому, что «сохранение и развитие арктической нефтедобычи — основа энергетической безопасности России, а при той роли, которую играет энергетика в российской экономике, она (нефтедобыча в Арктике) становится важнейшим фактором национальной безопасности страны» [12].

Помимо нефти и газа в Арктическом регионе находится более половины отечественных запасов других стратегически важных ресурсов: алмазов (99 %), металлов платиновой группы (98 %), никеля и кобальта (более 80 %), хрома и марганца (90 %), меди (60 %), сурьмы, олова, вольфрама и редкоземельных металлов (от 50 до 90 %), золота (40 %) и др. [19]. Значительная часть добываемых в Арктике ресурсов практически не имеет альтернативы с точки зрения их разработки в других регионах России.

Кроме запасов полезных ископаемых регион обладает огромными биоресурсами. Перспективы разработки возобновляемых биологических ресурсов связаны с их высокой обеспеченностью и разнообразием. Арктическая зона РФ «обеспечивает до 15 % вылова и производства морепродуктов в России» [1. — С. 12].

В Арктическом регионе Россия сохранила значительный промышленный потенциал. «В течение десятилетий здесь создавались объекты нефтегазового комплекса, магистральные трубопроводы протяженностью в тысячи километров, электростанции, в том числе Билибинская АЭС, шахты, железные дороги, аэродромы, морские и речные порты» [7. — С. 154]. При населении около 1 % от общероссийской численности Арктика сегодня производит почти 12 % ВВП России и порядка 25 % общероссийского экспорта [13. — С. 17].

Арктика сегодня является важнейшим для России резервом углеводородных, водных, биологических и других видов стратегически важных ресурсов, необходимых не только для развития экономики страны, но и для обеспечения ее минерально-сырьевой и национальной безопасности.

Большое значение для России имеет Северный морской путь (СМП), который является исторически сложившейся национальной транспортной коммуникацией России. Северный морской путь обеспечивает функционирование транспортной инфраструктуры государства в особенно труднодоступных районах, связывая в единую транспортную систему европейскую и дальневосточную части страны, и является важной составляющей инфраструктуры экономического и оборонного комплекса России.

В перспективе роль Северного морского пути будет только возрастать. Во-первых, СМП — это кратчайшая транспортная артерия, которая соединяет порты Европы, Дальнего Востока и Северной Америки и становится все более благоприятной для судоходства в условиях таяния арктических льдов. Во-вторых, СМП перспективен в качестве транспортной артерии для транспортировки добываемых ресурсов из арктических регионов России. «В качестве значительных клиентов СМП могут оказаться собственники уникального Штокмановского месторождения нефти и газа, Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции с месторождениями (Приразломное), северо-онежских бокситов, полиметаллов и марганца на архипелаге Новая Земля. В перспективе возможно вывозить газовый конденсат с полуострова Ямал» [8. — С. 6]. Освоение арктических месторождений нефти и газа будет способствовать «развитию Северного морского пути как перспективного, стабильного и высокоприбыльного транспортного ресурса России» [12].

Развитие и дальнейшее использование Северного морского пути способно не только принести России значительные до-

ходы от экспорта услуг и товаров (например, ледокольное сопровождение судов, стоянка в портах и т. д.), но и дать толчок для развития смежных отраслей и стимулировать модернизацию инфраструктуры регионов России, расположенных вдоль побережья Северного Ледовитого океана.

Следует сказать, что вокруг статуса Северного морского пути наблюдается конфликт интересов. Так, в отечественных официальных документах акцент ставится на том, что Северный морской путь находится под российской юрисдикцией, и в этом вопросе Россия занимает принципиальную позицию. Вместе с тем такой подход противоречит интересам других стран. США и их союзники по НАТО, а также азиатские государства заинтересованы в интернационализации СМП и передаче контроля над ним под транснациональное управление.

Большие залежи природных ископаемых и транспортные ресурсы, помимо самоочевидных выгод, определяют значение Арктики еще и как точки приложения капитала на долгосрочную перспективу с высокой рентабельностью. В этом смысле Арктика имеет уникальные, а не просто количественные преимущества перед другими макрорегионами. При этом масштаб проекта освоения Арктики настолько велик, что затрагивает многие сферы экономики. Так, В. Н. Конышев отмечает, что «Арктика — это как космос. Она тянет за собой буквально все. И ключ заключается в том, чтобы экономика вообще начала здесь работать. Вот если это удастся сделать, то все пойдет: и деньги потянет, и технологии и так далее» [15].

Россия стремится сохранить Арктический регион как зону мира, стабильности, безопасности и сотрудничества. При этом учитывается, что Арктика имеет важное военно-стратегическое значение для РФ. «Специфика этой территории — прямой доступ к Атлантическому океану и Арктике, относительная близость потенциальных целей и наличие ряда крупных объектов оборонной промышленности и

объектов инфраструктуры» [19]. Государственная граница РФ на протяжении более 20 тысяч км проходит по Северному Ледовитому океану, а ее охрана и защита проводится в сложнейших климатических условиях. «В Арктике базируется Северный флот, самый мощный в России, способный выполнять боевые задачи в любой точке мира. Арктика позволяет флоту скрыто выходить в Мировой океан. Здесь размещается значительная часть ядерного арсенала РФ. Арктика важна для России в военном плане как ни для одного другого государства потому, что здесь сосредоточена одна из важнейших составляющих военного потенциала страны» [15].

В условиях повышения геополитического статуса Арктики наметилась опасная тенденция к милитаризации региона. Это проявляется в усилении военного присутствия отдельных государств, наличии в Арктическом регионе значительного военного потенциала России и НАТО.

Принимая во внимание все вышесказанное, следует отметить, что, если Россия не сумеет сохранить или же ослабит свое присутствие в Арктике, то контроль над этой территорией будет достаточно быстро потерян, а это уже ставит под угрозу сохранение страной своего суверенитета. Таким образом, можно сказать, что «стратегическое завоевание и удержание конкурентных преимуществ в освоении ресурсов и использовании морских коммуникаций региона в условиях нарастающей глобализации и экспансии мировых держав» [18. — С. 82] является сегодня основным содержанием политики России в Арктике.

Анализ официальной прессы также подтверждает вывод о том, что для России ключевое значение в Арктике имеют ресурсный, транспортный и военно-стратегические факторы. Контент-анализ издания «Российская газета» за период 1991–2016 гг. позволил выявить и проранжировать основные приоритеты России в Арктике. Во-первых, геополитическим интересом России в Арктике является Северный морской путь в качестве перспек-

Геополитические интересы и приоритеты России
в Арктическом регионе

тивного транспортного коридора. Во-вторых, Арктика в качестве стратегической минерально-сырьевой базы. В-третьих, по значению геополитическим интересом является арктическая территория в каче-

стве потенциального военно-стратегического коридора. Затем следуют проблемы экологии и коренных малочисленных народов Севера.

**Частота упоминаний конкретных проблем, связанных с Арктикой
(1991–2016 гг.)**

Проблема	Количество упоминаний
Северный морской путь, судоходство в Арктике, ледокольный флот	990
Минерально-сырьевые ресурсы (нефть, газ и другие углеводороды и минералы)	826
Геополитика и военно-политические проблемы Арктического региона (интересы государств, противостояние и союзы государств и блоков)	343
Экология (загрязнение, охрана окружающей среды, потепление)	166
Проблемы коренных малочисленных народов	46

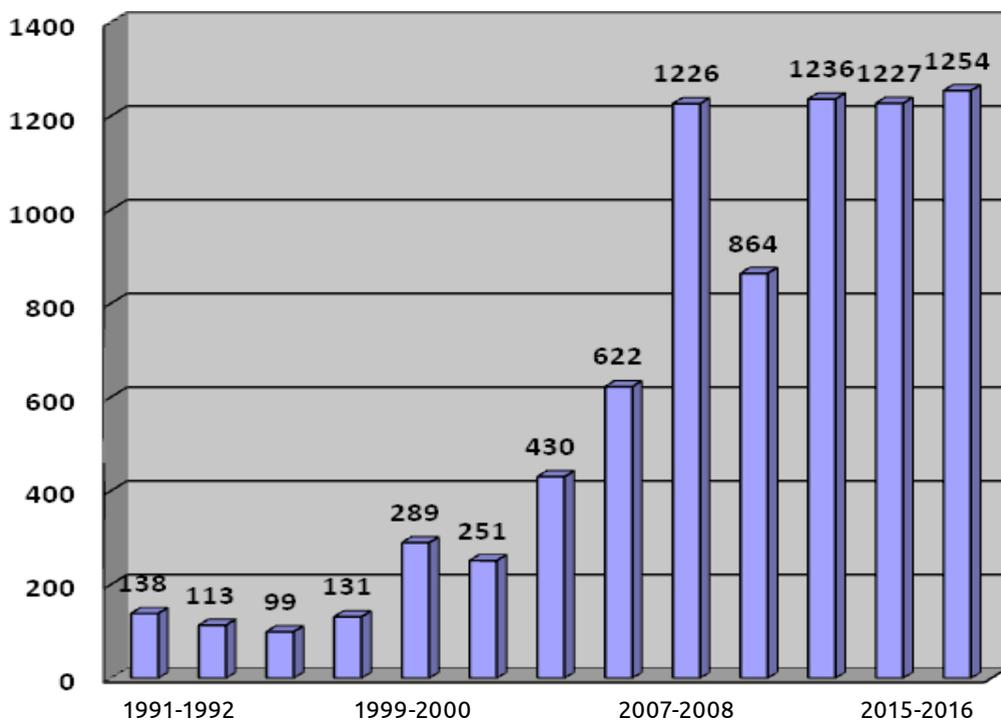
Л. В. Певень отмечает, что геополитические интересы России могут быть сгруппированы по геополитическим векторам «запад — восток», «юг — север» [14]. Интересы России в Арктике предопределяются потенциалом, которым обладают арктические территории и закрывают «северное» направление в системе геополитических интересов страны. Согласно одобренному в 2008 г. документу «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», главными интересами России в Арктике являются [11]:

- Использование Арктической зоны Российской Федерации в качестве стратегической ресурсной базы России, обеспечивающей решение задач социально-экономического развития страны.
- Сохранение Арктики в качестве зоны мира и сотрудничества.
- Сбережение уникальных экологических систем Арктики.

— Использование Северного морского пути в качестве национальной единой транспортной коммуникации России в Арктике.

К геополитическим приоритетам России в Арктике можно отнести [3, 14]:

- разработку энергоресурсов российской Арктики;
- обеспечение охраны арктической границы и поддержание на должном уровне военного потенциала на Севере;
- четкое определение российских северных границ, нейтрализацию проблемы территориальных притязаний со стороны приграничных государств, в том числе устранение правовой неопределенности в отношении границ континентального шельфа Российской Федерации;
- развитие транспортных коммуникаций в Арктике;
- развитие международного сотрудничества в макрорегионе;

*Количество публикаций, связанных с Арктикой
и ее основными смысловыми производными (1991–2016 гг.)*

- реформирование социально-экономических структур;
- поддержку коренных малочисленных народов Севера;
- сохранение климатического баланса.

Значимость Арктики для России подчеркивается многими представителями власти, которые занимаются проблемами региона. Так, например, глава Государственной комиссии по вопросам развития Арктики вице-премьер Д. О. Рогозин отмечает, что «Арктика входит в непосредственную зону интересов нашего государства» [16], «ее освоение остается одной из насущнейших наших задач. Это огромный и очень значимый макро-регион для нашей страны. Арктика для нас пока terra incognita, а должна быть исследована и колонизирована — в хорошем смысле этого слова, став нашей перспективнейшей территорией» [9]. Как отмечают эксперты, Арктический регион интересен России, в первую очередь, с

экономической точки зрения. Однако подчеркивается, что освоение ресурсов Арктики — «задача не экономическая, а политическая и геополитическая» [4]. О том, что «Арктика играет огромную роль для геополитического положения государства» [17] говорит и Специальный представитель Президента Российской Федерации по международному сотрудничеству в Арктике и Антарктике, член Государственной комиссии по вопросам развития Арктики А. Н. Чилингаров. Следует также отметить, что представители российской власти акцентируют внимание в своих выступлениях на том, что за Арктику идет активная политическая и дипломатическая борьба. Об этом говорится в выступлениях ответственного секретаря Совета по Арктике и Антарктике при Совете Федерации А. Г. Иванова [6], председателя Совета Федерации РФ В. И. Матвиенко [5], вице-преьера Д. О. Рогозина [9] и др.

Геополитические интересы и приоритеты России в Арктическом регионе

В подтверждение слов политических деятелей можно привести данные контент-анализа правительственного издания «Российская газета». Так, за последние 25 лет наблюдается значительный рост внимания к проблемам Арктики со стороны официальной прессы. За этот период регион преодолел свое негативное восприятие как бесперспективной и отдаленной территории. Сегодня Арктика воспринимается как территория национальных интересов арктических государств, претендующих на ее эксклюзивный раздел. При этом «официальный российский политический дискурс не поддерживает идей объявления Арктики достоянием всего человечества и заповедной территорией по аналогии с Антарктикой» [10].

Можно сказать, что в российских политических кругах сложилось представление об Арктике как важном с экономической, стратегической и геополитической точки зрения регионе. Руководство страны понимает, что за Арктику ведется активная борьба и России необходимо принимать меры по защите своих национально-государственных интересов.

Подводя итог, можно отметить, что Россия имеет целый комплекс геополитических интересов и приоритетов в Арктике, который определяется ресурсным,

транспортным и военно-стратегическим потенциалом арктических территорий. Следует учитывать их большую взаимозависимость. Так, добыча углеводородов на континентальном арктическом шельфе требует развитой морской транспортной инфраструктуры, дальнейшего развития Северного морского пути, правового закрепления исключительной экономической зоны и нейтрализации территориальных споров. Сохранение военно-стратегического паритета предполагает дипломатическое взаимодействие на двусторонней и многосторонней основе. Интересы сбережения экологии и поддержки коренных малочисленных народов также крайне значимы в связи с угрозой дискредитации политики России в Арктике. Арктика занимает сегодня важное место в системе геополитических интересов России, закрывая «северное» направление, а активизация арктической государственной политики России вносит свой вклад в обеспечение долгосрочных национальных интересов и стратегических национальных приоритетов, утвержденных указом Президента России «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31 декабря 2015 г.

Литература

1. Арктика в современной системе международных отношений и национальные интересы России // Проблемы национальной стратегии. — 2014. — № 5 (26). — С. 9–43.
2. Барковский А. Н., Алабян С. С., Морозенкова О. В. Экономический потенциал Российской Арктики в области природных ресурсов и перевозок по СМП // Российский внешнеэкономический вестник. — 2015. — № 1. — С. 70–83.
3. Волков С. Ю., Писаревская Д. Д. Геостратегические приоритеты России в арктическом макрорегионе (к постановке проблемы) // Международная научная конференция «Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики»: сб. статей / Под ред.: Корнилов А. А. и др. — Нижний Новгород, 2016. — С. 49–58.
4. Дмитрий Рогозин: За Арктику разворачивается целая битва с серьезными игроками. — URL: <http://gorchakovfund.ru/news/9655> (дата обращения: 21.03.2017).
5. Закон о развитии Арктики станет надежным правовым фундаментом для реализации экономических интересов России. — URL: <http://www.arctic-info.ru/ExpertOpinion/25-11-2015/zakon-o-razvitii-arktiki-stanet-nadejnim-pravovim-fyndamentom-dla-realizacii-ekonomiceskih-interesov-rossii> (дата обращения: 21.03.2017).

6. Идет борьба за доступ к российским арктическим ресурсам. — URL: http://www.arctic-info.ru/ExpertOpinion/18-02-2016/idet-bor_ba-za-dostyp-k-rossiiskim-arkticeskim-resyrsam (дата обращения: 21.03.2017).
7. *Коньшев В. Н., Сергунин А. А.* Зачем России нужна Арктика? // Политэксп. — 2011. — № 2. — С. 153–164.
8. *Коньшев В. Н., Сергунин А. А.* Национальные интересы России в Арктике: мифы и реальность // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2011. — № 29. — С. 2–11.
9. Кризисы приходят и уходят, а Арктика — вечна. — URL: <http://www.arctic-info.ru/ExpertOpinion/26-11-2015/krizisi-prihodat-i-yhodat-a-arktika-vecna> (дата обращения: 21.03.2017).
10. *Мартьянов В. С.* Переосмысляя Арктику: динамика российских приоритетов // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. — 2013. — № 1. — С. 83–96.
11. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. URL: <http://government.ru/info/18359> (дата обращения: 21.03.2017).
12. Отчет по результатам экспертного опроса «Как отразится кризис на развитии нефтегазодобычи на Арктическом шельфе и жизни регионов». — URL: <http://irpr.ru/2015/03/25/otchet-po-rezultatam-ekspertnogo-oprosa-kak-otrazitsya-krizis-na-razviti-i-neftegazodobychi-na-arkticheskom-shelfe-i-zhizni-regionov> (дата обращения: 21.03.2017).
13. *Павленко В. И.* Арктическая зона Российской Федерации в системе обеспечения национальных интересов страны // Арктика: экология и экономика. — 2013. — № 4 (12). — С. 16–25.
14. *Левень Л. В.* Некоторые выводы из оценки геополитических и геостратегических аспектов национальной безопасности Российской Федерации в XXI в. // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. — 2011. — № 2. — С. 98–117.
15. Приоритеты России в Арктике. Специальный доклад к Международному форуму технологического развития «Технопром — 2016». — URL: <http://www.instrategy.ru/pdf/334.pdf> (дата обращения: 21.03.2017).
16. Рогозин рассказал о геополитических интересах России. — URL: <http://arctic.gov.ru/News/305d434a-5b6d-e511-80bf-e14c6e493e30?nodeId=9ce9c1ed-d94b-e511-825f-10604b797c23&page=1&pageSize=10> (дата обращения: 21.03.2017).
17. «Роснефть» в Арктике делает больше, чем все остальные компании. — URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6197#top-content (дата обращения: 21.03.2017).
18. *Селин В. С., Цукерман В. А.* Геополитические и экономические факторы обеспечения суверенитета России в Арктике // Россия и современный мир. — 2008. — № 2 (59). — С. 76–84.
19. *Хейнинен Л., Сергунин А., Яровой Г.* Политика России в Арктике: как избежать новой холодной войны — М., 2014. URL: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/arctic_rus.pdf (дата обращения: 21.03.2017).

Буферные зоны в мировой политике:
постановка проблемы

Буферные зоны в мировой политике: постановка проблемы

Аннотация

В статье автор рассматривает вопрос о значимости учета теоретического и практического опыта, представляющего перед исследователем при изучении проблематики буферных зон в современной мировой политике. Также на историческом примере балканского региона в начале XX в. анализируются специфика политических процессов в рамках буферных зон и основные факторы, способствующие их образованию.

Ключевые слова: буферные зоны, мировая политика, балканский регион.

Автор

Рыхтик Павел Павлович

Ассистент Межвузовского центра
по разработке концептуальных основ
и содержания гуманитарного образования
факультета социальных наук
Нижегородского государственного университета
имени Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

В ходе геополитических процессов (прежде всего в процессе складывания стратегических и политических союзов на стыке сфер влияния этих союзов) нередко оказываются определенные буферные зоны, по ряду факторов тяготеющие сразу к обеим геополитическим группировкам или же стремящиеся к нейтралитету. В конечном итоге эти ситуации приводят к возникновению острых противоречий и конфликтов между двумя и более полюсами силы и с вовлечением в них факторов внутри самих буферных зон.

В этой связи задачи разрешения подобных конфликтов, ввиду их масштабности, восходят на уровень глобальных политических процессов и институтов. Необходим учет всего теоретического и практического опыта, возникающего перед исследователем при изучении обозначенной проблематики.

Этимология самого слова «буфер» в целом интуитивно понятна. Изначально оно употреблялось в сфере, описывающей те или иные механические и технологические процессы, обычно при описании непосредственного функционирования тех или иных устройств, служащих для гашения или амортизации. Позднее, по принципу подобию, термин был условно перенесен на специфические явления, когда та или иная территория служит точкой пересечения двух и более сил. Или же на ней расположена некая третья сила, препятствующая соприкосновению двух полюсов, причем, скорее, в ситуациях, когда территория объективно «спасает» эти полюса от необходимости столкновения, что играет на руку одному из них, не имеющему возможностей противостоять сопернику, или обоим, в случаях, когда их силы тождественны и исход конфликта

мало предсказуем. Выражено это, например, в термине «буферное государство» [23].

Термин «буферная зона» в последние годы все чаще используется в активном лексиконе исследователей-политологов. Причем в большей степени это характерно для западных исследований. Там рассматриваются как в целом явления и процессы, возникающие вокруг буферных зон, без упоминания термина «буферная зона», так и те же процессы с прямым его употреблением. Такие упоминания можно найти, например, в известной работе З. Бжезинского «Великая шахматная доска» [4. — С. 124] или в сравнительно новой и недавно переведенной на русский язык работе Г. Мюнклера «Империи. Логика господства над миром» [14]. В отечественной научной литературе, посвященной политологическим проблемам, данный термин практически не употребим. Более того, в известной степени отсутствует теоретическая база, которая бы объективно описывала термин с научных позиций или же просто вводила его в научный оборот. Более или менее схожее явление и связанная с ним проблематика, обозначенная термином «лимитроф», описывается в работах В. Л. Цымбурского [24].

Возникает вполне закономерный вопрос: существует ли тогда острая необходимость в изучении этого термина в рамках отечественной политической науки без банального и излишнего «умножения сущностей»? Причин для положительного ответа на этот вопрос как минимум две.

Во-первых, при употреблении термина западные исследователи ссылаются на процессы, так или иначе связанные с Россией в контексте ее современного (Мюнклер) или относительно недавнего (Бжезинский) геостратегического положения. Этот факт сам по себе побуждает наших исследователей как минимум к вступлению с ними в открытый диалог, а быть может, и в полемику по данным вопросам с использованием этого термина в том или ином ключе. В полной мере это

будет возможно лишь при условии проработки в отечественной политологии собственной точки зрения на проблематику буферных зон, а также появления четких трактовок данного термина.

Во-вторых, несмотря на малый интерес к данному понятию в отечественной науке, в русскоязычной публицистике и в СМИ на пространстве СНГ термин употребляется, и употребляется он в последние годы все чаще. Это связано, например, с процессами во внешней политике России вокруг событий в Украине или в Сирии [3]. Причем за редким исключением [12] термин обычно используется в откровенно негативном контексте, и авторы предпочитают открыто противостоять процессам превращения тех или иных территорий в буферные зоны. Это само по себе также побуждает нас к объективной и всесторонней работе над означенной проблемой со строго научных позиций.

По мнению автора, показательным примером буферной зоны в истории российской политики может служить ситуация, сложившаяся вокруг балканского региона в 1902–1914 гг. Следует отметить, что сама обозначенная тема в течение длительного времени имеет определенную актуальность в нашей историографии, и проводившиеся исследования всегда открыто отмечали, что политика великих держав здесь велась не «tete-a-tete» по схеме: «Великая держава — балканский регион/отдельное государство», но всегда с учетом присутствия третьих сил [5. — С. 67]. По сути, в то время это было именно полем борьбы великих держав, а политика в отношении отдельных государств региона на этом фоне имела меньшее значение. Известное исключение, но лишь отчасти, здесь представляет только политика Российской империи и Австро-Венгрии.

Первая мировая война имела куда более масштабный характер, нежели какая-либо, проходившая ранее. Она вовлекла в противоборство многие страны. По сей день отголоски тех событий зани-

Буферные зоны в мировой политике: постановка проблемы

мают значительное место в исторической памяти людей [11]. В начале XX в. правительство каждой из ведущих европейских держав осуществляло подготовку к масштабной войне. Одним из ключевых аспектов вышеозначенной подготовки для Российской империи был поиск союзников, способных совместно с ней осуществлять борьбу против Тройственного союза. Совершенно логично, что в орбиту российской политики попадали балканские страны, населенные преимущественно южнославянскими народами, а именно: Сербия, Черногория и Болгария. Симпатии и убеждения массы населения этих стран, как считали в Главном штабе России, всегда традиционно к ней тяготели [18. — С. 30–43].

Балканский регион в 1902–1914 гг. не представлял собой единое целое, а скорее некую группу разобщенных и слабо тяготеющих друг к другу территорий. Складыванию подобной ситуации способствовал целый ряд факторов, без рассмотрения и учета которых проблематично понять все особенности данного региона и, главное, особенности политики, проводимой великими державами в означенный период. Эти же факторы, в свою очередь, определили становление балканского региона как буферной зоны столкновения интересов великих держав и преобразование его в «пороховой погреб Европы».

Прежде всего рассмотрим фактор географический. На юго-восточной оконечности Европы сильно выдвигается из материка крупный Балканский полуостров. В геологическом рельефе на территории полуострова доминируют горы, от Динарского нагорья до гор Пелопоннеса и нагорий Болгарии. Само название Балканского полуострова идет от турецкого «Balkan», или «большая, высокая горная цепь, поросшая лесами» [13. — С. 32]. Причудливыми изгибами горных цепей образуются также редкие равнины, обычно по окраинам полуострова и в межгорных котловинах. Таким образом, между различными землями полуострова возможно уста-

новление каких-либо сухопутных связей лишь через небольшое количество узких горных перевалов, а порой и невозможно вообще. Контроль над этими путями позволяет небольшому государству с пусть даже малочисленной армией вести длительную и успешную оборону против превосходящих сил неприятеля. Примеров подобному в предшествующий период история для нас сохранила много, от обороны Фермопил в период Греко-персидских войн до боев за Шипкинский перевал в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. С точки же зрения завоевателя контролировать горные территории гораздо сложнее, нежели пространство равнин. Крупнейшая судоходная река — Дунай, протекает на севере региона и, будучи удобной торговой артерией, завязывает на себя экономически все земли, выходящие к ней. Факт практически полного отсутствия в 1903–1914 гг. на Юге больших судоходных рек и слабого развития морской инфраструктуры, прежде всего крупных оборудованных портов, а также достаточного количества железных дорог, напротив, не позволял связать данные территории в единую экономическую зону.

Здесь выделяется следующий фактор — экономический. Ценные полезные ископаемые встречаются редко. Основной статьей производства и экспорта балканских стран в это время выступают продукты сельского хозяйства [16. — С. 46–54]. Согласно общим законам экономики на сельскохозяйственном рынке практически отсутствуют условия для появления крупного монополиста, способного подчинить себе экономически всех прочих, тем самым крайне слабы тенденции к естественному складыванию внутреннего рынка. Это может быть навязано лишь действием «сверху». Кроме всего прочего, в 1902–1914 гг. Балканы являлись регионом, куда активно вывозился европейский капитал [16. — С. 26–35], и в этой ситуации капиталистическим странам становилось гораздо выгоднее поддерживать

разобщенность отдельных балканских стран, для проведения более удачной экономической экспансии.

Далее рассмотрим историко-культурный фактор. С точки зрения цивилизационного подхода в истории Балканский полуостров предстает уникальной контактной зоной. Здесь встречаются и переплетаются культуры сразу трех полюсов: европейского протестантско-католического, евразийского православного, лидирующие позиции в рамках которого с конца XV в. стала занимать Россия [7. — С. 18–45], и ближневосточного мусульманского. Таким образом, здесь в ходе своего исторического развития формировались целые религиозно-культурные анклавы, многие из которых сохраняются по сей день [8. — С. 5]. Подобная культурная эклектика, конечно, не могла не привести к складыванию ряда принципиальных и подчас неразрешимых противоречий, образующих в конечном итоге множество центробежных сил в различных областях региона. Кроме того, это стало благодатной почвой для проведения различных спекуляций с целью массовой агитации и манипулирования общественным мнением. На сравнительно небольшой территории Балканского полуострова проживает множество как южнославянских (сербы, словенцы, болгары, черногорцы, боснийцы, македонцы), так и тюркских народов, а также албанцы, греки, румыны и венгры. Размытые этнические границы дают возможность радикально настроенным политическим силам, как правило, националистического толка выступать с грандиозными популистскими проектами «великих» национальных государств, «великих» Болгарии, Албании, Сербии, Черногории и так далее. Не удивительно, что сегодня, когда каждое государство региона является национальным (исключение Босния и Герцеговина), в каждом из них существуют подобные движения и на просторах сети периодически возникают карты будущих «великих» держав [25]. Об опасности таких явлений в вопросе раз-

жигания межнациональных распрей писал С. Г. Кара-Мурза в своем труде «Манипуляция сознанием» [9. — С. 62–65]. И сегодня, когда на Балканах сохраняется очаг международной напряженности, и в начале XX столетия этот фактор имел большое значение в рамках балканской буферной зоны. Во-первых, национальный вопрос часто выступал ключевым в деле формирования балканской политики ведущих держав, прежде всего Австро-Венгрии и Российской империи [20. — С. 98–99]. И, во-вторых, в различных ситуациях и при грамотном использовании его различными политическими кругами как самих балканских государств, так и ведущих держав, он достаточно быстро мог менять свое значение деконсолидирующего фактора на прямо противоположное, то есть служить делу всебалканского единства.

Далее следует остановиться на факторе политическом. В конце XIX в. от начинающей ослабевать Османской империи на Балканах отделяются ее национальные окраины, и в итоге образуется ряд новых национальных государств. Кажется абсолютно естественным, что перед новыми государствами остро встал ряд следующих задач. Во-первых, отстаивание своей независимости, вплоть до вооруженной борьбы за нее. Во-вторых, продолжение борьбы с турецким игмом и расширение собственных территорий. Здесь по вопросу разделения территорий дряхлеющей Порты между самими молодыми странами существовали определенные противоречия, а их неразрешенность в 1913 г. привела к развязыванию Второй балканской войны за передел отошедших Болгарии территорий. И, в-третьих, в условиях постоянного сильного влияния ведущих держав на политику балканских государств последние были вынуждены в силу своего шаткого положения прибегать к стратегии лавирования между двумя военно-стратегическими блоками, принимая дивиденды с обеих сторон и обеим сторонам же посылая обещания о дружбе и сотрудничестве. Ибо оконча-

Буферные зоны в мировой политике: постановка проблемы

тельный альянс с одной из сторон повлек бы неминуемое полное подчинение малого государства интересам и влиянию этого блока, вплоть до полной потери независимости. Ярким примером подобного развития можно считать Черногорию. Вплоть до Боснийского кризиса 1908–1909 гг. князь Николай метался меж двух полюсов, с появлением же угрозы австрийской экспансии он был вынужден пойти на подписание военного соглашения с Россией [18. — С. 476].

И, наконец, последним рассмотрим уже несколько затронутый геополитический фактор. Именно на рубеже XIX и XX вв. он проявился наиболее остро и стал значительно влиять на балканскую политику как Тройственного союза, так и Тройственного соглашения. Каждая из ведущих держав Европы имела свои геополитические интересы на Балканах. Так, для Германии контроль над балканским регионом и обеспечение прямых путей сообщения с Турцией через Австро-Венгерскую территорию открывали стратегический простор для экспансии на подконтрольные Британской империи территории Ближнего Востока, Северной Африки и в дальнейшем — Индии. Италия видела в ослабленной Турции объект своей прямой военной экспансии как в Африке, так и на территории Балкан [21. — С. 9–25]. В условиях усиления Германии и России для Австро-Венгрии в начале XX в. южный путь экспансии останется последним и единственно возможным. Великобритания, в свою очередь, стремилась к сохранению своих колониальных владений и недопущению германского доминирования на Балканах. Франция проводила политику охраны своих кредиторов и экономических концессий на Балканах с параллельным расширением экономической экспансии [16. — С. 13–38]. Двум последним державам, таким образом, были более выгодны разделенные, но сильные балканские страны как заслон на пути окончательного складывания германско-турецкого союза.

Подводя итог, стоит особо отметить, что по состоянию на начало XX в. балканские страны были крайне разобщены главным образом в сфере своей внешней политики. Румыния, находящаяся под управлением проавстрийски настроенного Карла I Гогенцоллерна все сильнее в этот период вовлекалась в орбиту влияния держав Тройственного союза. Особой конвенцией, о подписании которой Главному штабу было известно, она обязалась помочь им своими военными силами, а потому относилась к числу врагов России. Отношения славянских государств полуострова в это время были осложнены прошедшей недавно Сербско-болгарской войной, к тому же отмечалась общая неустойчивость политики Сербии и Болгарии. По-настоящему «верным другом» России в донесениях Главного штаба 1903 г. называется лишь «маленькая геройская Черногория» [18. — С. 30–45].

К настоящему моменту можно выделить два основных пути образования буферных зон. Это, к примеру, отделение части от прежде целого в политическом смысле объекта (Сербия, Черногория, отделившиеся от Османской империи). Иной путь предполагает постепенное расширение границ полюсов силы, взаимное пересечение сфер их влияния и образование здесь препятствующей прямому столкновению буферной зоны. Так, в 2013–2015 гг. проникновение американского влияния на Ближний Восток, связанное с поддержкой определенных политических сил в регионе, встретило противодействие со стороны Российской Федерации, выраженное в поддержке оппонентов проамериканских группировок [1, 2].

В целом выявлены следующие особенности политики полюсов силы в буферных зонах.

Во-первых, прослеживается очень высокая роль дипломатических корпусов или же, как в случае с Черногорией, военных миссий из полюсов силы на политику региона. На предварительном этапе, до

того, как будет пройдена точка невозврата и буферная зона больше не сможет выполнять сдерживающей функции в конфликте, это значимое поле борьбы именно дипломатов, стремящихся поставить регион как можно в большую зависимость от своего полюса силы или же всеми средствами стремящихся сохранить статус зоны именно как буфера, предохранителя, в случаях, когда конфликт абсолютно не выгоден их стране. Так, русский военный агент Н. М. Потапов, работавший в Черногории с 1903 по 1915 г., проводил на русские средства широкомасштабные военные реформы, надеясь создать препятствие на южном пути экспансии Австро-Венгрии. Кроме того, Н. М. Потапов пользовался большим влиянием при черногорском дворе, и при его участии удалось убедить короля Николая Петровича подписать выгодное для России военное соглашение, вплоть до 1912 г. подчинившее черногорскую армию русскому Главному штабу, а главное — позволившее противодействовать усилению здесь австро-венгерского влияния.

Во-вторых, что в принципе проистекает из предыдущего пункта, у полюсов силы есть прямая возможность воздействовать на геополитические процессы именно через буферную зону, в зависимости от степени их влияния здесь. Так, например, в создании всебалканского союза под эгидой Российской империи министр иностранных дел С. Д. Сазонов видел возможность противостоять в региональном и глобальном измерении силам Тройственного союза. К сожалению, проект союза стал невозможен из-за разразившихся Балканских войн 1912–1913 гг. и их, унижительных для Болгарии и Турции, итогов. Это, в свою очередь, указывает на такую отличительную черту практически любой буферной зоны, как значительная острота и сила внутренних конфликтов.

В-третьих, здесь наблюдаются уникальные прецеденты смешения часто, казалось, несовместимых элементов характерных для одного полюса силы и не-

приемлемых для другого. Примером может служить проникновение в Боснию и католической, и православной конфессий и закрепление их в среде правящей элиты и зависимого населения, соответственно. Подобные случаи представляют прямой научный и практический интерес.

В-четвертых, прослеживается особое специфическое восприятие буферной зоны у проживающего здесь населения. Здесь по-особому и не всегда типично работает, например, механизм реакции по типу «свой — чужой», что затрагивает уже и узко психологические вопросы, и, отчасти, проблематику из области политической психологии. Народонаселение буферной зоны, а точнее его образ, вмещает в себе черты, присущие одновременно обоим соседствующим и конкурирующим полюсам. Не важно, образует ли народонаселение такой зоны третью малую социокультурную общность или нет, в отношении этого народонаселения, как правило, не происходит однозначной реакции по формуле «свой — чужой», а в отношении всей зоны, соответственно, не происходит четкого понимания, является ли она враждебной или дружественной. Получается, что люди, населяющие данную территорию, в представлении жителей одного из полюсов силы не являются в полной мере «своими», но и называть их однозначно «врагами» невозможно. Так, император Австро-Венгрии Франц-Иосиф I был ярким противником идей «триализма», воплощение которых на практике было призвано существенно обновить политическую систему дряхлеющей империи, расширив права ее славянского населения [20. — С. 414]. Это сопротивление было связано, отчасти, с нежеланием большей части правящих элит Австро-Венгрии пошатнуть свое собственное положение [16. — С. 25–26], отчасти, с их нежеланием осознавать формальное равенство славян с австрийскими и венгерскими подданными империи [20. — С. 416–418].

В-пятых, пока полюса силы относительно равны между собой, а буферная

Буферные зоны в мировой политике: постановка проблемы

зона выполняет свои функции амортизатора, идет некий «период паритета», равновесия. Однако стоит одному из полюсов усилиться в достаточной мере, у него мгновенно пропадает нужда в подобном амортизаторе, и если конфликт ему выгоден или необходим, он не заставит себя долго ждать и отправную точку найдет, скорее всего, именно на пространстве уже бывшей буферной зоны. Изменение механизмов контроля над буферной зоной служит первым сигналом для полюсов силы и малых акторов внутри буферных зон начинать подготовку к конфликту или же активировать деятельность своих дипломатических миссий, для восстановления

статуса буферной зоны как зоны-предохранителя теми или иными путями. Следует отметить также, что в современных реалиях решающее значение имеет наличие у ведущих держав ядерного оружия, а, следовательно, и невозможность превзойти соперника по своей мощи. В этом случае конфликты на территории буферных зон обычно приобретают перманентный характер, так как имеют целью получение полного контроля над сферой влияния, чему активно сопротивляется конкурент.

Таким образом, проявляется практический аспект изучения данной проблематики.

Литература

1. A bombing in Ankara moves Turkey closer to a fight with Syria-and Russia // The Economist. — 2016. — feb. 19. — URL: <http://www.economist.com/news/europe>. (дата обращения: 18.05.2016).
2. Gordon M. Russia surprises U. S. with accord on battling ISIS / M. Gordon // International New York Times. — 2015. — sept. 27. — URL: <http://www.nytimes.com/2015/09/28/world/middleeast>. (дата обращения: 23.10.2015).
3. Stratfor: Россия устроит беспорядки в Прибалтике // Вести сегодня. — Stratfor: Россия устроит беспорядки в Прибалтике. № 54. — Рига, 2014.
4. Бжезинский З. Великая шахматная доска. (Господство Америки и его геостратегические императивы.) М., 1998.
5. Вишняков Я. В. Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века. — М.: МГИМО-Университет, 2012.
6. Государственная ограда // Esquire. 2015. 30 ноября. — URL: <https://esquire.ru/frontier>. (дата обращения: 18.01.2016).
7. Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / Под ред. Ю. В. Попкова. — Новосибирск: Нонпарель, 2010.
8. Задохин А. Г., Низовский А. Ю. Пороховой погреб Европы. — М.: Вече, 2000.
9. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М.: Изд-во: Эксмо, 2005.
10. Леван Бодзашвили. Запад идет на уступки для сохранения мира, но мир не устанавливается, напротив, возрастает угроза широкомасштабной войны // Svobodnaya.info. 2015. 16 февраля. — URL: http://svobodnaya.info/index.php?option=com_content&view=article&id=7069:2015-02-16-11-54-30&catid=42:politics&Itemid=85. (дата обращения 3 мая 2016).
11. Михайлова Н. День победы в Лондоне. — URL: http://9mayinlondon.co.uk/index.php?option=com_content&view=article&id=12&Itemid=19. (дата обращения 10 февраля 2013).
12. Молдова и Приднестровье могут решить конфликт, став на Днестре «буферной зоной мира» между Востоком и Западом // Infotag.md 2014. 17 июня. — URL: <http://www.infotag.md/interview/189680>. (дата обращения 3 мая 2016).
13. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. 1-е изд. — М. — Мысль, 1984.

Тема номера: «Научные исследования молодых политологов»

-
14. Мюнклер Г. Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США / Пер. с нем. Л. В. Ланника, под ред. Т. А. Граблевской; коммент. и вступ. ст. Л. В. Ланника — М.: Кучково поле, 2015.
 15. Призрак бродит по Европе... // Business-gazeta.ru 2014. 3 марта. — URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/98586/>. (дата обращения 3 мая 2016).
 16. Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. — М., Изд-во Наука, 1985.
 17. Плотников Д. С. «Европейский фактор» в российско-украинских отношениях // Arg administrandi. — 2013. — № 4.
 18. Потапов Н. М. Русский военный агент в Черногории. Том 1. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. — М.: Подгорица, 2003.
 19. Русин А. О. Буферная Украина Самиздат 2014. — URL: http://samlib.ru/r/rusin_a_o/bufernayaukraina. (дата обращения: 02.10.2015).
 20. Русско-словенские отношения в документах (XII в. — 1914 г.) — М.: Древлехранилище, 2010.
 21. Рябинин А. Малые войны первой половины XX века. Балканы. — М: ООО «Издательство АСТ»; СПб: Terra Fantastica, 2003.
 22. Сыздыкова Ж. С. Большой Ближний восток в глобальной политике США // Армия и общество. — 2013. — № 5.
 23. Толковый словарь обществоведческих терминов / Н. Е. Яценко, 1999. — URL: <http://www.slovarnik.ru>. (дата обращения: 5 сентября 2015).
 24. Цымбурский В. Л. Россия — Земля за великим лимитрофом: Цивилизация и геополитика. М., УРСС, Изд. 2, 2010.
 25. Ымперцы // Луркмор. — URL: <https://lurkmore.to/Ымперцы>. (дата обращения: 12 января 2012).

Реформирование ООН как объективная необходимость мирового развития

Аннотация

С момента создания Организации Объединенных Наций прошло более 70 лет, произошли существенные изменения на международной арене, окончательно распалась колониальная система, процесс глобализации достиг невероятного масштаба, изменился миропорядок, на международную арену вышли новые политические игроки. ООН же осталась во многом неизменной. В Уставе ООН, в статье 1 указаны четыре основополагающие цели организации. Данные цели сформулированы всеобъемлюще, в них отсутствует какая бы то ни была конкретизация. Но в современную эпоху ООН решает определенные задачи, которые требуют четкости в формулировках для достижения большей эффективности ее деятельности, изменений в структуре и новых подходов к финансированию и контролю за расходованием средств.

Ключевые слова: международные отношения, мировая политика, ООН, Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности.

Автор

Сушенцова Мария Вячеславовна

Студентка
факультета политологии
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Организация Объединенных Наций была образована после окончания Второй мировой войны в 1945 г. При этом основополагающие принципы, структура и цели организации разрабатывались в годы Второй мировой войны странами антигитлеровской коалиции. Понятие «объединенные нации» впервые было закреплено в Декларации Объединенных Наций, которая была подписана 1 января 1942 г.

ООН — универсальная международная организация, основной целью которой является поддержание мира и международной безопасности, а также обеспечение и содействие сотрудничеству между государствами.

Есть все основания считать эту организацию уникальной и универсальной, поскольку в мире нет и не было подобного рода международного дипломатического форума в виде системы организаций, которые рассматривают вопросы и вырабатывают решения в разных областях деятельности. Особенность и универсальность ООН заключается в том, что все страны имеют право голоса, когда принимают решения по важнейшим вопросам политики; организация может развивать отношения доверия со странами и их народами; располагает самой крупной сетью представительств в странах для оказания помощи в целях развития. Ее всеобъемлющий

Тема номера: «Научные исследования молодых политологов»

мандат охватывает социальные, экономические и чрезвычайные потребности [11. — С. 194–195].

На текущий момент времени членами ООН является 193 государства. А такие международные организации, как ЕС, ЛАГ, ОБСЕ, СНГ и другие, являются наблюдателями Генеральной Ассамблеи ООН. Кроме того, статус наблюдателя имеют Святой Престол, государство Палестина и Мальтийский Орден. Статус наблюдателя позволяет стране или организации принимать участие в открытых заседаниях комитета, но лишает «права голоса по существу», то есть по рассматриваемой повестке.

На площадках Организации Объединенных Наций решаются все ключевые проблемы, касающиеся не только военной безопасности и поддержания мира, а также вопросы, касающиеся социальной и культурной сферы. ООН разрабатывает концепции развития, преодоления экономической отсталости и прочее. Поэтому мы имеем полное право говорить об ООН как об универсальной международной организации, имеющей легитимность, какой в мире не обладает ни одна другая международная организация.

Однако при всей универсальности, легитимности и многогранности Организация Объединенных Наций не является мировым или глобальным правительством. Она имеет международный правовой статус, и документы, принимаемые органами и комитетами, должны соблюдаться странами — членами ООН, но организация не имеет права вмешиваться во внутреннюю политику независимых и суверенных государств и выполняет только тот ряд задач, который закреплен в Уставе. Цель ООН — не управлять всеми государствами или оказывать на них политическое влияние. Организация Объединенных Наций создавалась, в первую очередь, для поддержания мира и безопасности, оказания содействия развитию государств и повышению качества их уровня жизни. Захват национальных правительств или вторжение во внутренние дела государств будут, наобо-

рот, мешать и противодействовать реализации и достижению целей организации.

Говоря о роли Организации Объединенных Наций в системе международных отношений, трудно не отметить роль Совета Безопасности. В соответствии с Уставом ООН Совет Безопасности несет основную ответственность за поддержание мира и безопасности, что собственно и является основной целью создания самой организации. Именно Совет Безопасности вправе принимать решения о времени и месте развертывания миротворческой операции ООН.

Совет Безопасности обязан принять меры в связи с развертыванием кризисных ситуаций, используя весь арсенал инструментов для урегулирования или устранения конфликта. Для решения таких задач СБ ООН использует следующие механизмы:

- предотвращение конфликта путем посредничества;
- установление мира, используя различные дипломатические механизмы, в том числе превентивную дипломатию;
- принуждение к миру при помощи использования военной силы (разворачивание военных миротворческих контингентов);
- миростроительство, необходимое для снижения риска повторного возникновения конфликта путем укрепления национального потенциала по урегулированию конфликта на всех уровнях и построение прочного фундамента для устойчивого мира и последующего развития.

В последнее время отмечается расширение границ между мерами предотвращения конфликта и установлением мира. При этом миротворческие операции выйдут за рамки одного вида деятельности.

В наше время миротворческие операции Совета Безопасности способствуют не только урегулированию конфликтов и прекращению боевых действий, но и обеспечивают защиту гражданского населения,

Реформирование ООН

как объективная необходимость мирового развития

ускоряют процессы разоружения и демобилизации национальных армий, способствуют уничтожению бывших комбатантов и борьбе против распространения ядерного оружия, а также оказывают помощь в проведении легитимных и свободных выборов и прочих гражданских операций.

Совет Безопасности, Генеральная Ассамблея, Генеральный секретарь, высшие должностные лица или специализированные органы могут использовать инструмент превентивной дипломатии для реализации функции поддержания мира и прекращения возникающих конфликтов. Задача превентивной дипломатии заключается в разрешении конфликтов, возникающих между противоборствующими сторонами, предотвращении конфликтов и ограничении распространения уже существующего конфликта. К механизмам превентивной дипломатии относится превентивное развертывание военных или гражданских полицейских сил, превентивное гуманитарное вмешательство и превентивное построение мира. Как отмечает А. Абугу в своей статье «Роль превентивной дипломатии в современном международном праве», в последние годы концепция превентивной дипломатии была расширена путем включения в нее военных рычагов урегулирования конфликтов. Развертывание сил ООН в превентивных целях уже более не считается экстраординарным [1]. Очень долгое время в бывшей республике Македония силы развертывания ООН (СПРООН) являлись одним из немногочисленных примеров использования превентивного развертывания. Однако, доказав свою эффективность, был создан прецедент, и теперь военный элемент превентивной дипломатии в целях урегулирования конфликтов и установления мира используется почти во всех миротворческих операциях ООН, в том числе и в процессе урегулирования сирийского конфликта или в борьбе с террористической группировкой ИГИЛ, запрещенной в России.

Используя такой рычаг, как международное право, ООН также содействует

построению мира. Институт международного права, являясь легитимным и признаваемым всеми правительствами стран — членов ООН, способствует обеспечению безопасности и разрешению конфликтов. В Преамбуле Устава Организации Объединенных Наций была поставлена задача «создать условия, при которых будет соблюдена справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права». Таким образом, с самых первых дней существования организации вопрос соблюдения и укрепления международного права является важнейшей частью ее деятельности. Эта работа осуществляется по многим направлениям — судами, трибуналами, посредством многосторонних договоров, а также в Совете Безопасности, который, в частности, уполномочен учреждать операции по поддержанию мира, вводить санкции или разрешать применение силы в случае, когда есть угроза международному миру и безопасности. Эти полномочия возложены на Совет Безопасности Уставом ООН, который является международным договором. Как таковой, Устав ООН является инструментом международного права и государства-члены обязаны его соблюдать. Устав ООН закрепляет основные принципы международных отношений, от суверенного равенства государств до запрещения применения силы в международных отношениях [5].

В течение последних десятилетий в различных источниках, литературе и особенно в средствах массовой информации ООН часто обвиняют в неспособности противостоять терроризму и угрозам демократии. Проведя небольшое статистическое исследование, в 2004 г. на 59-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в своих докладах представители 120 государств коснулись проблемы реформирования Организации Объединенных Наций и высказались о необходимости этих реформ. Данный факт демонстрирует нам, что большинство акторов международного сообщества не только говорит о реформи-

Тема номера: «Научные исследования молодых политологов»

ровании ООН, но и признает объективную необходимость этого процесса.

Но не только эффективность работы Организации Объединенных Наций зависит от процесса реформирования самой организации. В принципе само существование ООН зависит от проведения реформ. Накопленный за более чем полвека опыт работы и несомненный авторитет дает ООН уникальную возможность играть ведущую роль в мировой политике. Безусловно, Организация накопила полезный и конструктивный опыт регулирования международных отношений [4 — С. 41].

Изменения, произошедшие на геополитической карте, требуют адаптации ООН к новым условиям. Распад СССР и образование России как правопреемницы Советского Союза кардинально изменили систему международных отношений. Кроме того, исчезла концепция биполярного мира. Сегодня мир уже не представляет собой противостояние двух политических лагерей «восток — запад». Настоящая международная реальность — это многополярное пространство, на арену которого постоянно выходят новые внешнеполитические игроки [4 — С. 42].

Кроме того, проблемы международной безопасности усложнились, их спектр стал шире. Проблема нераспространения ядерного оружия приобрела особую роль. Все большее количество стран стремится снабдить свои армии ядерным вооружением, а это, в свою очередь, сильно влияет на международную безопасность.

Постоянный рост бюрократического аппарата ООН в конечном итоге определил ее организационно-структурную беспомощность. Разветвленная система ООН включает в себя огромное количество различных программ, структурных подразделений, часто дублирующих друг друга из-за неясной компетенции и нечетких целей и функций. Это неблагоприятно отразилось и на бюджете ООН, который стал формироваться и расходоваться крайне нерационально.

Что же касается военных структур Ор-

ганизации Объединенных Наций, то они были неразвиты изначально. Это стало закономерным итогом полного отсутствия конвенционного механизма международного миротворчества, это же привело, в конце концов, к тому, что утверждение каждого очередного мандата миротворческих операций происходит довольно медленно. Кроме того, в последние два десятилетия проблема осложнилась противоречием целей миротворческих операций с проблемой вмешательства во внутренние дела стран, в которых возникли кризисные ситуации (например, гуманитарная интервенция). Кроме того, недостаточно ясно определены в Уставе ООН санкции, в частности экономические, их возможные последствия не просчитаны [4 — С. 42].

С момента создания Организации Объединенных Наций прошло более 70 лет, произошли существенные изменения на международной арене. ООН же осталась во многом неизменной, несмотря на то, что произошел ряд изменений. В Уставе ООН, в статье 1, указаны четыре основополагающие цели организации. Данные цели сформулированы универсально, в них отсутствует какая бы то ни была конкретизация. Но в современную нам эпоху ООН решает задачи, требующие четкости в формулировке для достижения большей эффективности деятельности ООН, изменений в структуре и новых подходов к финансированию и контролю за расходованием средств [3 — С. 210].

Во-первых, обратим наше внимание на ключевой орган Организации Объединенных Наций — Совет Безопасности. Увеличилось количество непостоянных членов СБ с 6 до 10. Данное решение было внесено в Устав ООН 17 декабря 1963 г. [6]. В 2005 г. был предложен план «При большей свободе», в котором были предложены две альтернативы реформирования Совета Безопасности. Однако члены СБ так и не пришли к консенсусу и общего решения по данному вопросу до сих пор нет. В статье 29 Устава ООН сказано, что Совет Безопасности вправе учреждать любые

Реформирование ООН

как объективная необходимость мирового развития

вспомогательные органы, которые он сочтет необходимым для решения ключевых вопросов международной безопасности и эффективного исполнения своих функций. Поэтому уже в самом Уставе мы видим отсылку к тому, что реформирование Совета Безопасности может происходить постоянно. В любом случае, подвергая изменениям Совет Безопасности, необходимо учитывать тот факт, что все предложения и проекты по поводу возможных моделей «обновленной» ООН, не будут эффективными и до тех пор, пока мировые державы не проявят должной заинтересованности в этом вопросе и не откажутся от политики двойных стандартов, господствующей сегодня в международных отношениях [9].

Во-вторых, обращая внимания на реформу Экономического и Социального Совета ООН, необходимо отметить тот факт, что данный орган дважды претерпевал изменения в своем численном составе. Первый раз это произошло в 1966 г., тогда количество членов комитета увеличилось с 18 до 27 стран. Второй раз ЭКОСОС увеличил свой состав в результате принятия Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1971 г. № 2847, в которой говорилось об увеличении комитета в два раза. С 1971 г. членами ЭКОСОС являются 54 государства, которые избираются Генеральной Ассамблеей на три года.

В-третьих, в 2006 г. был создан Совет по правам человека. Изначально это была комиссия по правам человека, которая функционировала при Экономическом и Социальном Совете. Но в 2006 г. была издана Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 60/251 [7], в которой было сказано, что в комиссии существуют страны — нарушители прав человека, в связи с чем эффективность работы комиссии очень низка. ЭКОСОС предложил упразднить данную комиссию, в результате был создан отдельный рабочий орган — Совет по правам человека.

В-четвертых, хотелось бы сказать, что Резолюцию 377 А (V) «Единство в пользу

мира» 1950 г. также можно назвать реформой ООН. В данном документе речь идет о фактическом делегировании полномочий Генеральной Ассамблее по решению вопросов Совета Безопасности, когда СБ не справляется с выполнением своих функций. На наш взгляд, самой важной частью резолюции является раздел А, в котором утверждается, что, если Совет Безопасности не может реализовать свою деятельность по поддержанию международного миропорядка и безопасности, то Генеральная Ассамблея вправе немедленно взять эту функцию на себя и рассмотреть данный вопрос самостоятельно.

Возможно, возникает вопрос: на каких основаниях мы можем говорить о данной резолюции как о полноценной реформе? В Уставе ООН не предусмотрена ситуация перенимания полномочий Совета Безопасности Генеральной Ассамблеей, а данная резолюция в корне меняет функционал работы этих двух основополагающих органов и является весомым добавлением к Уставу. Таким образом, мы рассматриваем данную резолюцию как полную реформу.

Существуют целые рабочие группы по формированию Совета Безопасности ООН. Например, проект «группы четырех», в составе которого: Германия, Бразилия, Индия и Япония, группа африканских государств (Сенегал, Гана, Нигерия и Южная Африка), проект «швейцарской пятерки» и т. д. Консенсус в данном вопросе до сих пор не найден и основные споры ведутся именно по вопросу расширения числа государств — членом Совбеза и получения другими странами права «вето», а также имеет место быть дискуссия по вопросу эффективности и активации работы Военно-Штабного комитета.

Кроме того, необходимо отметить, что на момент создания организации перед мировым сообществом не стояла так остро угроза миру со стороны терроризма, поэтому в Уставе ООН нет статей, отражающих борьбу с терроризмом. На наш взгляд, логичным предложением было бы

Тема номера: «Научные исследования молодых политологов»

внести в Устав ООН поправку по данному вопросу и сделать борьбу с террористическими группировками сферой работы Совета Безопасности ООН. Также нам видится возможным увеличение количества постоянных членов Совета Безопасности с 5 до 7. На сегодняшний день в числе постоянных членов нет ни одного представителя стран Южной Америки и Африки. Поэтому два новых члена должны быть с этих континентов. Количество непостоянных членов можно увеличить с 10 до 13. При этом региональное распределение членов мы предлагаем следующее:

2 — от Восточной Европы,

3 — от Западной Европы, Канады и Австралии,

2 — от Азии,

3 — от Африки,

3 — от Латинской Америки и Карибского бассейна.

Реформирование Экономического и Социального Совета за последние десятилетия привело к усилению ведущей роли ЭКОСОС в выявлении новых проблем, поощрении инноваций и достижения сбалансированной интеграции трех основных компонентов устойчивого развития — экономического, социального и экологического. С принятием Резолюции Генеральной Ассамблеи 68/1 [8] на Экономический и Социальный Совет была возложена задача уделять повышенное внимание координации деятельности, проводимой по итогам крупных конференций и встреч на высшем уровне Организации Объединенных Наций.

Никакие реформы и их осуществление невозможны без создания благоприятных для этого условий, коими являются дружественная обстановка на мировой арене, равенство всех суверенных государств в вопросах порядка определения мироустройства и, что самое важное, обеспечение жителей планеты достоверной информацией о происходящих политических процессах и нераспространение фальсификаций реальных фактов в глобальном масштабе. Нам кажется, что

решения этой проблемы можно добиться путем создания вспомогательного органа — Комиссии по информационному надзору в рамках ЭКОСОС, который будет контролировать СМИ и различные виды пропаганды в обществе, и в том числе пресекать какие-либо призывы к экстремизму и терроризму, и который необходимо сделать неотъемлемой частью государственного аппарата каждой из стран — членов ООН с Верховным руководством в штаб-квартире Организации.

По сравнению с Комиссией по правам человека Совет по правам человека получил более высокий статус в рамках Организации Объединенных Наций. Теперь он считается вспомогательным органом Генеральной Ассамблеи ООН.

Главная задача СПЧ — создание механизма универсального периодического обзора ситуации с правами человека в отдельных странах (УПО). При разработке параметров УПО столкнулись разные подходы и мнения. Российской делегации удалось закрепить диалоговый характер УПО и подтвердить ведущую роль государств в нем. По мнению российской стороны, готовящиеся в СПЧ обзоры должны быть беспристрастными и иметь своей основной целью содействие всестороннему соблюдению прав человека, а не реализацию внешнеполитических интересов отдельных государств. Кроме того, оценивая состояние с правами человека, следует учитывать уровень социально-экономического развития, религиозные и культурные традиции, особенности правовых систем отдельных стран. Пока Совет по правам человека только начал свою работу, поэтому о том, насколько данная структура будет эффективной, судить еще рано [2].

Таким образом, эффективность деятельности Организации Объединенных Наций в современных условиях зависит от действенного реформирования на базе принципа демократизации ее руководящих органов, совершенствования структуры ООН, научно-обоснованного принятия искомых решений. Прошедшая недавно

Реформирование ООН

как объективная необходимость мирового развития

юбилейная сессия ведущей международной организации, ее конструктивный деловой характер вселяет надежду на улучшение эффективности ее деятельности [10].

Реформирование ООН является не просто явлением, это процесс. Данный процесс начинается со второй половины прошлого столетия и продолжается по сей день. Трудно сказать, когда он закончится, возможно, что никогда. Ведь, чтобы быть эффективной организацией, необходимо соответствовать международной реальности, а международная система — неустойчивая структура, которая постоянно эволюционирует и изменяется.

Безусловно, реформирование Организации Объединенных Наций должно опираться на следующие факторы:

1) снижение роли бюрократической структуры;

2) полное исключение политической конъюнктуры из работы организации;

3) повышение оперативности реагирования основополагающих органов ООН и сокращение времени реагирования на возникающие международные конфликты и кризисы.

Наш опыт участия в Международной Модели Организации Объединенных Наций, ныне носящей имя Виталия Ивановича Чуркина, позволяет предложить разработанную программу реформирования Организации Объединенных Наций.

Вопрос по реформированию Совета Безопасности является самым дискуссионным и неоднозначным. Позиция постоянных членов Совбеза вполне ясна — они против расширения постоянных членов Совета Безопасности. Однако значительное количество стран в Генеральной Ассамблее настаивают на включении новых постоянных членов в Совет Безопасности с предоставлением им такой прерогативы, как право «вето». Какое, на наш взгляд, здесь возможно изменение? Возможно, следует ввести категорию полупостоянных членов, которые возможно будет немедленно переизбрать внутри

региона на три года в соответствии со следующей схемой:

группа Африканских стран — 2 места;

группа государств Азиатского региона — 1 место;

группа государств Тихоокеанского региона — 1 место;

группа государств Латинской Америки и Карибского бассейна — 1 место;

группа государств Лиги арабских государств — 1 место.

Полупостоянные члены — категория стран, которые имеют возможность стать постоянными членами Совета Безопасности ООН и получить право «вето» через три года по решению Генеральной Ассамблеи ООН.

Совету Безопасности следует более активно использовать ресурсы Военно-Штабного комитета в деле поддержания международного мира и безопасности путем создания региональных вспомогательных органов. А именно — предлагается создать комитет, который будет сотрудничать с региональными международными организациями для обеспечения мониторинга потенциальных конфликтных ситуаций в различных регионах и их предотвращения, а также обеспечения Совета Безопасности детальной информацией по вопросам компетенции Совета, а также путем поощрения сотрудничества ВШК с секретариатом в планировании операций по поддержанию мира.

Кроме того, Совету Безопасности рекомендуется пересмотреть систему мандатов пребывания миротворческих сил ООН в зонах проведения операций ООН по поддержанию мира с целью упрощения процесса урегулирования конфликтов.

Нам кажется уместным произвести реформу Экономического и Социального Совета совместно с реформированием Международного Валютного Фонда. Постановить выдачу кредитов с соблюдением устава и требований Международного Валютного Фонда. Кредиты будут предоставляться нуждающимся странам с целью оказания помощи в виде организации

проектов по строительству промышленных предприятий для развития экономической системы.

В отношении проведения миротворческих миссий следует установить положение, согласно которому после предоставления государствами — членами ООН

своих воинских контингентов в распоряжение миротворческих сил ООН для проведения миротворческой операции эти страны не будут иметь права отзываться эти воинские контингенты иначе как с разрешения Совета Безопасности.

Литература

1. Абугу А. Роль превентивной дипломатии в современном международном праве / Абугу А. // Вестник Российского университета дружбы народов. — Серия: Юридические науки. — 2000. — № 1.
2. Ачкасов В. А., Ланцов С. А. Мировая политика и международные отношения. 2011–480 с.
3. Ерхов Г. П. Современные проблемы эффективной деятельности Организации Объединенных Наций / Ерхов Г. П. // 70 лет Организации Объединенных Наций: сборник материалов по итогам международной научно-практической конференции. Отв. ред. Т. Р. Мармазова. — Донецк: ДонНУ. — 2015.
4. Зверев П. Г. К вопросу о необходимости реформы Организации Объединенных Наций и роль России в этом процессе / Зверев П. Г. // Московское научное обозрение. — 2013. — № 5 (33).
5. Международное право. URL: <http://www.un.org/ru/sections/what-we-do/uphold-international-law/>.
6. Резолюция Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1963 года A/RES/1991 (XVIII).
7. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 3 апреля 2006 A/RES/60/251.
8. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 20 сентября 2013 года A/RES/68/1.
9. Сашин В. Л. Основные факты об Организации Объединенных Наций. — М., Весь Мир, 2005.
10. Семьдесят лет Организации Объединенных Наций: сборник материалов по итогам международной научно-практической конференции (10 декабря 2015 г.). Отв. ред. Т. Р. Мармазова — Донецк: ДонНУ, 2015.
11. Цыганков П. А. Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации: учеб. пособие / Цыганков П. А., Дробот Г. А., Лебедева М. М. и др.; под ред. проф. Цыганкова П. А. — 3-е изд. перераб. и доп. — М.: АЛЬФА-М: ИНФА-М, 2013.

Значение концепции делиберативной демократии Ю. Хабермаса для теории политической коммуникации

Аннотация

В данной статье устанавливается значение концепции делиберативной демократии Ю. Хабермаса с точки зрения ее влияния в общей теории политической коммуникации. Для решения этой цели выявляются ключевые проблемы: установления диалогической, а не манипулятивной и однонаправленной коммуникации, организации демократической политической коммуникации, определения подлинного общественного мнения, — находящиеся на пересечении области теории политической коммуникации и теории демократии. В противопоставлении с заложенными данными проблемы линейными моделями «воздействия» в политической коммуникативистике устанавливаются преимущества подхода Ю. Хабермаса к их решению.

Ключевые слова: Ю. Хабермас, делиберативная демократия, политическая коммуникация, герменевтико-феноменологический подход, публичная сфера.

Автор

Линде Андрей Николаевич

Выпускник аспирантуры
кафедры истории и теории политики
факультета политологии
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Делиберативная (от англ. deliberate — обсуждать, обдумывать) демократия является современным подходом в теории демократии, сформированным в 80-е гг. XX в. Эта концепция, в отличие от «ревизионистской» — элитарной демократии Й. Шумпетера, предлагает расширить власть гражданского общества и его влияние на государственную власть при помощи процедуры рационального обсуждения. Для этого такая дискуссия должна быть «информированной, сбалансированной, сознательной, независимой и всесторонней» [15. — Р. 285]. Представители концепции «выступают за компетент-

ность в полемике, использование интеллекта общественности в государственных делах и непредвзятость в обретении истины [13. — С. 382–383]. Основным представителем концепции, обосновавшим ее ключевые принципы, является философ Юрген Хабермас.

Также концепция делиберативной демократии имеет особое значение для теории политической коммуникации¹,

¹ Термины «теория политической коммуникации» и «политическая коммуникативистика» употребляются в отечественной политической науке. Политическая комму-

так как она стремится решить существенные проблемы организации политической коммуникации в обществе, которые привели к кризису демократии. Для этого предполагается развитие модели свободной, субъект-субъектной коммуникации, сформулированной Ю. Хабермасом в «теории коммуникативного действия», институциональное утверждение независимой области обсуждения, определенной ученым в понятии «публичной сферы».

Следовательно, особенно важно определить, какие существенные проблемы теории и практической организации политической коммуникации являются причинами формирования концепции делиберативной демократии.

никативистика, как «теория среднего уровня», и теория политической коммуникации, как теория более общего, высокого уровня, находятся только в процессе формирования и институционализации, в итоге, формируя общее значимое направление политической науки, на что указывают Л. Н. Тимофеева и А. И. Соловьёв. Хотя, с одной стороны, ряд ученых отмечает, что общей разработанной теории политической коммуникации на данный момент не существует — «„высшим этажом“ для политической коммуникативистики должна стать теория политических коммуникаций. Должна, но ее пока нет». [10. — С. 46]. Но при этом постулируется и возможность формулирования общей теории, которая понимается не просто как суммирование знаний различных дисциплин о политической коммуникации, а более сложное, структурированное, взаимосвязанное, «диалогически-диалектическое» дисциплинарное образование, в совокупности составляющее, по выражению Р. Крейга, «метадискурс» теории коммуникации. Следовательно, и определение значения оригинального герменевтико-феноменологического подхода, ставшего методологическим основанием для критической теории Ю. Хабермаса, обладает особенной важностью для общей теории политической коммуникации.

1. Политико-коммуникативные основания кризиса современной теории демократии

Ряд исследователей обозначают существующий кризис как кризис принципов классической теории демократии, так и их применения в демократических государствах на практике в XX в. Этот кризис был рассмотрен в первой половине XX в. в модели «элитарной демократии» Й. Шумпетером, проанализирован в 80–90-е гг. Д. Дзоло, К. Краучем и др. Эти исследователи указывают на зависимость указанных проблем демократии от существующей практики политической коммуникации и ее теоретического изучения.

Прежде всего кризис затрагивает особенно значимые принципы «развивающей демократии» — одной из основных концепций в демократической мысли. «Развивающая демократия» послужила фундаментальным смысловым основанием для разных моделей демократического режима (классическая демократия в Афинах, республиканизм, либеральная «демократия развития» [13. — С. 159]). В отличие от современного понимания либеральной демократии¹, в «развивающей демократии» демократическое устройство является только средством для основных, более глубоких, нормативно-ценностных целей: осуществления условий для свободы «мысли, слова и действий... формирования разума» [13 — С. 158], связанных с утверждением «образованного, ответственного и развивающегося гражданина... „возвышенного и гармоничного“ раскрытия индивидуальных способностей» [13. — С. 159].

Й. Шумпетер для обоснования элитарной демократии именно через проблемы

¹ Так как основной целью либеральной демократии является защита частных, экономических интересов индивида в обществе, понимаемом как «система структурированного рыночным хозяйством сообщения частных лиц и их общественного труда» [11. — С. 382].

Значение концепции делиберативной демократии

Ю. Хабермаса для теории политической коммуникации

политической коммуникации стремится доказать несостоятельность основных понятий классической демократии: «Общее Благо» и «Общая Воля» народа. Выражение «общего блага» неосуществимо: представления граждан включают не только рациональные стремления, но и логически несогласуемые «высшие ценности» [14]. Поэтому не имеет значения связанная с ним «общая воля». Отсутствие политической воли у граждан связано с низким уровнем политической вовлеченности, обусловленным функционированием политической коммуникации. Политические представления задаются элитами через СМИ, используются манипулятивные технологии навязывания задаваемых картин мира, «символического» значения действительности. Граждане не могут воспринять подлинную политическую реальность, понять правила политической деятельности, сформировать ответственное политическое действие. Общественное мнение фабрикуется государством для легитимации. Но, по своему содержанию, это приводит к отказу от принципов классической теории и концепции «развивающей демократии».

Поэтому для обоснования подлинно демократической теории Ю. Хабермас стремился, во-первых, разработать правила коммуникации, благодаря которым возможен всеобщий, рациональный, универсальный диалог для достижения подлинного консенсуса по отдельным политическим вопросам и установления Общего блага. Во-вторых, определить условия для формирования, сущность разумной общественной воли, ответственного политического действия, формулируя его как «коммуникативное действие».

2. Теоретические субъект-объектные, линейные и однонаправленные модели политической коммуникации

Взаимосвязанной с кризисом теории демократии проблемой является формирование «однонаправлен-

ной» модели политической коммуникации. По своей форме она повторяет линейную модель технической коммуникации, представленную математиком К. Шенноном. Коммуникация определяется как формальный, технический процесс передачи точной, абстрактной информации от источника — субъекта к адресату — объекту. Подобная односторонне направленная, линейная, субъект-объектная политическая коммуникация служит достижению власти политического лидера или государственного аппарата, создающего, регулирующего информацию и являющегося ее основным источником.

Это привело к формированию в политической коммуникативистике модели «исследования воздействия» [4. — С. 335]. Большинство ученых, работавших параллельно с Й. Шумпетером (Г. Лассуэлл, У. Липпманн и др.), исследовали коммуникацию в этом ключе. Изучались наиболее эффективные методы воздействия элит на общественное мнение, поведение, сознание граждан. Так, Г. Лассуэлл в 30–40 гг. XX в. предполагал, что пропаганда способна воздействовать на сознание индивида согласно эффекту «волшебной пули»¹.

В результате аналитически продуманной и рассчитанной манипуляции государственный аппарат обладает возможностью через пропаганду «создавать волю народа» [5. — С. 256], конструировать общественное мнение. Напротив, исследователи не предлагали принципы политической коммуникации, обеспечи-

¹ Он утверждал, что если субъект — источник коммуникации, удачно учтет все элементы коммуникации, то адресат не сможет сопротивляться его воздействию, и информация, как пуля, воздействует на его сознание. Но уже более поздние исследования выявили, что воздействие пропаганды не является настолько абсолютным, а индивидуальное сознание индивида не так просто подчиняется принципам ее влияния и по-разному реагирует на пропаганду.

вающие возможность «критического сопротивления новым технологиям убеждения» [5. — С. 256]. Но тогда граждане предстают только «послушными автоматами, подвергавшимся систематическому» [4. — С. 338] воздействию СМИ, не изучается, что «информация воспринимается неоднородно на индивидуальном уровне» [4. — С. 338]. Отрицается способность человека к субъективному, индивидуальному восприятию и интерпретации информации в соответствии со своими ценностями и предпочтениями.

Также значимо, что массовая политическая коммуникация часто основана не на убеждении аудитории, предполагающем усвоение аргументации, а на эмоциональном внушении. Внушение предполагает прямое индоктринационное воздействие на некритически настроенное сознание индивида, ставящее целью внушение посторонних идей и вытеснение существовавших раньше смыслов, противоречащих цели внушения, при помощи сообщения не логичных, а глубоко неосознаваемых и безвольно принимаемых индивидом образов и символов. У человека «могут быть сформированы представления, не соответствующие действительности... побуждения к действию без оценки их мотивации и цели» [6. — С. 57].

Поэтому для создания подлинно демократической концепции Ю. Хабермас стремился создать подход к коммуникации как диалогу между равноправными, но индивидуально воспринимающими действительность и испытывающими различные ценностные предпочтения, участниками. Ю. Хабермас использует методологию «критически ориентированных» наук, преследующих интерес эмансипации общества. Для раскрытия убеждений самих граждан служит герменевтико-феноменологический подход, разработанный Э. Гуссерлем, Х.-Г. Гадамером. В противоположность системно-функциональному подходу он направлен на понимание собственных взглядов и предпочтений граждан, сообщению которых служит

коммуникация, потенциально составляющих мнение общественности.

Центральным для феноменологии является понятие «жизненного мира». Э. Гуссерль определяет «жизненный мир» как совокупность не объективно заданных, а субъективных, непосредственных представлений самих людей о себе и окружающем мире, норм и ценностей, религиозных представлений, всегда изначально заданных в жизненном опыте. Именно через восприятие этих идеалов, ценностей человек определенным образом интерпретирует действительность. Эти представления не зависят от «каких бы то ни было научных... констатаций» [3. — С. 176].

Это определяет исследование политической коммуникации, в которой ученый интерпретирует субъективные смыслы «жизненного мира», которые сообщаются участниками диалога в стремлении достичь друг с другом взаимопонимание. Следовательно, именно в прояснении «жизненного мира» разных социальных групп достигается понимание точек зрения, при проведении рационального диалога составляющих общественное мнение.

3. Проблема «технизации» жизненного мира

Одной из главных проблем современных постиндустриальных обществ Ю. Хабермас считает возможную опасность «технизации» жизненного мира. Она связана с чрезмерным распространением в обществе инструментальной рациональности, подчинением ее принципам всех областей человеческой деятельности в обществе, с позиций «ценности калькуляции технического характера» [13. — С. 215]. По форме такая рациональность определяется развитием позитивизма, утверждается в точно-научном планировании своей деятельности и регулировании деятельности подчиненных. По содержанию она происходит из «протестантской этики»: действия направ-

Значение концепции делиберативной демократии

Ю. Хабермаса для теории политической коммуникации

лены на достижение собственного интереса, регулируются принципами успешности и эффективности. Но еще М. Вебер выделяет ее негативные стороны: технико-инструментальное регулирование жизни не дает выразиться, предполагая их несущественными, глубоким культурным и религиозным, ценностно-нормативным представлениям людей о жизни.

Главные критерии инструментальной рациональности — эффективность и целедостижение. Инструментальная рациональность основана на эмпирическом познании действительности, успешно утверждаясь за счет технического, информированного обладания окружающим миром и приспособления к его внешним условиям¹. Так, инструментальное или стратегическое действие, с точки зрения Ю. Хабермаса, направлено исключительно на достижение собственной цели, «оказывая... влияние на понимание ситуации

¹ С нашей точки зрения, характерным примером такого индивида, сформированного протестантской этикой, действующего в связи с критериями успешности, эффективности, деятельность которого в целом обусловлена «инструментальной рациональностью», является «модульный человек», представленный и концептуализированный Эрнстом Геллнером. Так, в противоположность традиционному укладу общества, поддержке современного, информационного типа общества, с точки зрения Э. Геллнера, служит стандартизация языка, ограничение смысловых различий и условностей. А средством для стандартизации языка также служит единая кодифицированная культура: «...в новом мире, где царит модульный человек... не приветствуются никакие групповые, частные или местные смысловые или синтаксические условности, сужающие возможности передачи сообщений независимо от адресата и обстоятельств. Концепции не должны быть локальными. Необходима их стандартизация, чтобы они имели хождение в масштабах всего общества» [2. — С. 125].

их соперником... его решения и мотивы» [12 — С. 199].

В феноменологии анализировался смысл сообщаемого, укорененный в сознании участников обсуждения. Напротив, представитель системно-функционального, «управленческого» подхода Н. Луман утверждает, что смысл является функциональным продуктом системных операций, использующих и определяющих его, не существует идеального, изначального смысла, существующему в человеческой культуре [8. — С. 46]. Также, что при современном развитии систем обществ требуется подчинение жизненного мира логике кибернетического кодирования, «техника принимает форму автоматизации при переработке информации, оперирования идеальными единицами, исключая из сознания их более широкий смысл» [7. — С. 112]. Н. Луман приходит к техническому управлению обществом, работающем только при сокращении области «вероятности, которая характеризует человеческую ситуацию» [1. — С. 184].

Постепенно это приводит к «овеществлению коммуникативной практики повседневной жизни» [20. — Р. 386]. Нарушение жизненного мира происходит при технической легитимации власти, основанной на системном программировании и эмоциональном внушении человеку новых смыслов. В результате происходит отчуждение человека от своей природы и «нарушение коллективной идентичности в обществе» [20. — Р. 386].

Вместе с тем в обществе важны не только уровень государственного аппарата, но и гражданского общества, не только технократический механизм управления, но и непосредственный «жизненный мир» общества в многообразии проявлений, не только точный научный анализ экспертов, ориентированный на эффективность, но и разные глубокие культурные смыслы, только в связи с которыми совершается деятельность людей.

Следовательно, в отличие от «ограниченного» системного подхода, Ю. Ха-

бермас разрабатывает теорию коммуникативного действия, представляющую собой «двухуровневую концепцию общества, которая соединяет парадигмы „жизненного мира“ и „системы“» [19. — Р. 45]. Поэтому он преследует цель одновременно более правдивого отображения общества и возможности выявления кризисных явлений современности.

Говоря о «системно-функциональной» составляющей своей теории, Ю. Хабермас критикует рационально-бюрократическую природу современных государств. Бюрократия осуществляет управление в связи с инструментальной рациональностью. Это ставит под угрозу существование демократии, свободы и равенства граждан. Вне критики подсистемы административной технократической власти становятся «саморефрентными» — самоописывающимися, аутопойэтическими — самовоспроизводящимися системой без влияния окружающего мира, неподвластными мнению обществу.

Так как государственный аппарат, в соответствии с точно-научной методологией управления обществом, ставит своей задачей техническое преобразование действительности, он более не нуждается во взаимопонимании «действующих субъектов, которые практически хотят овладеть своими общественными отношениями» [9. — С. 8]. Вследствие этого для поддержания существующего порядка и решения организационно-управленческих задач, и человеческая деятельность становится предметом рационального управления, как «материал... люди, подобно природным объектам, принуждаются к исчисляемому поведению» [9. — С. 6]. Поэтому Ю. Хабермас стремится противопоставить свою теорию коммуникативного действия процессу, когда, в применении инструментального действия государственным аппаратом, руководствующимся позитивистской логикой, происходит техническое нарушение жизненного мира, «коммуникативно

структурированные сферы жизни субординируются императивами независимых, формально организованных систем действия» [19. — Р. 45].

Решение проблем теории политической коммуникации Ю. Хабермасом в концепции делиберативной демократии

Теперь рассмотрим подробнее, каким образом именно концепция делиберативной демократии решает выявленные ранее политико-коммуникативные проблемы.

Ю. Хабермас пишет о необходимом сохранении, рационализации структур жизненного мира, основой которого является взаимопонимание. Средством этого является коммуникативная рациональность, она утверждается не за счет эффективности, эмпирического познания, а взаимопонимания, консенсуса и согласованности между людьми. В коммуникативном действии акторы преследуют достижение цели, но при взаимном согласии, равенстве, взаимопонимании, стремлении принять точку зрения другого, существовании некоторой договоренности, только при которой акторы могут преследовать те или иные цели. Они определяются при прояснении и восприятии, в ходе обсуждения, не только личного, но ставшего после обмена точками зрения общего, интерсубъективного смысла действия. При этом консенсус обогащается восприятием индивидуальных точек зрения, не определяется окончательно, а может быть изменен и пересмотрен.

Проводником коммуникативной рациональности становится «публичная сфера», определяемая Ю. Хабермасом как сфера социума, в которой происходит формирование общественного мнения и «процесс коммуникативного производства легитимной власти» [17. — С. 203], возможно решение общественно значимых задач.

Ю. Хабермас, основываясь на идеях Ч. Р. Милса, определяет критерии фор-

Значение концепции делиберативной демократии

Ю. Хабермаса для теории политической коммуникации

мирования независимого рационального общественного мнения:

1. В общественности число выражающих свою точку зрения «вовне» совпадает с «принимающими» информацию. Коммуникация строится по принципу диалога, потенциально каждый может выразить свое мнение и выслушать другого, повестка дня не определяется «лидерами общественного мнения» через СМИ, транслирующими информацию публике.

2. Политические коммуникации общественности организованы так, что есть возможность немедленно и результативно ответить на любую точку зрения, выраженную публично.

3. Общественное мнение, на основах рациональности, аргументированности сформированное подобной дискуссией, находит выход в результативном, рациональном, позитивном действии, даже если противоречит с принципами, установленными «господствующей системой властных отношений» [18. — Р. 249].

4. Власть не оказывает давления на общественность, которая более или менее независима в проведении дискуссии.

Ю. Хабермас разрабатывает определенные принципы обсуждения, служащие основой «модели идеальной речевой ситуации». Благодаря этим принципам возможно достижение подлинного, не навязанного внешне консенсуса:

1. Все потенциальные участники обладают правом начать дискурс по проблемным общественным вопросам и продолжить его. 2. Они обладают равными возможностями представить свои точки зрения, обосновать их или опровергнуть другие. 3. Они правдивы в отношении своего «внутреннего мира», «своих установок, чувств и намерений» [9. — С. 92]. 4. На точки зрения, дискурс не влияют «внешние принуждения»: положение, влияние граждан, учитывается значение аргумента.

В коммуникации устанавливается взаимопонимание между людьми с разными картинками мира, «равное уважение к каждому распространяется не на себе подоб-

ных, но на личность... других в их инаковости» [11. — С. 48]. Взаимопонимание достигается не через внешнюю к индивидам, принудительную системную интеграцию, а непосредственную, межличностную, общесоциальную коммуникацию. Сохранение взаимопонимания обеспечивает самоорганизацию гражданского общества, что служит также поддержанию демократического режима. Поэтому социальное взаимодействие по принципам коммуникативного действия позволяет гражданам ориентироваться на соглашение, консенсус друг с другом, в ходе аргументации совместно обосновывать дальнейшее направление развития политики.

Но, в противоположность радикальным мыслителям¹, Ю. Хабермас не отрицает значения представительной власти, «только политическая система может „действовать“» [16. — Р. 300]. Проекты власти должны быть опосредованы обсуждением общественности: «коммуникативные структуры публичной сферы формируют... сеть воспринимающих элементов, которые реагируют на давление общественно-распространенных проблем и стимулируют влиятельные мнения» [16. — Р. 300]. Универсальный, рационализированный политический дискурс способен вовлечь все заинтересованные стороны, подчиняется силе аргументации, а не экономическому, политическому принуждению. Политическая коммуникация происходит не из единого источника в административной власти, а формируется в рамках обсуждений в гражданском обществе. Универсальность, рациональность обсуждения обеспечивают не утверждение личных интересов властных групп, а понимание Общего блага социума, его достижение.

В результате можно отметить, что концепция делиберативной демократии об-

¹ К ним можно отнести Ж.-Ж. Руссо, «утопических» социалистов, марксистский — коммунистический подход к демократии и др.

ладает следующим значением в теории политической коммуникации:

1. Концепция стремится преодолеть технократическое нарушение «жизненно-го мира», связующего различные сферы жизни общества и воспроизводящегося посредством коммуникативного действия. Для этого требуется преодоление техницизирующих императивов инструментального действия государственно-административной и экономической подсистем.

2. Рациональные принципы коммуникации, «идеальной речевой ситуации» служат созданию субъект-субъектного диалога, сохранению взаимопонимания, прояснению собственных точек зрения между людьми.

3. Императивы власти и логика рынка сдерживаются, когда учитывается рациональное общественное мнение, консенсус, установленный в диалоге.

4. Таким образом, преодолевается принудительная «технизация» жизненного мира, а сферы общественной жизни, воспроизводящиеся за счет коммуникативного действия, сохраняют свою независимость.

5. Кризис демократического режима может быть разрешен при организации политической коммуникации по установленным Ю. Хабермасом принципам, организацией независимой «публичной сферы».

Литература

1. *Винер Н.* Человеческое использование человеческих существ: кибернетика и общество // Винер Н. Человек управляющий. — СПб, 2001. — С. 3–196.
2. *Геллнер Э.* Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. — М.: Московская школа политических исследований, 2004. — 240 с.
3. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию. — СПб: Наука, 2013. — 494 с.
4. *Гуторов В. А.* Политические коммуникации и СМИ как факторы эволюции теории демократии // SCHOLA- 2014: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. — М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. — С. 334–345.
5. *Дзоло Д.* Демократия и сложность. Реалистический подход. — М.: Издательский дом Государственного Университета — Высшей Школы Экономики, 2010. — 320 с.
6. *Евгеньева Т. В., Селезнёва А. В.* Психология массовой политической коммуникации: Учебное пособие. — М.: Издательство Московского университета, 2013. — 304 с.
7. *Луман Н.* Власть. — М.: Праксис, 2001. — 256 с.
8. *Луман Н.* Общество как социальная система. М: Издательство «Логос», 2004. — 232 с.
9. От критической теории к теории коммуникативного действия. Эволюция взглядов Ю. Хабермаса. Тексты (сост.: Алхасова А. Я.) Ульяновск: УлГТУ, 2001. — 150 с.
10. *Тимофеева Л. Н.* Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Полис. — 2009. — № 5. — С. 41–54.
11. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. — СПб: Наука, 2001. — 417 с.
12. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. — СПб: Наука, 2000. — 480 с.
13. *Хелд Д.* Модели демократии. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. — 544 с.
14. *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия // Шумпетер [сайт]. 2007. — URL: <http://www.schumpeter.ru/reading.php?book=kapital&id=21#4> (дата обращения 09.07.2016).

Значение концепции делиберативной демократии

Ю. Хабермаса для теории политической коммуникации

15. *Fishkin J., Luskin R.* Experimenting with a Democratic Ideal: Deliberative Polling and Public Opinion // *Acta Politica*. — Stanford, 2005. — P. 284–298.
16. *Habermas J.* Between facts and norms: contributions to a discourse theory of law and democracy. Massachusetts Institute of Technology, 1996. — 631 p.
17. *Habermas J.* Die Moderne — ein unvollendetes Projekt: Philosophisch-politische Aufsätze 1977–1990. — Leipzig: Reclam Verlag, 1990. — 254 s.
18. *Habermas J.* The structural transformation of the public sphere. An inquiry into a category of bourgeois society. — Massachusetts, 1991. — 301 p.
19. *Habermas J.* The theory of communicative action. Vl. 1, Boston, Beacon Press. 1985. — 562 p.
20. *Habermas J.* The theory of communicative action. Vl. 2, Boston, Beacon Press. 1985. — 457 p.

Теория модернизации: обзор основной литературы

Аннотация

Сегодня трудно представить Европу без прав и свобод человека, развитой выборной системы и существования демократического государства. Тем не менее сам термин «демократия» и по сей день имеет множество коннотаций и притягивает дискуссии. Процесс перехода от автократического режима к демократическому, демократизацию изучают с помощью различных подходов. В этой статье автор рассматривает литературу зарубежных политологов — основоположников теории модернизации, одного из самых исследуемых и одновременно спорных вопросов в политической науке.

Ключевые слова: демократизация, теория модернизации, уровень экономического развития, демократический политический режим.

Автор

Матиешина Антонина Александровна

Студентка
факультета политологии
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Чтобы проследить, насколько важной является теория модернизации в исследовании процесса демократизации¹, автор предлагает рассмотреть истоки появления и определить ключевые аспекты современной теории. Понятие модернизации обычно определяют как постепенное движение от одной стадии развития общества к более высокой.

¹ Под демократизацией автор понимает теорию в политической науке, которая определяет процесс трансформации (превращения) от авторитарного режима к демократическому. Теория описывает динамичный процесс изменения под влиянием нескольких факторов и политических игроков на протяжении определенного периода времени с момента начала трансформации до установления демократического режима.

В политической науке появление этого термина относят к работам Макса Вебера. Он обозначил модернизацию как превращение одного политического режима или системы в другой режим или систему. В изучении процесса демократизации эта теория однако впервые появляется в работах Мартина Липсета [6.]. В своей важнейшей работе Липсет пытается определить «некоторые социальные предпосылки демократии», несколько основных факторов, которые могут сохранить и укрепить демократический политический режим. Его теория основана на убеждении в том, что экономическое развитие и законность — это основные факторы, обеспечивающие стабильность и процветание демократии.

Интересно, как Липсет определяет факторы, составляющие уровень экономического развития. Наряду с уровнем до-

Теория модернизации: обзор основной литературы

хода в обществе он включает некоторые составляющие социальной структуры, такие как уровень образования и принадлежность к одной из религий. Он также выбирает для анализа довольно странные переменные¹, которые вряд ли внесут большой вклад в исследование и, скорее, запутают его. Кроме того, вызывает ряд вопросов то, что Липсет рассматривает англоговорящие страны и Европу и государства Латинской Америки с помощью различных категорий², а некоторые страны³ вообще выпадают из анализа, так как он не относит их ни к одной из категорий.

Вклад Липсета очевиден, так как он заложил основы теории модернизации, однако, когда Липсет пытался понять природу демократического государства, он не стал различать между социологическими, культурными, экономическими факторами и политической структурой общества. Эти аспекты, бесспорно, играют важную роль в процессе демократизации, но сейчас уже несколько различных теорий фокусируются на одном из них, что делает исследования более логичными и структурированными.

Дальнейшие исследования

Большой вклад в исследование демократизации и модернизационной теории внес Самуэль Хантингтон.

¹ Например, количество газетных копий на тысячу человек и др.

² Липсет относит страны к различным категориям: Стабильные демократии/Нестабильные демократии и диктаторские режимы для англоговорящих стран и стран Европы; Демократии и Нестабильные диктаторские режимы / Стабильные диктаторские режимы для государств Латинской Америки.

³ Например, нацистская Германия. Таким образом, сложно проследить развитие этой страны в историческом и экономическом плане, а теория становится уязвимой, так как ее невозможно применить к любому государству.

В статье 1980 г. он рассматривает предыдущие исследования 1950–1960-х гг. и самостоятельно определяет процесс демократизации. Прежде всего Хантингтон подчеркивает значение демократии: «Процветание или упадок демократии имеют важнейшее значение для других социальных ценностей, таких как: экономическое развитие общества, социально-экономическое равенство, политическая стабильность, социальная справедливость и национальная независимость» [5. — С. 94].

Хантингтон проводит разграничение между предпосылками демократии в обществе и факторами, влияющими на процесс демократизации. Автор фокусирует внимание на первом подходе, так как уровень экономического развития, который находится в центре внимания статьи, относится к факторам, запускающим процесс появления нового демократического режима. Вслед за Липсетом Хантингтон признает влияние уровня экономического развития на возможность государства установить демократический политический режим. Чем выше экономический рост, тем выше уровень грамотности и образования населения. Эти факторы составляют важнейшие и необходимые характеристики демократического общества, а такое общество не может управляться с помощью авторитарных правителей. Кроме того, экономический рост создает больше шансов для установления равных возможностей для населения и появления среднего класса. Эти условия необходимы для установления системы, при которой будут удовлетворены желания большинства.

Тем не менее Хантингтон отмечает, что экономический рост вызывает лишь движение общества к «переходной ступени», где у государства есть равные возможности как начать процесс демократизации, так и сохранить авторитарный политический режим. «Бедность — важнейшая проблема для установления демократического режима» [4. — С. 31], но и богатство не может его гарантировать. По мнению Хан-

тингтона, демократизация возможна при расширении прав на политическое участие, смягчении карательных мер и четком понимании направления движения политической элитой (фактор «политическое лидерство»). Таким образом, наряду с экономическим необходимо учитывать культурное и историческое развитие государства.

Более современное исследование связи между уровнем экономического развития и процессом демократизации в 1997 г. провели Адам Пшеворский и Фернандо Лимонджи. Основным методом исследования является метод кейсов («case study»). Ученые изучили 224 политических режима по всему миру с 1950 по 1990 г. Данные демонстрируют взаимозависимость между уровнем дохода на душу населения и вероятностью государства стать демократическим. По мнению Пшеворского и Лимонджи, «трансформация наиболее вероятна тогда, когда авторитарные режимы достигают более высокого уровня экономического развития» [8. — С. 159], так как доход на душу населения является достаточным условием для накопления демократических ценностей и увеличения уровня образования в обществе. Но по результатам исследования лишь несколько стран удовлетворяют условиям и подтверждают эту гипотезу.

Далее Пшеворский и Лимонджи доказывают, что процесс изменения режима на демократический возможен только до момента достижения авторитарным государством дохода на душу населения в размере шести тысяч американских долларов, так как по достижении такого высокого уровня экономического достатка государство стремится сохранить существующий режим. Например, диктаторский режим становится более стабильным и тяжелее поддается изменениям.

В ответ на статью Лимонджи и Пшеворского в 2003 г. выходит статья Боикс и Стокс, где ученые оспаривают их теоретические взгляды и результаты эмпирического исследования. Боикс и Стокс

доказывают, что экономический фактор выступает не только в качестве внутреннего, но и внешнего катализатора установления демократии, то есть экономический рост поддерживает уровень развития общества при демократическом режиме и увеличивает возможности для демократизации для политической элиты при авторитарном режиме.

Боикс и Стокс исследуют те же данные, что и Пшеворский и Лимонджи, но используют другой метод их анализа. Например, ученые рассматривают данные об уровне дохода населения за год и типы политического режима в 135 государствах мира с 1950 по 1990 г. Используя пробит-модель анализа данных, Боикс и Стокс доказывают, что и вероятность падения демократического режима, и стабильность авторитарного режима будут падать вместе с увеличением дохода на душу населения. Таким образом, одни и те же данные дали различные результаты в зависимости от их интерпретации. В конце статьи Боикс и Стокс вновь подтверждают свою гипотезу о том, что экономическое развитие приводит к демократии и укрепляет ее. А также Боикс высказывает предположение о сущности таких изменений. По мнению автора, «не увеличение дохода, а равенство дохода среди населения приводит к установлению и сохранению демократии» [2. — С. 544].

Контраргумент

Своеобразный пересмотр теории модернизации представляет из себя работа политолога Зехры Арат. Она признает большое значение теории как методологической концепции изучения общества, так как она показывает структурные характеристики его развития, но спорит с последователями этой теории о значении ее теоретического вклада в исследование процесса демократизации. В своей статье Арат резюмирует работы Липсета и других исследователей и отмечает, что главный тезис теории был

Теория модернизации: обзор основной литературы

недостаточно проанализирован, а теория не объясняет политическое развитие во всех государствах, в частности менее экономически развитых.

В своем исследовании она предлагает изучить взаимосвязь между уровнем экономического развития и политическим режимом с помощью поиска линейной и криволинейной зависимости. Арат увеличивает количество исследуемых стран и сравнивает их экономическое развитие в определенный момент времени с данными, полученными на протяжении длительного времени. Кроме того, Арат добавляет новые характеристики в переменную, измеряющую уровень демократии в государстве. Возможность политического участия, состязательность и гражданские свободы точнее передают уровень развития демократии и упрощают процесс оптимизации данных. Потребление энергии на душу населения выступает основной характеристикой социально-экономического развития страны.

По результатам исследования Арат не удалось найти устойчивую связь между увеличением количества демократий с ростом уровня экономического развития в этих странах, что противоречит теории модернизации. «Из 120 государств только в 8 (даже при условии, что все они являются развивающимися) наблюдается рост уровня демократизации» [1. — С. 30]. Таким образом, заключает Арат, социально-экономическое развитие является «необходимым, но не достаточным условием» для установления демократии.

Итоги и поле для дискуссий

Автору удалось проанализировать основные зарубежные статьи по теории модернизации, выделить плюсы и недостатки предыдущих исследований и выявить спорные вопросы для дискуссии. Считается, что Липсет был одним из первых исследователей, который ввел понятие модернизации в политическую науку. Он разработал основные ха-

рактеристики социально-экономического развития для установления демократии и обозначил важнейшие аспекты демократического общества, такие как: индустриализация, образование, урбанизация и наличие среднего класса. Его теория модернизации, скорее, соответствует теории модернизации общества и символизирует постепенные изменения в обществе, то есть движение от низшей стадии к более высокой. Последующие исследователи признали достижения Липсета, увеличили объем исследуемых данных, ввели новые переменные и характеристики. Теория модернизации является одной из наиболее спорных и исследуемых тем в политической науке, но сохраняет множество нерешенных вопросов.

Одним из таких вопросов можно считать огромное количество исключений из основной теории. К примеру, страны-нефтеэкспортеры, которые традиционно сохраняют авторитарный режим правления. В настоящее время существует множество политических исследований, изучающих взаимосвязь между наличием в государстве большого количества нефти и его политическим режимом.

Еще одним исключением является успешное развитие Китайской Народной Республики (КНР). В наши дни Китай является одной из самых крупных и быстро развивающихся держав во всем мире. Тем не менее Китай остается недемократическим с величиной ВВП 11 199.15 триллиона американских долларов в 2016 г. [11].

Другая проблема, по мнению автора, состоит в том, что ни один из исследователей не использует уровень распределения благ в обществе, то есть доступ населения к достижениям экономического роста как основной элемент анализа. Многие политологи фокусируют внимание лишь на общем уровне экономического благосостояния страны, который не показывает реального положения дел в обществе.

Кроме того, следующим этапом дискуссии может быть проблема интерпре-

Тема номера: «Научные исследования молодых политологов»

тации полученных данных в политологической науке. Часто одни и те же данные могут быть представлены по-разному, что приводит к смысловым ошибкам и вызывает споры. Многие термины сложны в понимании, их трудно оптимизировать и проверить с помощью эмпирических

исследований. Поэтому очень важно использовать достоверную информацию и точно определять переменные, а также проверять результаты с помощью контрольных переменных.

Литература

1. Arat, F. Arat, Democracy and Economic Development: Modernization Theory Revisited, in Comparative Politics, Ph. D. Programs in Political Science, City University of New York, Vol. 21. — № 1 (Oct. 1988). — P. 21–36.
2. Boix, Carles and Stokes, Susan C, Endogenous Democratization, in World Politics, Vol. 55. — № 4 (Jul. 2003). — P. 517–549.
3. Haggard, Stephan and Kaufmann, Robert R., The Political Economy of Democratic Transitions, in Comparative Politics, Vol. 29. — № 3, Transitions to Democracy: A special Issue in Memory of Dankwart A. Rostow (Apr. 1997). — P. 263–283.
4. Huntington Samuel P., The third wave: Democratization in the late twentieth century, University of Oklahoma Press, 1991.
5. Huntington Samuel P., Will more countries become democratic?, in Political Science Quarterly, Vol. 99. — № 2 (summer. 1984). — P. 193–218.
6. Lipset, Seymour Martin, Some Social Requisites of Democracy. Economic Development and Political Legitimacy, in American Political Science Review, Vol. 53. — № 1 (Mar. 1959). — P. 69–105.
7. Pengl Yannick, Strong Theories, weak Evidence. The Effect of Economic Inequality on Democratization, in Living reviews in Democracy, November 2013. — P. 1–15.
8. Przeworski Adam, Limongi Fernando. — Modernization: Theories and Facts, in World Politics, Vol. 49. — № 2 (Jan. 1997). — P. 155–183.
9. Ross, Michael L., Does Oil Hinder Democracy?, in World Politics, Vol. 53. — № 3 (Apr. 2001). — P. 325–361.
10. Wucherpfening Julian, Deutsch Franziska, Modernization and Democracy: Theories and Evidence Revisited, in Living reviews in Democracy, September 2009. — P. 1–9.
11. Trading economics [сайт]. — URL: <https://tradingeconomics.com/china/gdp>.

История возникновения российских монстраций

Аннотация

Статья посвящена анализу событийного ряда российских монстраций, являющихся современными городскими уличными акциями. Основное внимание в работе автор акцентирует на происхождении феномена «монстрация», который еще не так хорошо изучен научным сообществом. Но стоит отметить, что с каждым годом популярность данного феномена среди молодежи растет, поэтому он является главным объектом статьи.

Ключевые слова: монстрация, перформанс, протест, новые левые, хэппенинг.

Автор

Матюсова Анастасия Игоревна

Бакалавр кафедры социологии
и психологии политики факультета политологии
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Чтобы понять, что представляет собой феномен «монстрация», необходимо рассмотреть формы современного искусства, которые являются прообразом ее появления. В первую очередь, это касается перформанса. Как направление искусства он возник в 60-х гг. XX в. Как пишет Ю. Гниренко: «Появление перформанса оказалось „идеальным преступлением“ — так как действиями, производимыми в ходе сотворения перформанса, художник расшатывает систему искусства, сам, изнутри» [1].

Надо сказать, что в России перформанс появился гораздо позже, чем на Западе, а его определения в русских словарях стали приводить лишь после 1991 г. Но они вовсе не отражали какие-либо особенности русского перформанса. Изначально появившись как маргинальное явление, он настолько расширился, что перестал считаться каким-либо экспериментом в искусстве, а приобрел собственную форму.

Перформанс считался частью акционизма, последний из которых представ-

ляет собой «неизобразительное, художественное процессуальное творчество, а не направление, вид или жанр искусства... акционизм локально разделял понятия перформансов и хэппенингов, например, „Венский акционизм“ — некое место, где проходили и проходят перформансы, хэппенинги, устраивают инвайроменты, демонстрируют видео-арт» [1].

Считается, что первое упоминание о перформансе относится к производству-действию музыканта Дж. Кейджа, который на сцене исполнил «3,33 минуты тишины».

Перформанс также появился вслед за нью-йоркскими хэппенингами конца 1950-х гг., в то время как художники стали придумывать театральные контексты для своих произведений, чтобы был достигнут нужный контакт с публикой. «В 60-х гг. представляет собой разыгранное перед аудиторией действие, в котором в качестве скульптурного элемента используется человеческое тело. В 70-е гг.

Произведение-действие Дж. Кейджа можно посмотреть и послушать по данной ссылке:
<https://www.youtube.com/watch?v=f0BitKLkTDM>

под влиянием массовой культуры художники переносят действие из галерей в театры. В настоящее время границы между перформансом и другими видами театральных представлений размыты, и все они определяются широким термином „искусство действия“» [6 — С. 411].

Что касается хэппенинга, то первым его устроил американский художник Аллан Капроу (1927–2006).

В целом можно сказать, что перформанс появился как альтернатива тогда существовавшему искусству, в основном футуризму и авангарду.

Если мы будем говорить об истоках непосредственно политического перформанса, то стоит упомянуть о левом движении в Европе, которое возникает одновременно с появлением первых нот перформанса в 1960-х гг. В основном это была молодежь, которая не хотела принимать существующий порядок дел, массовую культуру, которая не вдохновляла, а делала общество бездуховным. Это движение включало в себя и экологическое социальное движение по защите окружающей среды (зеленые).

Так называемые «новые левые» вызвали бурное появление и других движений: феминизм, хиппи. Последнее представляло собой появление субкультуры, которую С. И. Левикова понимает, как «культуру, создаваемую самими молодыми людьми для себя с целью самореализации, самоидентификации, выработки социальных ролей и наработки статуса. Никаких коммерческих целей молодежная субкультура не преследует, более того, она не стремится себя афишировать» [3]. А под термином «неформальные молодежные объединения» она понимает «группы (объединения), которые образуются независимо от желаний и намерений взрослых и являются результатом соответствующих действий самих молодых людей» [3]. По ее словам, появлению таких молодежных субкультур способствовали открытые и динамично развивающиеся общества, т. к. в традиционных обществах развитие шло медленно, где молодежь воспринимала и воспроизводила в основном опыт старших поколений, не имея никакой возможности мыслить альтернативным образом [3].

История возникновения
российских монстраций

«Лента Стёбиуса», 20 ноября 1995 г., Новосибирск.

Источник фото: <http://beryazev.livejournal.com/91206.html>

Необходимо отметить, что еще одним прообразом появления современных «монстраций» стали левые радикальные выступления студентов во Франции в 1968 г., которые проходили в форме демонстраций и массовых беспорядков. В таких акциях участвовало почти 10 млн человек. Студенты выкрикивали лозунги: «Запрещать запрещено», «Пришел. Увидел. Поверил», «Счастье — это новая идея», «Поэзия на улицах» и др. [7]. Участники данного события считали себя «новыми левыми».

Политический перформанс в СССР развивался немного в другом ключе. Здесь в рамках социально-политической ситуации сформировалось «неофициальное искусство», в рамках которого развивался изначально перформанс [1]. Его отечественный генезис традиционно делится на два этапа:

1) Перфомативные акты [1], которые еще трудно назвать по своей сути перформансом, но развивались в рамках концептуализма. Сюда можно отнести такие группы, как «Коллективные действия» (КД), «Мухоморы», «Чемпионы мира», «Гнездо», чьи выступления не носили

очень экспрессивный характер, использовали минимум художественных средств, от того такой перформанс можно назвать минималистическим.

2) «Провокативный» перформанс [1], главной особенностью которого являлась вседозволенность и провокативность, которая распространялась в 1990-х гг. Здесь можно вспомнить художников: А. Бренера, А. Осмоловского, О. Кулика, А. Тер Оганьяна.

В современной России можно выделить следующие наиболее известные перформансы: Олег Мавроматти, Пётр Павленский, арт-группа «Бомбилы», арт-группа «Война», акции Антона Глотова.

Что касается непосредственно монстраций, а не их прообразов, то нельзя не сказать, что идейным вдохновителем такого мероприятия выступил художник Артём Лоскутов, хотя само название «монстрация» предложил другой художник — Илья Дыркин [2]. Он убрал приставку «де», которая, по его мнению, несла негативный смысл. А само слово «монстрация» (*monstatio*) с латинского языка переводится как «показывание».

Рисунок 1. Плакат «Здесь вам не Москва!» на монстрации 2016 г. в Новосибирске. Источник фото: группа Монстрация ВК https://vk.com/monstration_nsk

Прообразом монстрации в том виде, в котором она существует сейчас, можно считать мероприятие под названием «Лента Стёбиуса» [4], которое прошло 20 ноября 1995 г. в Новосибирске. Тогда местные художники прошли по центральной улице города с плакатами, наполненными определенной долей абсурда. Данная акция была проведена ради веселья, а не ради пиар-акции, как утверждают ее организаторы [4].

Еще одним прообразом современной монстрации было шествие, организованное творческим объединением «СВОИ 2000» 1 мая 2000 г. в Москве. Около 200 молодых людей прошли в виде «хвоста» коммунистической демонстрации, наряженные в экстравагантные костюмы. Лозунги на плакатах были такие: «Норки нараспашку!», «Круто освоились» и др. Возможно, это был своего рода флеш-мобный протест по отношению к ежегодно проводимым традиционным коммунистическим митингам 1 мая. Люди просто устали от официальных форм и лозунгов и решили придумать альтернативу.

Организаторами же первой монстрации, состоявшейся в городе Новосибирске в 2004 г., стала арт-группа «САТ» [5] («Contemporary art terrorism»). Помимо А. Лоскутова, в нее входили И. Дыркин,

М. Нерода, Е. Дробышева и др. Тогда монстрация собрала около 80 человек. Но с каждым годом количество желающих принять участие только росло. В 2010 г. — около 2 тыс. человек, в 2011 г. — около 5 тыс., в 2012 г. — 6666 тыс., в 2013 г. — 3492 чел., в 2014 г. — около 4 тыс., в 2015 и 2016 гг. — около 1,5 тыс. [8]. Стоит отметить, что до 2009 г. монстранты шли вместе с участниками первомайской демонстрации, присоединяясь к ее хвосту. Это означало, с одной стороны, что местные власти не хотели придавать данному мероприятию большое значение, а значит, выделять под него отдельную колонну, а с другой стороны, возможно, местная элита просто боялась дать волю монстрантам, поскольку понимала, что это активная мобилизационная молодежь, которой могут манипулировать другие, например, оппозиционные силы. Но с увеличением числа участников монстрации, она превратилась в шествие в отдельной колонне.

Таким образом, данное культурное явление, или, по словам организаторов, хэппинг, стало настолько популярно, что из Сибири быстро распространилось не только на другие города Российской Федерации, но и за рубеж. Эта культурная эстафета была передана таким российским городам, как Москва, Санкт-Пе-

История возникновения
российских монстраций

Рисунок 2. Плакат «Будь, маразм!» на монстрации 2010 г. в Москве.

Источник фото: группа Монстрация ВК https://vk.com/monstration_nsk

тербург, Симферополь, Курск, Владивосток, Пермь, Ярославль, Омск, Красноярск и др. Среди зарубежных городов выделились Рига, Кишинев, Пекин, Паттайя.

Если провести анализ плакатов молодежи, представленных на монстрации 1 мая 2016 г. в городе Новосибирске, то самым главным из них был плакат с лозунгом «Здесь вам не Москва». Плакат, на первый взгляд, не имеет политического смысла, так как обозначает место действия — город Новосибирск, который действительно не Москва. Но если провести глубокий анализ, то можно предположить, что имеет место быть некий политический контекст. Москва является политическим, экономическим и финансовым центром, задает определенные тренды развития. Плакат же указывает о наличии возможного непонимания между жителями столицы и регионов, между федеральным центром и региональными элитами (см. рис. на стр. 90).

Наиболее крупными монстрациями из выше перечисленных можно также считать монстрации в Москве (30.04.2010) и Симферополе (1.05.2014).

В Москве, например, монстрация 2010 г. собрала около 100 человек. Это была первая монстрация, проведенная в столице. Проводилась она на набережной Тараса Шевченко. Содержание плака-

тов было таким: «Будь, маразм!», «Олени даже подумать не могут», «Ломай комедию!», «Осторожно, люди!», «Крокодил, крокодю и буду крокодить» и др. (см. рис. на стр. 91).

В Симферополе главным лозунгом монстрации 2014 г. был лозунг «Мы идем за вами!». Данный плакат символизировал события, которые происходили в Крыму на тот момент (присоединение Крыма к России). Это была антивоенная акция, которую местная молодежь решила провести в форме монстрации. Обычные городские жители не разобрались толком в главной цели монстрации, поэтому восприняли ее крайне негативно (см. рис. на стр. 93).

Рассмотрев источники появления феномена «монстрация», ему можно дать следующее определение. Монстрация — это городская уличная гражданская акция, ежегодно проводимая представителями молодого поколения, с помощью которой они пытаются самовыразиться, отстоять свою точку зрения сквозь призму искусства, но при этом, зачастую, прибегают к политическому контексту, который официально не приветствуется самими организаторами монстрации, которая всегда привлекает внимание властей, общественности, а также средств массовой

Рисунок 3. Плакат «Мы идем за вами» на монстрации 2014 г. в Симферополе.

Источник фото: группа Монстрация ВК https://vk.com/monstration_nsk

информации и помогает снять социальную напряженность в обществе

Подводя итог, можно сказать, что у такого мероприятия, как монстрация, довольно глубокие корни, которые начинаются еще в 60-х гг. XX в. Они связаны, прежде всего, с появлением перформанса, который выступил частью акционизма. Студенческие волнения во Франции в 1968 г. также выступили предтечей к появлению исследуемого хэппинга. Данные волнения привели к отставке фран-

цузского правительства и самого Шарля де Голля, т. е. к радикальным переменам во всем французском обществе. Пробразом монстрации в России стало мероприятие «Лента Стёбиуса», организованное в 1995 г. в Новосибирске, а сама монстрация, как таковая, появилась уже в 2004 г. в этом же городе. С тех пор она проводится каждый год, в то время как число ее участников, особенно молодежи, постоянно увеличивается.

Литература

1. Гниренко Ю. Перформанс как явление современного отечественного искусства. — URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1020016/Gnirenko_-_Performans_kak_yavlenie_sovremennogo_otechestvennogo_iskusstva.html. (дата обращения 10.06.2017).
2. Креатив с монстрацией — история одного протеста. — URL: <http://skurlatov.livejournal.com/4532224.html>. (дата обращения 01.07.17).
3. Левикова И. С. Молодежные субкультуры и объединения. — URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Levikova_Molodezhnie.pdf. (дата обращения 12.07.2017).
4. Лента Стёбиуса. 20 ноября 1995. Фото — за 15 лет до Монстрации! — URL: <http://beryazev.livejournal.com/91206.html>. (дата обращения 3.07.2017).
5. Этот безумный Труд. Май. — URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2014/05/02/59445-etot-bezumnyy-trud-may>. (дата обращения: 14.06.17).
6. Определение по: Шедевры искусства XX века. — М. 1997. — С. 411.
7. Сошников А. Е., Никитина А. С. Студенческие волнения во Франции в 1968 году: предпосылки, эскалация и итоги // История и археология. — 2015. — № 6. — URL: <http://history.snauka.ru/2015/06/2184>. (дата обращения: 02.07.2017).

История возникновения
российских монстраций

8. Статистическая информация взята из открытых источников:
9. URL: <https://meduza.io/feature/2016/05/01/zapreschenka-v-sibiri> (дата обращения: 14.06.17).
10. URL: <http://www.tver.kp.ru/daily/25876/2840253> (дата обращения: 14.06.17).
11. URL: <http://skurlatov.livejournal.com/4532224.html> (дата обращения: 14.06.17).

По ту сторону транзитологии: как объяснить демократизацию без пакта и «волн»

Аннотация

В статье дается обзор ряда теорий, объясняющих демократизацию вне парадигмы транзита. Основной акцент автора сосредоточен на гипотезе Липсета, трактуемой через призму социальных расколов. Теории Инглхарта, Олсона, Асемоглу и ряда других авторов рассматриваются как попытки скорректировать гипотезу Липсета до уровня работающей объяснительной модели.

Ключевые слова: демократизация, демократический транзит, гипотеза Липсета, неинституционализм, постиндустриальные ценности, политические режимы, политическая теория.

Автор

Петров Иван Игоревич

Студент
факультета политологии
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

«Транзитология — научная теория или идеологический конструкт?», — именно такой вопрос вынес В. А. Ачкасов в качестве заглавия одной из последних статей, посвященной безрадостным размышлениям о политической науке образца 1990-х гг. [5]. Мы же в этой статье попробуем зайти несколько с другой стороны и выяснить, наличествует ли научный потенциал у ряда смежных концепций, претендующих на объяснение процесса демократизации, но не прибегающих к основным положениям теории транзита — чередованию «волн» и «откатов», последовательности либерализация — демократизация — консолидация, моделям пакта переходного периода и публичных торгов между элитарными и оппозиционными фракциями [6, 23].

Основной посыл этих концепций мы могли бы описать как исследование вну-

тренних причин, заставляющих национальные государства ориентироваться либо на путь диктатуры, либо на путь демократии. Основную претензию — как претензию на обладание предсказательной силой, раскрывающейся в построении моделей, базирующихся на фиксированном наборе переменных и гипотез, группирующихся вокруг одной центральной переменной, отслеживая которую можно предсказывать и поведение модели в целом. Все это характеризует эти концепции как глубоко укорененные в рамках традиционной политической науки, что делает критическое изучение их объяснительных способностей довольно интересным.

Гипотеза Липсета

Большинство концепций, попавших на наше рассмотрение, можно охарактеризовать как базирующиеся на

По ту сторону транзитологии:

как объяснить демократизацию без пакта и «волн»

гипотезе, выдвинутой С. М. Липсетом более полвека назад и справедливо относимой к списку наиболее влиятельных идей, рожденных политической наукой [6, 7].

В своем буквальном, эмпирически верифицируемом смысле гипотеза Липсета утверждает, что существуют четыре переменные: секуляризация, урбанизация, уровень благосостояния и уровень образования, пропорциональное сочетание которых при их достаточной выраженности резко увеличивает вероятность успеха демократических преобразований, а в плане поиска — того, что выбранная страна окажется демократией. В несколько иной трактовке вышеперечисленные факторы рассматривают как основание для субкультуры среднего класса, рост удельного веса которой, как считается, ведет к прямо пропорциональному увеличению симпатий к народовластию, а также снижает конфликтность господствующей культуры [6].

Между тем подобной констатации, на наш взгляд, недостаточно для понимания теоретической сути рассматриваемой гипотезы. Здесь и далее мы будем утверждать, что, помимо вышеизложенной составляющей, гипотеза Липсета содержит в себе и еще одну, связанную с теорией социальных расколов, общие положения которой можно найти в совместных исследованиях Липсета и Стейна Роккана, а также и в самом классическом труде «Политический человек», где гипотеза Липсета и была представлена [15, 26]. В интересующем нас контексте данная теория может быть описана как возникновение демократии из конфликта, порожденного модернизационным сдвигом и сопутствующим ему общественным расколом. Представим, что мы имеем классический модернизационный сдвиг со сменой идентичностей и жизненных ориентаций, трансформацией ценностей и трудовых отношений, формированием значимых оппозиций (просвещение и традиционализм, бюргерско-крестьянский мир и рынок промышленного труда и т. д.) и, в конечном счете, с подрывом

влияния старых элит на фоне растущих показателей фрустрации и социальной мобильности. Теперь представим, что в открывшемся окне возможностей выбору в пользу демократии соответствует способность групп достаточной численности и влиятельности договориться об установлении компромиссного, то есть основанного на регулярных выборах и механизме сдержек-противовесов, правления, выбору же в пользу новой диктатуры — пассивное развитие событий по логике революция — реакция. В таком случае рациональные сторонники конфликтующих фракций будут стремиться к снятию угрозы, во-первых, их новым возможностям и сулимим ими выгодам, а во-вторых, им самим и их общественному положению, включающему в том числе и возможность конвертировать имеющееся богатство и привилегии в нечто более ценное в обществе нового образца. Очевидно, что, скорее всего, выбор в таком случае будет принят в пользу демократии.

Подтверждения подобному выводу мы можем получить, сославшись на две известные концепции в рамках теории общественного выбора, а именно на модель конституционного договора Дж. Бьюкене-на, которая доказывает, что конкретный торг, в нашем случае в форме регулярных и честных выборов, возможен лишь тогда, когда общество, то есть его представители, определяют относительно базовых конституционных основ, то есть конкретных благ, процедур и гарантий, в момент согласия вокруг которых переступается черта, за которой ценность формального порядка с компромиссной основой, то есть демократии, становится куда выше для игроков, нежели ценность одностороннего конфликтного доминирования, то есть диктатуры [13, 14]. Между тем существует и другая модель, модель коллективного действия М. Олсона, показывающая, что именно слаженных коллективных действий бывает добиться сложнее всего, что, логично, приводит к ситуации «теоремы заключенного», где

только осмысление неоднократных провалов как в плане упований на диктатуру, так в плане причин поражения демократических коалиций, способно сдвинуть прогресс с мертвой точки [18]. Дополнительные сложности этому придает необходимость признания правил игры «политического рынка» как минимум большей частью политических организаций (Э. Даунс), а также наличие «эффекта колеи», придающего единичному выбору в пользу диктатуры эффект правила [13, 14].

В конечном счете мы возвращаемся именно в ту точку, откуда и начали свой путь — к выраженности субкультуры среднего класса, делающей общество более подготовленным к ситуации выбора и подключающей чисто ментальный фактор к игре за демократию (и против диктатуры), а также к переменным, отвечающим как за наличие вышеупомянутой субкультуры, так и за вероятность того, что общество не попадет на крючок разрушительного популизма, мобилизующего элементы распадающейся традиции в рамках утопической или реакционной идеологии. Примером здесь может служить сравнение бывших советских республик со странами Ближнего Востока, где в обоих случаях демократическая волна разбилась о новые диктатуры, однако к куда более урбанизированным, секуляризованным и образованным северным странам, как и к их шансам на будущую демократизацию, судьба оказалась куда более благосклонной, чем к странам арабского мира, оказавшимся куда более уязвимыми к трайбалистским, фундаменталистским и антиинтеллектуальным течениям.

Впрочем, все вышесказанное открывает перед нами фундаментальную уязвимость гипотезы Липсета: во-первых, как мы только что увидели, на самом деле мы отнюдь не можем вести речь о том, что имеем теорию, прямо указывающую на переменные, измерив значения которых мы сможем предсказать примерные шансы страны на демократизацию

в определенном временном промежутке, более того, ключевая переменная (вероятность разрешения модернизационного конфликта в пользу демократического пути), как и переменная, способная стать ее заменой (влиятельность субкультуры среднего класса), являются в принципе неизмеримыми в рамках предлагаемой модели; во-вторых, проблема политической культуры, иллюстрацией чему служит приведенное выше сравнение стран СНГ и Ближнего Востока, в модели, выводимой на базе гипотезы Липсета, практически не учитывается; в-третьих, то, что многими принимается за сильнейший аргумент в пользу гипотезы Липсета, — практическое отсутствие диктатур в списке богатых стран, ровно как и в списке стран, оказавшихся способными к экономическому росту в долгосрочной перспективе, — является, на самом деле, аргументом против адекватности гипотезы, не видящей сущностной связи между демократией и экономическим ростом в плане ином, нежели считать стабильный экономический рост атрибутом демократии или четырех переменных, ее поддерживающих. Далее мы постараемся рассмотреть модели, призванные устранить эти фундаментальные недостатки.

Пересматривая гипотезу Липсета: модернизационный конфликт и налоги

Теоретические модели, направленные на измерение и предсказание исхода модернизационного конфликта, могут быть охарактеризованы как прямые наследники гипотезы Липсета, свернувшие однако на путь сведения расплывчатой сложности своей предшественницы к простой и интуитивно понятной теме — налогообложению.

Согласно основной гипотезе, восходящей к М. Олсону, увеличение налогообложения должно рассматриваться как потребность, заставляющая государство наступать на права элит, а граждан — требовать подконтрольности бюджета его из-

По ту сторону транзитологии:

как объяснить демократизацию без пакта и «волн»

бренным представителем. Прежде демократизации, таким образом, на повестку дня становится представительное правление как площадка, в рамках которой олигархические структуры первых могли бы встретиться с эгалитарными требованиями последних во имя совместного оппонирования стремительно растущим амбициям государственного аппарата.

Что же заставляет элиты предпочесть союз с гражданами союзу с государством или игре на понижение его дееспособности в пользу своих узких интересов? Олсон, намекая на то, что научный ответ на данный вопрос не должен основываться на допущении, что в определенный момент у элит должны возникнуть моральные обязательства по отношению к гражданам, окрестил его «проблемой стационарного бандита». Почему же «стационарный бандит» выбирает демократию? Во-первых, в государстве с разветвленным бюрократическим аппаратом элитам при всем желании становится невозможным придерживаться позиции стоящего над обществом грабителя-надзирателя, а не функционера, зависящего от собственного ведомства, или олигарха, чья власть целиком выражена в обладании ограниченным капиталом, который можно как приумножить, так и потерять. Во-вторых, самосохранение и процветание элит, находящихся в окружении других государств современного типа, прямо зависит от эффективности этого самого государства, то есть, в конечном счете, от перевода государственного управления на профессиональную основу и сокращения привилегий и размеров извлекаемой элитой ренты. Парадоксально, что элиты, отказывающиеся это сделать, оказываются, в конечном итоге, в зависимости от развитых демократий, что неминуемо толкает их государства на путь транзита. В-третьих, когда рента, взимание которой зависит от обладания властным ресурсом, превращается в мобильный и автономный капитал, причины, заставляющие элиты бояться демократии, исчезают, и мо-

дель правового государства, лишеного правителя, стоящего над соображениями законности и устойчивого развития, наоборот, резко возрастает в своей привлекательности. Последнее может стать следствием как диверсификации национальной экономики, так и ее интеграции в мировой рынок [16, 26].

Трансформация вышеозначенных положений в форму работающей модели была предпринята несколькими учеными, включая Д. Асемоглу и Дж. Робинсона, К. Боикса и С. Стокса, П. Зака и Й. Фенга [25]. Модель Д. Асемоглу и Дж. Робинсона, которая может служить показательной для логики «конфликта вокруг налогов», включает в себя следующие переменные: уровень неравенства доходов, способность общества к долгосрочному оппонированию политическому режиму на основании четких требований, способных стать предметом торга; оценку элитами опасности революции; способность элит снизить риски налогового перераспределения путем вывода капитала из страны или получения гарантий его сохранения с перспективой дальнейшего инвестирования в новые перспективные отрасли. Согласно Робинсону и Асемоглу, если элиты оценивают угрозу революции как реальную, но все же не критическую, что прямо связано с имеющимся уровнем неравенства доходов, и при этом видят пути сохранения и приумножения капитала в новых условиях, то они, исходя из вышесказанного, будут готовы пойти на компромисс, и это кажется логичным, особенно на фоне многочисленных примеров [4].

Выглядящая убедительной, модель Асемоглу и Робинсона ломается, когда посылка, согласно которой народные массы в конечном счете действуют рационально, постоянно выступая за перераспределение, ведущее к реальному сокращению неравенства, подвергается существенно сомнению, особенно в свете утверждений, что требующие перераспределения граждане в большинстве случаев прямо увязывают его с установлением

демократии. При рассмотрении массовой поддержки, оказываемой гражданами диктатурам, сменяющим в том числе демократические режимы, а также при наблюдении за поведением элит стран с недемократическим правлением, не могут не возникнуть глубокие сомнения как в адекватности одних, так и в достаточной рациональности, выдержке и самостоятельности других.

Весомым аргументом в пользу модели Асемоглу и Робинсона может служить феномен стран-экспортеров, демонстрирующих склонность к авторитаризму при уровне дохода, имеющим тесную корреляцию с установлением демократии, а также данные, выведенные М. Хербом, доказывающие, что сохраняется этот эффект лишь при условии, что мы не будем вычитать из ВВП вклад соответствующей ренты [25]. В своих поздних работах Асемоглу и Робинсон пытались связать демократию с наследием противоречивых в своей логике, открытых институтов инклюзивного типа, а авторитаризм — с наследием экспансивно-синкретичных институтов экстрактивного типа, однако данная теория, несмотря на свою ценность, отнюдь не устраняет имеющуюся проблему, возвращает нас от модели, призванной оценивать и прогнозировать, к рассуждениям о связи истории, демократии и экономического развития [1].

Пересматривая гипотезу Липсета: благосостояние и культура

В случае, когда модель объяснения конфликта дает сбой, остается иная стратегия, построенная на обращении к тезису Липсета о субкультуре среднего класса и вытекающей из него гипотезе, объясняющей демократию как ценностный, а не политический конструкт. Следует отметить, что именно на линии доказательства этой гипотезы расположилось одно из интереснейших исследований последних лет, ознаменовавшее качественный скачок в восприятии

рассматриваемой нами темы. Речь идет о теории постиндустриального сдвига Р. Инглхарта — К. Вельцеля, а также о возрождении веберовской традиции объяснения капитализма в контексте неоинституционализма.

Ценностная модель, известная нам как гипотеза постиндустриального сдвига, базируется на исследованиях Всемирного Опроса Ценностей, проведенного Р. Инглхартом и К. Вельцелем в 97 странах, начиная с 1981 г., и фиксировавших, таким образом, ценностный сдвиг, происходивший в период третьей «волны». В результате этих исследований Инглхарт и Вельцель поставили под сомнение логику гипотезы Липсета, согласно которой культура является продуктом социальных условий, а не наоборот. В модели Инглхарта и Вельцеля две шкалы — секулярности-религиозности и альтернативных ориентаций на стабильность и выживание (индустриальных) или на самореализацию и толерантность к другому (постиндустриальных) — отвечают за то, готово ли общество к демократизации, а социальные условия лишь подготавливают почву для ценностного сдвига, при этом сами являясь его продуктом.

Согласно модели Инглхарта и Вельцеля, относительная секулярность является необходимым, но не достаточным условием, в чем наблюдается согласие между ними и Липсетом. Основной же водораздел, пересечение которого обрекает страну на демократизацию, пролегает в отметке, после которой постиндустриальные ориентации начинают преобладать над индустриальными [9, 10].

Результаты Всемирного Опроса Ценностей вызывают вопросы определенного характера, в частности, требуют ли его результаты отказа от предыдущих гипотез, прежде всего от оригинальной гипотезы Липсета, и как именно следует примирить нам две, по-видимому, абсолютно верные теории, чья логика объяснения одного и того же процесса не совпадает диаметрально. Однако не меньшее затруднение

По ту сторону транзитологии:

как объяснить демократизацию без пакта и «волн»

вызывает вопрос о том, каковы же, согласно ценностной модели, были причины первой «волны» демократизации, начавшейся в пору, когда постиндустриальных ориентаций как массовых не существовало в природе.

Ответы на эти вопросы науке еще предстоит найти, однако некоторые их контуры можно определить уже сегодня. Работами, в которых они изложены, являются, на наш взгляд, книга Д. Норта, У. Джона и В. Барри «Насилие и социальные порядки», близкий к ней труд Дж. Арриги, написанный в парадигме мир системного анализа, а также культурологические выкладки Л. Харрисона и Д. Макклоски, объединенные одной идеей — фундаментальными сдвигами, последовавшими за возникновением капитализма и подчиненными единой логике глобальной смены парадигм [8, 3]. Согласно взглядам Норта и соавторов, этот сдвиг предполагает замену порядка естествен-

ного доступа, описываемого в терминах контроля над территорией и богатствами, к порядку открытому, где нарастающие технологические, культурные и политические изменения ведут к расколу элиты, анонимизации властных отношений, постановке вооруженной силы под контроль институциональных механизмов и моральных табу, а также к рождению ассоциаций, способных переживать своих создателей и стабильно воспроизводить интересы той или иной части граждан [16]. Дополнения Харрисона и Макклоски позволяют лишь освободить эти идеи от заметного влияния материалистического детерминизма в пользу веберовских идей свободного ценностного выбора активных сообществ, основывающегося, конечно же, не на пустом месте [23, 8]. Это, однако же, уже выходит за рамки темы, очерченной нами.

Литература

1. *Аджемогу Д.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / Д. Аджемогу, Дж. Робинсон / Пер. с англ. — М.: АСТ, 2015. — 575 с.
2. *Азуан А. А.* Бегство из колеи. Что может помочь России выйти на траекторию развития. <https://www.novayagazeta.ru/articles/2011/10/27/46518-begstvo-iz-kolei>.
3. *Арриги Д.* Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени / Д. Арриги/. — М.: Территория будущего, 2006. — 469 с.
4. *Асемоглу Д.* Экономические истоки диктатуры и демократии / Д. Асемоглу, Дж. Робинсон / Пер. с англ. — М.: Издательский дом Высшей Школы Экономики, 2015. — 512 с.
5. *Ачкасов В. А.* Транзитология — научная теория или идеологический конструкт? / В. А. Ачкасов // Полис. Политические исследования. — 2015. — № 1. — С. 30–37.
6. *Даль Р.* Теория и практика демократии. Избранные тексты / Р. Даль, Й. Шапиро, Х. Чейчуб, Л. Даймонд и др. — М.: Ладомир, 2006. — 496 с.
7. *Дойч Ф., Вухерпфеннинг, Ю.* Модернизация и демократизация: переосмысливая теории и факты. <http://gefter.ru/archive/6924>.
8. *Заостровцев А. П.* О развитии и отсталости: как экономисты объясняют историю? / А. П. Заостровцев. — СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. — 248 с.
9. *Инглхарт Р.* Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель / Пер. с англ. — М.: Фонд «Либеральная миссия» Новое изд-во, 2011. — 462 с.
10. *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества / Р. Инглхарт // Полис. Политические исследования. — 1997. — № 4. — С. 6.

11. Мельвиль А. Ю. Демократические транзиты / А. Ю. Мельвиль // Политология: Лексикон / Под ред. А. И. Соловьева. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. — С. 123–134.
12. Мельвиль А. Ю. Демократические транзиты: Теоретико-методологические и прикладные аспекты / А. Ю. Мельвиль. — Московский Общественный Научный Фонд. — М., 1999. — 106 с.
13. Мюллер Д. Общественный выбор III / Пер. с англ. — М.: Гос. ун-т — Высшая Школа Экономики, институт «Экономическая школа», 2007. — 994 с.
14. Нуреев Р. М. Теория общественного выбора. Курс лекций: учебное пособие для вузов / Р. М. Нуреев / — М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005–531 с.
15. Липсет С. М. Политический человек. Социальные основания политики / М. Липсет. — М.: Мысль, 2016. — 611 с.
16. Норт Д. Насилие и социальные порядки: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Д. Норт, У. Джон, В. Барри / Пер. с англ. — М.: Издательство Ин-та Гайдара, 2011. — 478 с.
17. Олсон М. Власть и процветание: перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры / М. Олсон / Пер. с англ. — М.: Фонд Либеральная Миссия, 2012. — 209 с.
18. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп / М. Олсон / Пер. с англ. — М.: Фонд Экономической Инициативы, 1995. — 165 с.
19. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке / А. Пшеворский / Пер. с англ. — М.: Издательство «РОССПЭН», 1999. — 319 с.
20. Растоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели / Д. Растоу // Полис. Политические исследования. — 1996. — № 5. — С. 5–14.
21. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства, 1990–1992 гг. / Ч. Тилли / Пер. с англ. — М.: Территория будущего, 2009. — 358 с.
22. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / Пер. с англ. — М.: РОССПЭН, 2003. — 365 с.
23. Харрисон Л. Главная истина либерализма. Как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя / Л. Харрисон / Пер. с англ. — М.: Фонд Либеральная Миссия, 2008. — 279 с.
24. «Человек политический». Перечитывая Липсета. <http://www.levada.ru/2016/05/30/chelovek-politicheskij-perechityvaya-lipseta/>.
25. Boix C., Stokes S. The Oxford Handbook of Comparative Politics / Oxford, 2007.
26. Lipset S. M. Rokkan S. Cleavage Structures, Party System, and Voter Alignments // The West European Party System. — Oxford, 1990.
27. Olson M. Dictatorship Democracy, and Development // The American Political Science Review, Vol. 87. — № 3 (Sep., 1993). — P. 567–576.

Сетевое взаимодействие некоммерческих организаций и органов государственной власти: «коммуникационный аутсорсинг»

Аннотация

Существование НКО можно назвать относительно новым явлением для российского политико-управленческого пространства. Относительная независимость НКО как политических акторов, а также повышение интереса к подобным организациям со стороны гражданского общества усложняет вопрос регулирования их деятельности. В этих условиях государству приходится прибегать не только к формальному, но и к неформальному регулированию деятельности НКО. В результате мы сталкиваемся с ситуацией, когда некоммерческие организации, оставаясь независимыми структурами, выступают как инструмент осуществления государственной политики, существуя при этом в тесном взаимодействии с государственными институтами. В статье рассмотрены проблемы построения сетевой коммуникации между государственными институтами и НКО, а также приводится анализ конкретного случая взаимодействия, в рамках которого государство «делегирует» представительство своих интересов сторонней некоммерческой организации.

Ключевые слова: политические сети, НКО, государственные институты, политическая коммуникация, группы интересов.

Автор

Петров-Нерлинг Герман Вячеславович

Студент магистратуры
факультета социальных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)

В современном обществе в последнее время можно наблюдать стремительное возрастание роли некоммерческих организаций как основных институтов гражданского общества [11]. На практике роль, которую играют НКО в жизни страны, а также возможности и влияние, которым они обладают в том или ином государстве, стали одним из показателей уровня демократизации политической и общественной жизни в стране. Например, уровень развития третьего сектора является одним из критериев

(political participation) составления «Индекса демократии», ежегодно издаваемого журналом The Economist [13]. В западных государствах сегодня активно укрепляется тенденция в сторону расширения влияния НКО и содействия государства развитию и деятельности подобных организаций [12]. При этом некоммерческие организации в этих странах существуют как независимые структуры, которые преследуют общественные интересы и цели широких групп населения. В странах же, где демократия не присутствует или в ко-

торых демократические институты еще не получили должного развития, НКО не играют существенной роли в жизни общества [5] либо вовсе отсутствуют. При этом деятельность подобных организаций либо строго регламентируется или же вовсе пресекается правительством и государственными институтами. Из этого наблюдения можно сделать первичный вывод о том, что характер взаимодействия НКО и государственных институтов сегодня является одним из главных параметров определения уровня демократичности политической жизни и развития гражданского общества в том или ином государстве. О развитии некоммерческих организаций как института гражданского общества в России писали такие исследователи, как Воробьев С. М. [2], Киселёва А. А. [3], Бурганов А. Х. [1], Тхатель С. А. [10], Маракулина К. А. [4]. Однако современная политология не имеет однозначного суждения касательно многих факторов, влияющих на формат взаимодействия между государством и НКО.

Конечно же, сегодня правительственные структуры используют множество механизмов, помогающих наладить коммуникацию между НКО, обществом и государством; наиболее распространенными принято считать такие формы и институты политического взаимодействия, как социальный заказ, фонды местных сообществ, налоговые льготы, гранты, субсидии [10] и прочие акции, позволяющие государству обеспечивать бесперебойную работу некоммерческих организаций и верное выполнение своих функций. Тем не менее значительное количество руководителей крупнейших НКО склонны достаточно критически высказываться о современных форматах взаимодействия с властью.

Так, по результатам интервью Левада-центра было отмечено, что руководители НКО больше верят в реальность возможности наладить контакт с властью на низших инстанциях, нежели с чиновниками федерального уровня [8]. Среди основных проблем, которые существуют, также от-

мечаются повышенное налогообложение институтов гражданского общества [7] и бюрократизированный процесс регистрации НКО и общественных объединений. Закон «О некоммерческих организациях» ставит НКО в такие условия, когда все усилия уходят на поддержание существования организации, нежели на повышение эффективности ее деятельности. Тем не менее государственные структуры сближают контакты с гражданским обществом и представителями широких групп интересов. Происходит это посредством создания общественных советов при ведомствах, которые уже, в свою очередь, состоят из членов различных НКО, общественных движений и прочих представителей «третьего сектора». Чаще всего в контексте взаимодействия подобного формата формируется ситуация, когда доступ к общественным советам имеют только представители определенных НКО, которые, как правило, выстраивают коммуникацию с ведомствами на протяжении десятков лет, посредством установки неформальной связи с чиновниками, представителями ведомств и государственных институтов исполнительной, законодательной и судебной власти. (Яркими примерами могут послужить, например, представительные советы при Министерстве промышленности и торговли [9] и Министерстве образования [6].) Взаимодействие с некоммерческими организациями посредством создания совещательных структур является наиболее демократичным методом установки коммуникации в данной сфере. Представитель некоммерческой организации в этом случае может быть рассмотрен как часть сетевой интеракции, в рамках которой осуществляется обмен экономических, административных, информационных и прочих ресурсов. Взаимодействие в таких условиях может быть описано как корпоративистская сеть [14] с центральным актором, которым является тот или иной государственный институт. Равные друг перед другом представители НКО, находясь в иерархической связи

Сетевое взаимодействие некоммерческих организаций и органов государственной власти

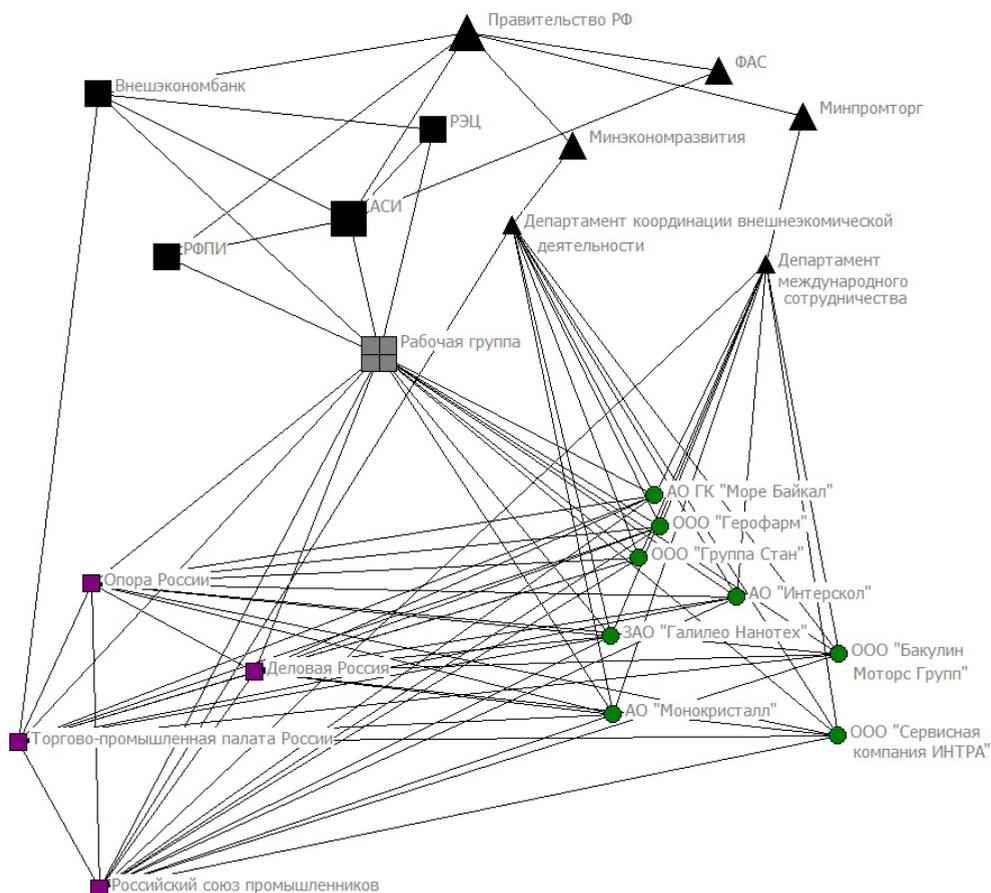
с государственным институтом, прибегают к горизонтальному взаимодействию между собой, формируя повестку дня, которая позже передается центральному актору сети. Таким образом, выстраивается линия взаимодействия государства и НКО посредством представительства в совещательных органах.

Еще один способ взаимодействия государственных институтов и некоммерческих структур заключается в создании подобных организаций исполнительными органами власти. Например, созданное по постановлению правительства РФ «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов». Подобные организации с самого начала создаются с целью выполнения конкретной функции, направленной на выполнение задач, поставленных перед ними государством. Зачастую задачи, которые ставятся перед правительственными НКО, частично совпадают с функциями тех или иных государственных институтов. В рамках подобного взаимодействия, государство «делегирует» функции правительственных институтов некоммерческим организациям. Таким образом, НКО могут выступать как полноценный инструмент реализации государственной политики. Эффективность такого подхода обусловлена тем, что отдельная формально автономная структура в любом случае будет обладать большим функционалом и большей гибкостью подходов к реализации той или иной функции государства. Также существование подобных НКО позволяет государственным институтам делегировать общение с гражданскими акторами на «аутсорсинг». Органы власти, оставаясь в должной степени закрытой структурой, получают уже агрегированные интересы от правительственных НКО, которые осуществляют все общение и взаимодействие как с акторами гражданского сектора, так и с представителями рынка. Для описания подобного взаимодействия отлично подойдет политико-экономическая сеть, построенная вокруг инвестиционной

программы, организованной автономной некоммерческой организацией «Агентство стратегических инициатив» (АСИ).

Путь построения коммуникации через открытую проправительственную структуру предстает как гораздо более активный и эффективный способ осуществления взаимодействия. Для подобных структур характерно наличие гораздо большего количества связей как с государственным, так и с гражданским сектором. При этом наблюдается устойчивая тенденция к расширению количества акторов, привлекаемых к процессу принятия решений. Организация, созданная государством, в данной конфигурации выступает как промежуточное звено между государственными и негосударственными акторами. Находясь во взаимодействии со всеми участниками сети, выступает центром медиации, агрегации интересов, а также принимает на себя роль платформы для урегулирования конфликтов и принятия решений касательно, например, распределения инвестиций или законодательства. Данное взаимодействие можно охарактеризовать как горизонтальную сеть с частично встречающимися иерархическими связями.

При этом на вершине иерархии взаимодействия находятся исполнительные органы власти, сохраняя, таким образом, влияние на деятельность правительственной некоммерческой структуры. Несмотря на то, что АСИ не является ведущей организацией данной сети, она сохраняет роль «управляющей» структуры, осуществляя преимущественно координационные и административные функции. Исходя из этого, можно охарактеризовать данную сеть как *Network Administrative Organization* [15] (сеть с управляющей организацией): все связи, задействованные в сети, являются формальными, отражены в законодательстве или в официальных сообщениях правительственных и негосударственных акторов. Модель данной сети была построена на основе открытых источников, сообще-

Сеть взаимодействия государства и АНО АСИ.

Источник: http://asi.ru/investlift/#as_excel

ний в СМИ, информационных ресурсов государственных структур и общественных движений. АСИ является главным узлом данной сети, формируя диалог бизнеса и органов государственной власти. Являясь проправительственной структурой, обладает одновременно и открытостью, и полномочностью, необходимой для построения взаимодействия с органами власти. В большинстве случаев «закрытые» для диалога с третьим сектором государственные структуры не могут отказаться от взаимодействия с данной организацией, что обеспечивает ей роль платформы, на которой интересы бизнеса и гражданских структур могут быть агрегированы и впоследствии направлены в органы госу-

дарственной власти. При этом само АСИ остается преимущественно государственным актором.

Таким образом, мы можем выделить отдельный формат взаимодействия государства и некоммерческих организаций, где НКО выступает как открытая платформа для агрегирования интересов и передачи запросов от общества государству. Государственные институты, в свою очередь, обладая инструментами контроля над НКО, хоть и сохраняют за собой возможность отклонять и игнорировать подобные запросы, почти всегда оказываются вынуждены давать определенный ответ структурам, которые так или иначе аффилированы с властью. «Коммуника-

Сетевое взаимодействие некоммерческих организаций
и органов государственной власти

ционный аутсорсинг» как способ приема общественных интересов оказывается более эффективной платформой, нежели общественные советы при правительственных ведомствах, так как НКО в гораздо большей степени открыты для взаимодействия и в подобные сети включается значительно большее количество акторов, несмотря на их изначальные позиции.

Рассмотренный в исследовании случай с Агентством Стратегических Инициатив представляет собой пример коммуникационного аутсорсинга в рамках построения диалога государства с преимущественно экономическими акторами, а также негосударственными структурами и общественными движениями, защищающими интересы бизнеса. Тем не менее описанная методика может быть применима и в построении взаимодействия государства и НКО в социальной и политико-правовой сферах жизни общества. Конечно же, организация, которая берет на себя роль платформы для агрегации интересов, не может гарантировать абсолютную беспристрастность при выбо-

ре акторов, включаемых во взаимодействие: подобные структуры в той же степени, что и государственные институты, рискуют быть подвергнуты латентному влиянию теневых акторов политики или воздействию коррупции. Однако плотное вовлечение акторов третьего сектора и высокий уровень публичности деятельности данных организаций существенно снижают подобные риски. Таким образом, мы можем выделить ряд преимуществ, которыми обладает коммуникационный аутсорсинг как технология построения взаимодействия между государством и НКО:

- снижение нагрузки на коммуникативную деятельность государственных институтов;
- повышение прозрачности процесса представительства общественных интересов;
- расширение повестки;
- увеличение количества акторов, вовлеченных в процесс формирования государственной политики.

Литература

1. Бурганов А. Х. Гражданское общество в России как сосуществование граждан // Социс. — 2000. — № 1.
2. Воробьев С. М. Гражданское общество и модернизация России // Власть. — 2009. — № 4.
3. Киселёва А. А. Роль некоммерческих организаций в формировании и развитии гражданского общества в России // Власть. — 2008. — № 5.
4. Маракулина К. А. Некоммерческие организации в политико-коммуникативном пространстве современной России.: дис. канд. полит. наук. — М., 2016. — 190 с.
5. НКО в Восточной Европе не стали серьезной силой (iq.hse.ru) [сайт]. — URL: <https://iq.hse.ru/news/177665953.html>.
6. Открытое министерство (mkrf.ru) [сайт]. — URL: https://www.mkrf.ru/about/openess_ministry/.
7. Панасенко С. В. Развитие некоммерческого сектора в России // СКГТУ, 2005.
8. Перспективы гражданского общества в России / Сост. Д. Волков. — М., 2011. [Левада-центр, 2011]. — С. 33.
9. Состав Общественного совета при Министерстве промышленности и торговли Российской Федерации (minpromtorg.gov.ru) [сайт]. — URL: http://minpromtorg.gov.ru/open_ministry/public/members/.
10. Тхатель С. А. Взаимодействие государства и некоммерческих организаций как фактор формирования гражданского общества в современной России // Теория и практика общественного развития. — 2012. — № 8.

Тема номера: «Научные исследования молодых политологов»

11. Якимова Т. Б. Некоммерческие организации как основной институт гражданского общества в России // Вестник ТГПУ. — 2013. — № 12.
12. Casey J. Comparing Nonprofit Sectors Around the World // Baruch College, City University of New York. — 2016. — Vol. 6.
13. The Economist Intelligence Unit's index of democracy // The World in 2007.
14. Marsh D. Rhodes R. A. W., Policy Networks in British Government. Oxford. Clarendon Press, 1992.
15. Provan K., Kenis P., Modes of Network Governance: Structure, Management and Effectiveness Published by Oxford University Press, 2007.

Идейно-политическая концепция Н. И. Черняева

Аннотация

В статье рассматриваются основные принципы идейно-политической концепции отечественного общественного и политического деятеля Н. И. Черняева. Автор характеризует составные части его мировоззрения, обращая особенное внимание на разнообразие аргументов, приводимых Н. И. Черняевым в пользу самодержавной монархии.

Ключевые слова: Н. И. Черняев, православие, русский консерватизм, самодержавие.

Автор

Ананьев Никита Александрович

Аспирант
факультета политологии
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

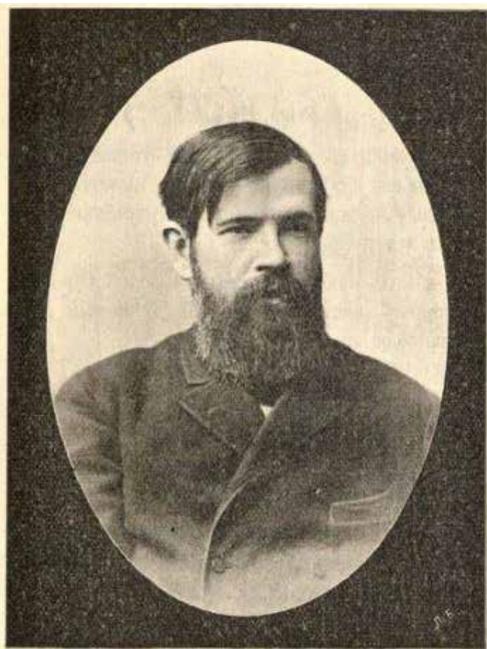
Николай Иванович Черняев (1853–1910) на протяжении своей жизни являлся видным общественным деятелем Российской империи. Выходец из старинного дворянского рода, он получил юридическое образование в Харьковском императорском университете, став впоследствии профессором отечественного права [1. — С. 3]. Однако не юридическое поприще определило его дальнейшую карьеру и, как следствие, судьбу. С начала 1880-х гг. основным полем его деятельности становится публицистика, причем публикуется Н. И. Черняев как на культурную, так и на политическую тематику. В 1900-е гг. он также включился в политическую деятельность, став видным деятелем харьковского отдела черносотенной организации «Русское собрание» [1. — С. 10].

С 1881 по 1905 г. он являлся штатным сотрудником харьковской газеты «Южный край», имевшей большую популярность в малороссийских губерниях России. Именно на этот период жизни Н. И. Черняева

приходится становление его как публициста консервативного политического направления. После ухода из «полевешей» газеты в 1905 г. Николай Иванович продолжает публиковаться — на этот раз в харьковском консервативном журнале «Мирный труд». Свою активную публицистическую деятельность он продолжал до дня своей смерти, издав книги: «О русском самодержавии», «Необходимость самодержавия для России. Природа и значение монархических начал», «Мистика, идеалы и поэзия русского самодержавия» и «Записная книжка русского монархиста» [2. — С. 20].

В данной работе мы проследим и охарактеризуем основные аспекты идейно-политических воззрений Н. И. Черняева.

Основной темой всех произведений Н. И. Черняева на политические темы являлось обоснование необходимости сохранения самодержавной монархии в России. Тема русского монархизма красной нитью проходит через все его труды, по-

Николай Иванович Черняев.
(† 13 Мая 1910 г.)

священные современной политике и отечественной истории. Будучи убежденным монархистом, Николай Иванович прямо писал: «Незыблемость самодержавия — основной догмат нашего государственного права и государственной мудрости» [2. — С. 20].

В пользу самодержавной монархии Н. И. Черняев выдвигал ряд аргументов. Первый аргумент можно условно назвать «историческим». Н. И. Черняев задавал риторический вопрос и сам же на него отвечал: «Чем же объясняется, что царская власть в России с каждым годом усиливалась и крепла, несмотря на то, что ей приходилось иметь дело и с такими эпохами, как Смутное время, и с тысячами самых тяжких испытаний? Тем, что русское самодержавие органически развилось в России, тем, что оно пустило глубокие корни в русскую почву и вполне отвечает потребностям русского народа и государства, как определились они под взаимодействием географических, этнографических, историче-

ских и культурных условий» [2. — С. 22]. Также он отмечал, что, «называя себя крестьянином, то есть христианином, русский мужик смотрит на власть с христианской, православной точки зрения. Он видит в царе — властелина, поставленного самим Богом» [2. — С. 162].

Н. И. Черняев аргументировал необходимость самодержавной монархии в том числе и географическим фактором. Он утверждал: «Россия занимает громадную территорию, раскинутую в двух частях света и равную одной шестой части суши. На этой территории живет редкое население, стоящее, по меньшей мере, не на особенно высокой степени культурного развития. Нужна была сильная власть для того, чтобы сплотить эту территорию и это население в один крепкий политический организм. Если бы эта власть была ограничена парламентом или чисто республиканскими учреждениями, она не могла бы служить цементом для такой колоссальной державы, как Россия» [2. — С. 22, 23].

Н. И. Черняев использовал и такой аргумент, как обширная протяженность российских государственных границ, для «скрепления» которых требуется твердая монархическая (т. е. самодержавная) власть. Обращаясь к историческому опыту и приводя в качестве примера античный Рим и Грецию, он отмечал: «Опыт всех времен и народов доказывает, что громадные политические организмы не могут обойтись без твердой монархической власти» [2. — С. 23]. При этом в качестве дополнительного обоснования служила постоянная угроза со стороны внешних врагов (ввиду протяженности государственных границ): «Постоянная опасность извне была одной из главных причин колоссального развития русского самодержавия» [2. — С. 23].

Особый интерес представляет аргумент «источника свободы», выдвинутый Н. И. Черняевым в поддержку самодержавной монархической формы правления. С его точки зрения, «самодержавие не только не мертвит свободы, а всецело

держится на ней. Неограниченные монархии держатся лишь на свободном подчинении народа властелину. Неограниченные монархии, опирающиеся на любовь и преданность всего народа, без различия богатых и бедных, знатных и незнатных, образованных и простецов, покоятся на незыблемых основах. Неограниченные монархии, не имеющие опоры в сердцах и умах подданных, построены на песке и могут рухнуть от первого, самого ничтожного толчка» [2. — С. 194, 195]. В странах, «где царят представительные учреждения, царит власть большинства, игу которого меньшинство не может подчиняться, ибо на стороне большинства сила» [2. — С. 194].

Подводя итоги, можно с уверенностью сказать, что взгляды Н. И. Черняева по

отношению к самодержавной монархии вполне укладываются в одну-единственную фразу, им написанную: «Русское самодержавие есть наилучший для нашей родины способ приведения к единому знаменателю 140 000 000 умов и воля, из которых слагается воля и разум нации тех народов и общественных слоев, из которых она состоит» [2. — С. 273]. Политические убеждения Н. И. Черняева органично укладывались в триаду «православие, самодержавие, народность», убежденным приверженцем которой он являлся на протяжении всей своей жизни. Н. И. Черняев был последовательным русским консерватором, и его обширное публицистическое наследие еще ждет своего исследователя.

Литература

1. Каплин А. Д. «Русским... стыдно не быть убежденными монархистами». Памяти Николая Ивановича Черняева (1853–1910) // Русская народная линия, 25.05.2013.
2. Черняев Н. И. Заметки о монархических началах // Русское самодержавие. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. — 864 с.

100-летие революции 1917 года в России: особенности и тенденции государственной исторической политики

Аннотация

В статье рассматриваются основные тенденции государственной исторической политики в процессе подготовки и проведения мероприятий, связанных со 100-летием революции 1917 года в России. С одной стороны, отмечаются наличие долгосрочной стратегии власти по работе с коллективной памятью и активное привлечение профессиональных историков к выработке новых интерпретаций революционного процесса, с другой — крайне низкая общественная активность вокруг данного юбилея и, как следствие, отсутствие реальной аудитории государственной исторической политики.

Ключевые слова: Великая российская революция, революция 1917 года, Великая Октябрьская социалистическая революция, политика памяти, историческая политика, историческое сознание.

Автор

Беклямишев Владимир Олегович

Студент магистратуры
факультета политологии
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

19 декабря 2016 г. Президент России В. В. Путин подписал распоряжение о подготовке и проведении мероприятий, посвященных 100-летию революции 1917 года в России. Еще задолго до опубликования данного документа и предшествующего ему Послания Президента Федеральному Собранию¹, в ряде ведущих российских СМИ развернулась полемика о том, какой характер примет государственная историческая политика в связи с приближающейся годовщиной.

¹ В тексте Президентского Послания сохранилась кратко сформулированная стратегия на весь юбилейный год: «Недопустимо тащить раскол, злобу, обиды и ожесточение прошлого в нашу сегодняшнюю жизнь...».

Предполагаем, что на ожидания образованного класса от грядущего юбилея существенно повлияли прежние представления о значении революции, порожденные советской историографической традицией. Впоследствии это обернулось многочисленными обвинениями власти в целенаправленном «замалчивании» глобального исторического события. Очевидно также, что реальный интерес российского общества к потрясениям столетней давности оказался гораздо ниже, чем изначально предполагала сама власть. Среди немногочисленных попыток объективного анализа сложившейся ситуации, на наш взгляд, следует выделить мониторинговый проект издательства АИРО XXI «Революция-100» (Г. А. Бордюгов и др.),

100-летие революции 1917 года в России: особенности и тенденции государственной исторической политики

а также серию экспертных комментариев О. Ю. Малиновой (например, интервью «Обезвредить революцию» для журнала «Огонек», 16 января 2017 г.).

К рассматриваемой в них проблематике обращается и данная статья.

Согласно статье 1 ранее упомянутого распоряжения Президента России, в декабре 2017 г. вся полнота ответственности за формирование «приемлемого» образа революционного прошлого оказалась возложена на Российское историческое общество (РИО) — ассоциацию крупнейших учреждений науки, образования и культуры под председательством бывшего спикера Государственной Думы С. Е. Нарышкина. Отметим, что этот механизм — использование для реализации государственной исторической политики формально независимых общественных организаций — был ранее выявлен А. И. Миллером, который поспешил сделать из этого вывод, что таким образом «исследования по истории становятся своего рода политтехнологическим подспорьем».

Впрочем, на этот раз власть предоставила историкам весьма широкую свободу действий. Именно представители академической науки составили наиболее активную «фракцию» в составе созданного под эгидой РИО организационного комитета по подготовке и проведению мероприятий, посвященных 100-летию революции 1917 года в России (его председателем стал ректор МГИМО А. В. Торкунов, научный руководитель Института всеобщей истории РАН А. О. Чубарьян и директор Института российской истории РАН Ю. А. Петров вошли в состав бюро). В пользу преимущественно академических проектов был распределен и бюджет фонда «История Отечества»¹.

¹ Фонд «История Отечества» изначально был создан как инструмент реализации

Из этого следует вывод о том, что в процессе подготовки к юбилею революции 1917 года власть сознательно выбрала в качестве своей стратегии не целенаправленное забвение «неудобного» сюжета, а его перенос в проблемное поле академической истории. Прозвучавшие заявления о том, что все интерпретации революции являются исключительной прерогативой профессионального сообщества недалеки от истины, однако заставляют вспомнить о классическом противопоставлении истории и памяти: «Память помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим» [Нора 1999: 20]. В данном случае передача юбилея академическим историкам — сама по себе — удачный прием, делегитимирующий альтернативные попытки его политического использования.

Второй широко тиражированный тезис об исторической политике в России, опровергаемый практикой деятельности оргкомитета по 100-летию революции, заключается в признании ее непоследовательности и бессистемности. «Всякий, кто берется писать о государственной политике памяти в современной России не может не признать наличие целого ряда скрытых, а подчас и явных противоречий, наличие которых делает разговоры о наличии государственной политики памяти в РФ если не тщетными, то, по крайней мере, преждевременными», — утверждается в одной из последних статей, посвященных данному вопросу [Беляев Е. В., Линченко А. А. 2016: 22].

В действительности же подготовка к 100-летию революции началась еще задолго до юбилейного года и была во многом связана с созданием качествен-

политики РИО. В 2017 г. ему была выделена субсидия в объеме 50 миллионов рублей. Принципиально важен сам механизм распределения средств — открытый конкурс с технологическими, а не идеологическими критериями оценки исторических проектов.

но новой «инфраструктуры памяти» (в терминологии О. Ю. Малиновой). К ней мы относим разработку, широкое общественное обсуждение и внедрение в образовательный процесс нового Историко-культурного стандарта (ИКС), который, по словам С. Е. Нарышкина, сыграл роль своеобразного «общественного договора» в отношении целого ряда «трудных вопросов» прошлого. Утверждение ИКС на президентском уровне придало государственной исторической политике должную целостность и внутреннюю логичность. Сегодня мы наблюдаем, как выверенные формулировки из текста стандарта постепенно переносятся в политическую риторику и медийный дискурс.

В ходе обсуждения основных положений ИКС родилась, в частности, и концепция Великой российской революции, предполагающая рассмотрение февральских и октябрьских событий как единого поступательного процесса, объединенного внутренней логикой, порожденного обстоятельствами Первой мировой войны и плавно перетекающего в войну Гражданскую. Важным нововведением ИКС стал отказ от традиционного описания событий революции в рамках отдельной главы. Современной границей новой и новейшей истории было признано вступление России в Первую мировую войну, открывающее обширный раздел «Россия в эпоху великих потрясений» (охватывает все события до окончания Гражданской войны, включая февральские и октябрьские).

Отметим, что преодоление наследия советской историографии, противопоставлявшей «буржуазный» февраль и «социалистический» октябрь, было в целом положительно воспринято историческим сообществом, однако конкретные хронологические рамки Великой российской революции до сих пор остаются предметом профессиональной дискуссии. Заметим также, что понятие «Великая российская революция» пока не вошло в обиход ведущих СМИ (например, спецпроект информагентства «Россия сегодня» на-

зывается «Великая русская революция», а спецпроект ТАСС — «1917. К столетию Февральской и Октябрьской революций») и еще ни разу не встречалось в президентской риторике.

Имеет смысл также обратить внимание на предшествующий стратегический проект РИО — подготовку к 100-летию Первой мировой войны. Тогда, в 2014 г., на возвращение «забытой войны» в публичное пространство были направлены значительные финансовые и символические ресурсы. По инициативе сенатора А. И. Лисицина 1 августа был законодательно утвержден в качестве Дня памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне 1914–1918 гг., а Министерство обороны России приступило к оцифровке картотеки Бюро учета потерь на ее фронтах. В пользу того, что эти празднования изначально мыслились в качестве пролога к юбилею революционных событий, свидетельствует тот факт, что первые конкретные предложения по подготовке к 100-летию революции прозвучали именно на заседании оргкомитета по 100-летию Первой мировой войны (1 августа 2016 г.).

Эвиатар Зерубавель отмечал, что коллективная память любого сообщества содержит в себе определенные «вершины» и «долины», причем наиболее значимыми представляются эпохи, либо чрезвычайно удаленные от нас во времени, либо удаленные не более чем на столетие [Zerubavel 2003: 31]. Очевидно, что в данной системе координат образ революции 1917 года неуклонно дрейфует из первой зоны в последнюю (политолог О. Ю. Малинова прослеживает эту тенденцию еще с середины 2000-х гг., когда 7 ноября вновь стал рабочим днем) [Малинова 2015: 80].

В этой связи крайне сомнительным выглядит утверждение авторов мониторинга «Революция-100» Г. Бордюгова и Д. Ан-

100-летие революции 1917 года в России: особенности и тенденции государственной исторической политики

дреева о том, что «на фоне официальной идеологической установки увязать Февральскую и Октябрьскую революции в единый процесс... обозначился прямо противоположный тренд — повышенное научно-академическое и общественное внимание к харизматичным лидерам 1917 года». Так, по данным «Левада-центра» (опрос 2–6 марта 2017 г. среди 1600 человек в 48 регионах) 59 % респондентов не считают исторический опыт 1917 года актуальным для современной России (еще 32 % затруднились с ответом). Около трети опрошенных «Левада-центром» (опрос 20–23 января 2017 г. среди 1600 человек в 48 регионах) в принципе никогда не задумывались над своим отношением к от-

речению Николая II.

На фоне пониженного интереса к юбилею среди широких слоев населения и достаточно лояльного отношения профессионального сообщества к проводимой властью исторической политике, цель по достижению общественного консенсуса в отношении событий 100-летней давности представляется вполне достижимой. Единственная проблема здесь в том, что такой консенсус объединяет лишь очень узкий круг, дальнейшее расширение которого вряд ли возможно без изменения сегодняшних практик проработки прошлого.

Литература

1. *Беляев Е. В., Линченко А. А.* Государственная политика памяти и ценности массового исторического сознания в современной России: проблемы и противоречия // *Studia Humanitatis*. — 2016. — № 2. — С. 21–35.
2. *Малинова О. Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности — М., 2015.
3. *Нора П.*, Франция-память — СПб, 1999.
4. *Zerubavel E.* Time Maps. Collective Memory and the Social Shape of the Past. — Chicago, 2003.

Причины революций 1917 года в трудах И. А. Ильина и И. Л. Солоневича: сравнительный анализ

Аннотация

В статье рассматриваются взгляды И. А. Ильина и И. Л. Солоневича по отношению к причинам революционных событий, развернувшихся в России в 1917 г. Автор проанализировал труды русских философов и сравнил выделяемые ими причины революции, обнаружив сходства и различия как на каузальном, так и на общефилософском уровне. В результате был сделан вывод, что И. А. Ильин и И. Л. Солоневич стояли на близких идеологических позициях, однако их оценки того, кто был истинным виновником революций, несколько расходились. И. А. Ильин считал, что вина за революционный крах России лежала на всей нации, а И. Л. Солоневич ответственность за катастрофу возложил на русскую интеллигенцию и бюрократию.

Ключевые слова: Россия, революция, И. А. Ильин, И. Л. Солоневич, русская политическая мысль.

Автор

Панфилов Константин Сергеевич

Студент магистратуры
факультета социальных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)

Революционные события 1917 г. оставили неизгладимый отпечаток на всей российской истории. Причины событий февраля и октября 1917 г. до сих пор анализируются историками, политологами и другими учеными. Особенно важное место эти события занимали в дискуссиях Белой эмиграции. Два наиболее значительных философа ее монархического крыла — И. А. Ильин и И. Л. Солоневич — посвятили исследованию причин революции множество своих работ, и, хотя их жизненные пути и политические позиции несколько различаются, их выводы относительно революционных событий во многом сходятся. Соответственно, сопоставление позиций этих русских фи-

лософов относительно революционных событий 1917 г. представляется необходимым в связи с дефицитом работ, специально посвященных данной теме.

И. А. Ильин настаивал, что незадолго до революции ни в народных массах, ни в интеллигенции не были воспитаны здоровое правосознание, религиозность и патриотические чувства [1. — С. 323]. Он отмечал, что непонимание обществом основ государственной жизни и своего места в нем выражалось в эгоизме, свойственном для дореволюционного общества. Оно было связано с тем, что связь между верховной властью и народом была нарушена.

По мнению И. А. Ильина, русские люди не были удовлетворены своим положе-

Причины революций 1917 года в трудах И. А. Ильина
и И. Л. Солоневича: сравнительный анализ

Иван Ильин

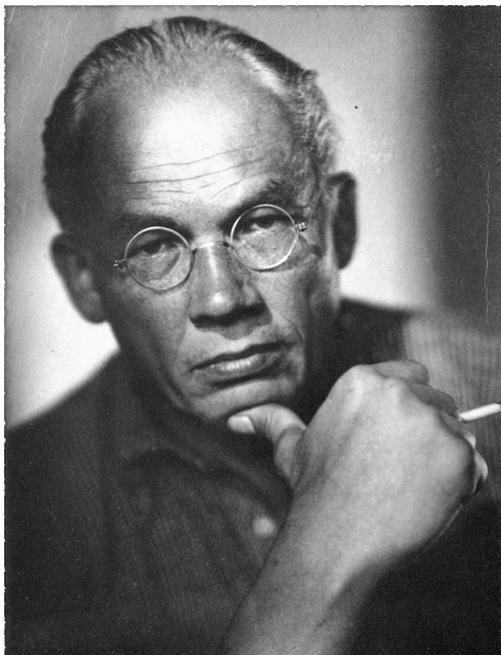
нием, причем это касалось абсолютного большинства людей безотносительно к их сословному положению. К этому прибавилась и всеобщая формализация культуры, религии и науки. «Не в материальных основах жизни, не в хозяйстве и не в технике надо искать последних причин нашего крушения, а в духовных основах... Наше крушение есть прежде всего духовное крушение» [3. — С. 68]. Обретя форму, но лишившись содержания, духовная жизнь в России, по его мнению, отмерла, равно как и нравственность, и народ потерял моральные ограничители. Это означало только одно: грядущая революция должна была лишь закрепить и формализовать окончательное отмирание духовной жизни.

Следует заметить, что И. А. Ильин, несмотря на философское объяснение причин революции, вовсе не игнорировал социальные силы. Например, крестьянство, будучи преобладающей группой населения, по его мнению, было особенно опасным для государственной стабильности. Он приписывал ему, в частности, неудовлетворенность результатами своего

труда. Кроме того, в крестьянской среде была распространена убежденность в том, что только экстенсивное использование природы и хищническое отношение по отношению к соседу-земледельцу способно привести к положительным результатам. Неизжитая же травма крепостничества также была чревата и неприятием крестьянством верховной власти, а при условии численности этого сословия такая ситуация несла российской государственности огромную скрытую угрозу [2. — С. 114].

Будучи убежденным в существовании в российском обществе глубинных психологических травм, И. А. Ильин также считал, что сама монархия, ко всему прочему, была лишена воли к борьбе с революцией, и потому пала [3. — С. 117]. Но совпадение этих негативных тенденций являлось следствием духовного кризиса всего русского общества [4. — С. 120]. Приход же к власти большевиков лишь окончательно прервал историческую преемственность — химера революции их руками поработила Россию.

Позиция И. Л. Солоневича относительно причин революции была во многом близка позиции И. А. Ильина, однако он иначе трактовал ее предпосылки. Прежде всего нужно отметить, что в отличие от И. А. Ильина он весьма строго персонифицировал виновников обеих революций 1917 г. Также он полагал, что весь период российской истории после Петра I и институты, введенные этим царем, совершенно чуждые и духу, и исторической традиции русского народа, породили конфликт между ним и тронем, который был окружен дворянской бюрократией, имевшей свои собственные, противоречащие и народу, и монарху интересы. Эта эпоха представлялась ему растянутой во времени насильственной и неприемлемой для России модернизацией. В своем главном труде «Народная монархия» он писал: «Российская монархия петербургского периода старалась стать народной, полноценной и устойчивой — это ей не удалось» [5. — С. 40].

Иван Солоневич

Следует однако заметить, что немногочисленные попытки приблизиться к народным массам российская власть начала совершать только на рубеже XVIII и XIX вв., да и то лишь в лице русских императоров, начиная с Павла I. Из-за этого некоторые из самодержцев становились жертвами правящего класса и революционной интеллигенции.

По аналогии И. Л. Солоневич обвинял в февральском перевороте финансовую, военную и земельную знать, в основном дворянского происхождения — ее устремления были эгоистическими и антигосударственными [8].

И. Л. Солоневич в целом невольно подерживал позицию И. А. Ильина о социальном застое, приведшем к революции, называя такую ситуацию «социальным тупиком» [8]. «Предреволюционная Россия находилась в социальном тупике — не хозяйственном, даже и не политическом, а социальном. Новые слои, энергичные, талантливые, крепкие, хозяйственные, пробивались к жизни и к власти. И на их пути

стоял старый правящий слой, который уже выродился во всех смыслах, даже и в физическом» [7. — С. 216].

Однако он вовсе не считал, что народ, точнее его основная масса крестьян и рабочих, был обездолен и имел какие-то серьезные причины участвовать в революционном хаосе. Напротив, И. Л. Солоневич считал, что средний русский обыватель проигнорировал революцию, рассчитывая на разумное поведение верховной власти, которая полностью себя дискредитировала действиями «февралистов». «Двигателями революций февральской и октябрьской, — считал И. Л. Солоневич, — стали худшие представители высших и низших слоев общества» [6. — С. 233].

Очень часто среди непосредственных виновников революций И. Л. Солоневич выделял интеллигенцию, называя ее «второсортной» [8], так как именно она десятилетиями проповедовала пользу революции и ее неизбежность: «...делала революцию вся второсортная русская интеллигенция последних ста лет» [8]. Эта ответственность за революцию, считал Иван Лукьянович, лежала на тысячах «безымянных профессоров», которые в течение десятков лет учили молодежь тому, что революция научно обоснована и исторически неизбежна. Этот слой, увлеченный либеральными идеями, был многочисленным, и, в отличие от высшего слоя интеллигенции, увлеченного работой на благо общества, научными исследованиями и т. д., не производил ничего полезного для общества и государства, лишь расшатывая основы императорской России. Ко всему прочему добавлялись и карьеристские устремления интеллигентов, смешанные со снобизмом и «идейностью» [6. — С. 46–47]. Не скрывая свое глубокое неприятие, И. Л. Солоневич называл этих людей «Св. Интеллигенцией». В статье «Медведь и его шкура», написанной уже после Второй мировой войны, И. Л. Солоневич повторил, что революция есть закономерное развитие всей предшествующей истории русской интелли-

Причины революций 1917 года в трудах И. А. Ильина
и И. Л. Солоневича: сравнительный анализ

генции, которая всегда занималась только утопическим прожектерством и искажением действительности [6. — С. 89].

Для И. Л. Солоневича также были важны и внешние факторы революции, однако не все они имели одинаковый вес. Он был совершенно не согласен с конспирологическими версиями, распространенными в Белой эмиграции. Хотя он не сомневался в английских интригах против монаршей четы и немецких деньгах, которыми щедро снабжались революционеры, сама мысль о предательстве российскими элитами своей страны за иностранные деньги казалась ему необъективной и даже глупой. Важнейшим внешнеполитическим фактором революции для И. Л. Солоневича была война, а точнее плохая организация тыла и поражение на фронте, осадившие патриотический подъем времен начала войны [7. — С. 216].

В целом И. Л. Солоневич рассматривал события февраля 1917 г. как переворот, который в итоге привел к деградации государственной машины и приходу к власти большевиков. Публицист не находит революции никакого оправдания. Ей

способствовали лишь неудачное стечение обстоятельств русской истории и недалекость внутрироссийских групп влияния, боровшихся за власть и не считавшихся ни с какими рисками ни для себя, ни для собственной страны.

И. Л. Солоневич делает свое заключение о революции: «...революции нет никакого оправдания. И в ней не было никакого „народа“. Была грязь, предательство, бездарность, бесчестность — немецкие деньги, английские влияния, безмозглое своекорыстие, — кровь и грязь, грязь и кровь...» [8]. Таким образом, можно сделать вывод, что революцию он рассматривал лишь как трагическую случайность.

Следует заключить, что И. А. Ильин и И. Л. Солоневич считали потерю связи между народом и верховной властью ключевой причиной революционного крушения Российской империи. Первый полагал, что к возникновению революционной ситуации в России привели духовные и психологические факторы, а второй — ситуационные.

Литература

1. Ильин И. А. Собрание сочинений: Мир перед пропастью. Часть III. Аналитические записки и публицистика (1928–1941) / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. — М.: Русская книга, 2001.
2. Ильин И. А. Собрание сочинений: Кто мы? О революции. О религиозном кризисе наших дней / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы; Им. указ. О. В. Лисицы; Худож. Л. Ф. Шканов. — М.: Русская книга, 2001.
3. Ильин И. А. Собрание сочинений: Русский колокол: Журнал волевой идеи / Сост. и комм. Ю. Т. Лисицы; Подгот. текста и имен. указ. О. В. Лисицы; Худож. Л. Ф. Шканов. — М.: ПСТГУ, 2008.
4. Панфилов К. С. И. А. Ильин о советском обществе // Актуальные проблемы теории и практики управления и социологии: материалы XIV научно-практической конференции / Под ред. Л. Е. Мошковой, С. В. Чегринцовой. — Тверь: Твер. гос. ун-т., 2015.
5. Солоневич И. Л. Народная монархия — М.: Издательство «Римис», 2005.
6. Солоневич И. Л. Загадка и разгадка России / М.: Издательство «ФИВ», 2013.
7. Солоневич И. Л. XX век. Так что же было? / М.: Издательство «ФИВ», 2009.
8. Солоневич И. Л. Великая фальшивка Февраля // «Неизвестные страницы Русской истории» [сайт]. — URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/february.htm#Тос432477102>.

Масс-медийный дискурс политизации ислама: к постановке проблемы

Аннотация

Затянувшийся социально-экономический, политический и культурно-нравственный кризис, в котором на протяжении долгих 1990-х и начала 2000-х гг. пребывало российское государство, привел к резкому слому в духовном сознании населения России, представляющего собой сложнейшее образование из десятков народностей и конфессий. Уникальная религиозная ситуация, которая сложилась, прежде всего, в среде российских последователей ислама, привела к возникновению до сих пор слабо изученных явлений по типу религиозного радикализма и «политизированной» веры. Однако именно феномен политизации религии, который был описан еще Гоббсом, Монтескье и Дюркгеймом, приобрел сегодня настолько ярко выраженные, специфические черты, что в пору уже говорить о постполитизации религии, в которой помимо собственно политического и собственно религиозного компонентов появляется еще один — компонент проблемы, компонент «столкновения цивилизаций», связанный с современными вызовами, ставшими следствием принципиально новых и неподдающихся контролю процессов. Например, как те, что происходят сегодня с мусульманской религией. Именно здесь мы становимся перед необходимостью не просто изучить теоретические аспекты политизации религии, но и при помощи конкретных образцов (в данном случае на примере процесса политизации ислама) сформулировать ключевые смыслы этого явления и изучить его актуальный масс-медийный дискурс, который во многом поможет пролить свет на современное восприятие политизации в российском обществе.

Ключевые слова: политизация религии, ислам, политизация ислама, масс-медиа, дискурс СМИ.

Автор

Абдуллаев Мурад Халилович

Кандидат филологических наук,
эксперт-аналитик
Агентства стратегических коммуникаций (г. Москва),
член Национальной ассоциации
масс-медиа исследователей (НАММИ)
(Москва, Россия)

Введение

Политические притязания мусульманской религии стали одной из основных тенденций тотальной

трансформации современного мироопорядка. Все чаще голос ислама слышен не в контексте духовных, морально-нравственных, этических основ поведения его последователей, а как голос политиче-

Масс-медийный дискурс политизации ислама

к постановке проблемы

ской доктрины, все активнее желающей участвовать в современном политическом процессе. Резко не принимая демократические взгляды и либеральные идеи Запада, мусульманский мир будто бы встает на реализацию собственного геополитического проекта, текущее наименование которому «Всемирный Халифат» (или же, говоря привычным для читателя языком, «единое исламское государство»).

Политизированность современного ислама проявляется практически во всем: от призывов следовать исключительно «чистому исламу» (по мнению радикально настроенных мусульманских религиозных течений, «чистый ислам» — это тот, что проповедовал сам пророк Мухаммад и первые три поколения его сподвижников; ислам без нововведений и накопленных за 14 веков дополнительных, подогнанных под те или иные исторические обстоятельства интерпретаций) до умышленного преувеличения (или наоборот, заведомого приуменьшения) действительной численности мусульманского населения планеты. В мусульманских странах резко возросли случаи государственных переворотов и попыток изменить политическую систему или государственный режим. Все эти революции, как правило, подпитываются религиозными канонами, именно к исламу как к политической платформе пытаются обратиться лидеры и последователи оппозиционных, радикальных сил.

Конечно, насколько действительно религиозными мотивами руководствуются, к примеру, религиозные псевдоисламские экстремисты — это другой вопрос, однако именно ислам как одна из трех мировых религий выходит здесь на первое место. Именно каноны ислама пытаются адаптировать реакционные силы под свою политическую идеологию, что приводит к выводу о формировании современной концепции ислама на *биидеологической основе*:

- 1) «ислам как религиозная идея»,
- 2) «ислам как инструмент политических притязаний» (или «ислам как политическая платформа»).

Именно во втором случае мы переступаем в плоскость «политизированной религии», которая сегодня заменяется другим наиболее популярным и устоявшимся термином — «политизация ислама». Подходов к определению сущности данного феномена и классификации его специфических черт множество, однако рассмотреть основные из них и сформулировать наиболее подходящую для целей данного конкретного исследования интерпретацию указанного термина считаем крайне важным.

В то же время красной нитью будет проведена нами идея недопустимости чрезмерной политизации мусульманской конфессии — в отдельных случаях игры в плохих «исламских террористов» могут перейти грань допустимого и повлечь ущемление или даже оскорбление чувств верующих. Уже неоднократно отмечалось, что повсеместная синонимизация ислама с такими понятиями, как «терроризм» и «экстремизм», — это кощунственная практика, которая задевает чувства миллионов мусульман в нашей стране, последователей религии «мира и добра», в священнописании которой заложено абсолютное неприятие насилия или гнета, кроме случаев, когда мусульманской умме приходится обороняться. Увы, но современная практика политизации ислама («обкатанная», в первую очередь, усилиями средств массовой информации) не просто переходит грань прав человека на свободу совести и вероисповедания, но и формирует в обществе опасный, резко негативный фон, именуемый «исламофобией».

Этим и ряду других сопутствующих аспектов политизации религии (на примере политизации ислама) и будет посвящено наше исследование.

Теоретические подходы к определению понятия «политизация религии»

Единогласного подхода к определению такого сложного и неоднозначного понятия, как «политизация религии», не может быть уже по определению. В отечественной науке сложилось несколько подходов к интерпретации рассматриваемого термина. Например, такие исследователи, как М. В. Данилов, В. С. Лебедев и ряд других, рассматривают политизацию в разрезе проблематики соотношения «политического» и «неполитического»: «политизация представляет собой процесс обретения политического статуса проблемами и явлениями, изначально таковыми не обладавшими. Политизируются экономические, культурные, правовые, административные, религиозные, нравственные и иные феномены, т. е. политизация означает, по сути, перетекание проблемы из какой-либо иной социальной сферы в политическую» [6. — С. 8]. Что касается научного подхода В. С. Лебедева, то этот ученый рассматривает политизацию религии также с позиций соотношения «политического» и «религиозного». Понимая, что дать единую, емкую синтаксическую интерпретацию «политизации религии» практически невозможно, Лебедев выделяет три уровня, на которых проявляется это явление:

«На институциональном уровне она может быть выражена в виде взаимовлияния «правил игры», политических и религиозных практик, когда религиозный капитал кооптируется в политический, а политический вес различных акторов может влиять на процессы трансформации религиозной картины и религиозных практик в обществе. Также можно говорить и о политизации дискурса, при которой религиозные понятия в сознании индивидов оказываются связаны с политическими, что приводит к формированию политических установок верующих, разделению социума на «своих — чужих» по религиозному

принципу. Так, понятия «государство» и «власть» начинают носить религиозный характер. В сознании верующих возникают идеи построения исламского государства, а политики формируют лозунги наподобие «верховная власть должна принадлежать Аллаху». Наконец, можно сказать о символическом уровне, когда религиозные символы превращаются в политические и наоборот. Это заметно демонстрируется практикой превращения религиозных элементов одежды (нательный крест, хиджаб) в символы политической позиции индивида» [9. — С. 196].

Действительно, тенденции последних лет прямо указывают не только на использование отдельных религиозных символов, обрядов, установок в качестве орудия достижения политических целей, но и приводят саму «религиозную политику» к поощрению интересов тех религиозных групп и лидеров, которые бы хотели влиять на политическую власть и контролировать ее. Более того, некоторые религиозные группы используют стратегии прописывания для себя роли в политике и получения ее путем возбуждения религиозных чувств, направленных против других религиозных групп либо против самого государства и его конституционно-правовых основ. Подобного рода фанатики, использующие религию в качестве прикрытия для достижения вполне конкретных политических и финансовых целей, обычно позиционируют себя как истинные защитники своей веры, якобы находящейся под угрозой со стороны «врагов»: официальных властей, представителей других религиозных групп, стран Запада и многих др. Таким образом, религия политизируется не какими-то внешними силами, а самими представителями данного вероисповедания.

По мнению исследователя из Чеченского госуниверситета С.-Х.М. Нунуева, «политизация ислама определяется в качестве процесса экзогенных и эндогенных изменений в организационном, коммуникативном, идеологическом и деятельност-

Масс-медийный дискурс политизации ислама к постановке проблемы

тном аспектах бытия конфессии. В ходе и итоге данного процесса превратно трактуемый ислам становится религиозно-политическим учением, обоснованием борьбы за власть. При этом политический ислам подчас применяется секулярными субъектами политики (органами власти, политическими и интеллектуальными элитами, СМИ) для достижения прагматических задач: роста своего влияния, контроля над массовым общественным мнением, подавления соперников и т.д.» [13. — С. 10].

В этой связи интересно привести позицию Г. В. Станкевича, который не видит в политизации религии ничего противоестественного: «...Она естественная и потому возможна в силу наличия в каждой религии политической составляющей, позволяющей приложить религию к политической практике. Поэтому сторонники политических религий называют себя не «исламистами» и «православистами», а «мусульманами» и «православными» (иногда даже «истинными»). Хотя для многих ученых такая форма религии является «не настоящей», ущербной по отношению к «просто религиям», которые понимаются исключительно как «путь личного спасения» [17. — С. 97].

Однако здесь важно отметить, что сама по себе религия (например, ислам) не может выступать в качестве основы, в роли политической платформы. Религия направляет свои усилия к сердцам людей, а не к их корыстным желаниям, к которым в данном случае можно отнести и стремление к политическому влиянию, к власти. Отдельные аспекты религии, специфические интерпретации конкретных положений ее священной писания, вольное обращение со смыслами религиозного учения могут быть использованы конкретными силами в качестве обоснования радикальных политических действий. Именно это мы наблюдаем сегодня в аспекте все более уверенного проникновения ислама в современный политический процесс, которое и получило название «политизация ислама».

Изучив ряд теоретических работ, посвященных проблематике политизации ислама, мы обнаружили, что одно из наиболее удачных определений данному термину дали в своей статье Г. И. Юсупова и Д. А. Алиева. Названные исследователи считают, что «...под политизацией ислама следует рассматривать процесс активного включения исламского фактора в сферу общественно-политической жизни региона или страны... Политизация ислама — это реакция мусульманского мира на глобальные вызовы, непосредственно затрагивающие экономический, политический и идеологический аспекты развития мусульманского сообщества (уммы)» [19. — С. 10].

Поддерживая позицию авторов приведенного выше определения, мы тем не менее считаем необходимым сформулировать собственную дефиницию, подходящую под специфику и цели настоящего исследования. Итак, под *политизацией ислама* следует понимать *вовлечение исламского религиозного фактора в актуальные политические процессы современности через специфическую интерпретацию положений мусульманского священнописания с целью достижения конкретных политических, управленческих, идеологических и финансовых результатов.*

Рассмотрим вкратце актуальный медийный дискурс политизации ислама с целью изучения текущих тенденций к пониманию этого явления.

Медийный дискурс политизации ислама: позиции СМИ

Изучение практики освещения проблематики политизации ислама федеральными и региональными (дагестанскими) средствами массовой информации привело нас к следующим результатам.

Во-первых, *львиная доля публикаций, посвященных проблематике политизации ислама, принадлежит авторству не редакционных журналистов, а экспертов, глубоко*

Тема номера: «Научные исследования молодых политологов»

ко и качественно изучивших исследуемое явление, специалистов, которым действительно есть что сказать по этой теме. Причем подобная специфика характерна как для федеральных, так и для региональных изданий. Говорит это не только о сложности проблемы, необходимости экспертного подхода к ее изучению и раскрытию для подачи на суд читательской аудитории, но и о том, что писать о таких неоднозначных и спорных явлениях журналисты стараются как можно реже. Во-первых, есть риск быть обвиненным в дилетантизме и некачественном изучении проблемы, а во-вторых, имеют место быть объективные опасения непрофессионально подать информацию, в попытках найти фактологию «погорячее» прослыть профаном или вовсе быть непонятым своей аудиторией, а значит, потерять ее доверие.

Именно поэтому тексты, посвященные политизации ислама, «политическому исламу» и смежным темам, как правило, являются экспертными. Например, в «Независимой газете» с 2013 г. не раз выходили публикации экспертов из профильных институтов РАН или исследовательских центров МГИМО (У) МИД (к примеру, статья Вениамина Попова, директора Центра партнерства цивилизаций МГИМО (У) МИД РФ «Карт-бланш. Ислам требует большего внимания» [15]). Часто публикует экспертные тексты и газета «ВЗГЛЯД». Например, обзорная статья президента Института Ближнего Востока Евгения Сатановского о причинах политизации ислама и связанного с ним «исламского радикализма» в России [16], или статья «Ислам и демократия» [7] ведущего научного сотрудника Центра международной безопасности ИМЭМО РАН Станислава Иванова, в которой рассматриваются отдельные аспекты политизации мусульманской религии и др.

Во-вторых, для публикаций исследуемой тематики очень часто характерно наличие поиска или обращения к причинам политизации. Во многих текстах (характерно это и для федеральных изданий,

и для региональных СМИ) такие причины прямо прописываются:

— «Рост популярности политического ислама, включая и его радикальные версии, зачастую происходит не из-за какой-то изоциренности заезжих или местных проповедников, а из-за системных провалов светской власти на Северном Кавказе: неработающие суды, коррупция среди правоохранителей, некачественное образование на уровне школы и университета. В правовом и управленческом вакууме поборники шариата (даже без должных знаний данного предмета) пытаются заполнить нишу» [10].

— «Причину сегодняшнего религиозного экстремизма следует искать вовсе не в государственной политике по отношению к религии. Распался коммунистически идеологизированный Советский Союз. В результате образовалась идеологическая пустота, которую поспешили заполнить религиозные течения. В результате этого сама религия политизировалась, что очень опасно: претендует на политическую власть» [15].

— «...усиление религиозного экстремизма в современном мире связано с политизацией религии. Религиозная вера снова становится фактором политического противостояния... Происходит сильная поляризация, модернизация усиливает религиозный протест, а поскольку религия затрагивает сферу чувств и мало поддается рациональному контролю, этот протест нередко принимает экстремистские формы» [18].

В-третьих, особый интерес вызывает лингвистический аспект исследования, а именно специфика языка публикаций, посвященных проблематике политизации религии в целом и ислама в частности: зачастую в таких текстах наблюдается переход автора от «легкого на восприятие» публицистического изложения к языку академическому, увлечение «строгой теорией»:

— «С одной стороны, политизация ис-

лама — это процесс «возрождения» религии и клерикализации политики (использования религии, в данном случае ислама, в политических целях). С другой стороны, политизация ислама представляет собой попытку переноса части нерешенных социально-экономических и духовно-идеологических проблем в политическую сферу, означает их наивысший накал, обостренную общественную значимость и актуальность, а также неспособность субъектов принимать политико-управленческие решения и справляться с ними при помощи общепринятых методов воздействия» [4].

- «После продолжительного доминирования светского подхода к религиозным конфессиям ислам ныне переживает период духовного подъема, во много крат увеличилось число мечетей, медресе, культурно-социальных мусульманских учреждений. Однако этот процесс религиозного возрождения идет сложным путем, в некоторых случаях смешиваясь и переплетаясь с явлениями политического характера. Ислам стал использоваться различными движениями для пропаганды идей и норм поведения, не имеющих ничего общего ни с подлинным учением, ни с существовавшими в мусульманских общинах России традициями, а нередко и для оправдания явно подрывных, националистических, сепаратистских целей» [15].

В-четвертых, *обращение к текстам священнописания как к единственно возможным достоверным источникам знаний об исламе:*

- «Сегодня же идеологические и прочие баталии о джихаде повсеместно идут вокруг двух его разновидностей: «меча» и «сердца». И это спор без правил, в котором истина перемешена с ложью, ненавистью, попытками примитивного восприятия и вульгарной политизации вероучения для достижения совершенно очевидных целей. Чтобы

уяснить суть джихада «меча», необходимо несколько утрированный анализ отношения мусульман как к окружающим народам, так и к феномену войны... Слово «джихад» в прямом переводе с арабского языка означает «усилие», «приложение всех сил». Оно — слово — в сурах Священного Корана упоминается 4 раза в форме существительного, а в форме глагола — свыше 20 раз. Священный Коран подчеркивает, что «верующие только те, которые уверовали в Аллаха и Его посланника, потом не испытывали сомнений и усердствовали своими имуществами и своими душами на пути Аллаха. Они искренние» (сура ал-Худжурат, 15)» [2].

- «Ни Коран, ни Сунна не содержат ясных указаний относительно формы политического строя, и поэтому можно сказать, что не существует какой-либо обязательной для всех мусульман исламской политической теории, следовательно, не может быть и речи о религиозной обязанности установления исламского политического порядка, как считают некоторые идеологи исламизма» [5].

В-пятых, наличие в тексте публикации *элементов прогнозирования, возможной оценки развития событий + попытка дать ответ на вопрос «что делать?»:*

- «Как бы это не неожиданно звучало, для блага ислама следует осуществить его деполитизацию, вопреки тем призывам, которые мы слышим последние годы о неотделимости ислама от политики. Необходимо отказаться от идеи первостепенности политических задач в виде создания исламского государства и прочего, т.к. они в итоге приводят либо к радикализму, либо к конформизму и деградации. Нужно вывести ислам из-под удара политики, сохранив его ключевую роль в общественной жизни» [8].
- «Политизация религии в российском обществе опасна тем, что она может привести к масштабной гражданской

Тема номера: «Научные исследования молодых политологов»

войне и распаду России как государства в нынешних границах. Конечная цель политизации религии в республиках Северного Кавказа направлена на отторжение региона от России» [14].

— «Усиление в России радикальных, экстремистских сторон политического ислама, которое проявляется в террористической активности, может стать существенным фактором территориальной и социальной дезорганизации страны. Вместе с тем растет необходимость категорически избежать огульного осуждения мусульман как таковых. Преобладающее большинство их достойные люди и патриоты России» [11].

В-шестых, *авторская позиция*: как правило, в текстах, которые были нами исследованы, авторская позиция сводилась к тем прогнозам и попыткам дать оценку возможному развитию событий, которые уже были приведены в предыдущем пункте. Однако следует подчеркнуть, что в некоторых текстах авторское отношение к излагаемой проблеме выражалось *эмоциональным состоянием автора, его равнодушием к сложившейся ситуации, его желанием донести до читателя, что политизирование ислама, сведение его исключительно к политическим догматам — ошибочное поведение, заблуждение «несведущих», которое может ударить по чувствам верующих*:

— «Не сводится Ислам и к политической доктрине, как пытаются его представить избравшие путь политического авантюризма. Напротив, Ислам — образ жизни полутора миллиардов человек и охватывает все ее сферы, от образования, науки и медицины до культуры, искусства и спорта. Он глубоко проникает в уклад семьи, в устройство общества и целых цивилизаций. Не обходит Ислам и вопросы политики, однако и не концентрирует все внимание на ней» [5].

— «...крайние формы политизации ислама сопровождаются попытками расколоть российских мусульман» [12].

— «Некоторые политические силы ис-

пользуют ислам, а точнее, его радикальные течения, кстати сказать, исторически нехарактерные для российских мусульман, в целях ослабления нашего государства: для создания на российской территории зон управляемых извне конфликтов, внесения раскола между различными этническими группами внутри самой мусульманской общины, для разжигания в регионах сепаратистских настроений» [3].

— «...политизация ислама способствует распространению и подпитыванию религиозного экстремизма, радикальных настроений в мусульманских общинах, разрушению складывавшихся веками устоев веротерпимости и мирного сосуществования с другими религиозными группами» [15].

Краткие выводы

Политизация религии — это сложный и неоднозначный процесс, связанный с резким, радикальным взаимопроникновением политики и религии. Современная геополитическая ситуация, характеризующаяся в том числе усилением позиций т.н. «исламистских политических движений», подразумевает сильное внешнее влияние на локальные процессы, происходящие, к примеру, в России. В течение 1990-х и первого десятилетия 2000-х гг. в нашей стране наблюдался усиленный процесс политизации ислама, использование религиозных мотивов в их радикальной интерпретации для достижения противоправных политических целей. Радикализация псевдорелигиозных группировок, прикрывающихся канонами ислама и вольно интерпретирующих содержание мусульманского священнописания, сопровождалась враждебной, общественно опасной демонстрацией политических притязаний исламистов.

Ислам, таким образом, стал все чаще выступать как политический инструмент, как средство ведения необъявленной войны. Именно в результате умышленной,

Масс-медийный дискурс политизации ислама

к постановке проблемы

целенаправленной политизации ислама отношение к этой религии стало острым, если не презрительным. Современные исследователи при этом не могут сойтись во мнениях, что есть «политизация религии» и что же такое «политизация ислама». Не вносит ясности и масс-медийный дискурс по данной теме. Более того, он, как нам удалось выяснить, носит стихийный, фрагментарный характер, журналистское сообщество редко обращается к этой проблематике. Практически весь медийный дискурс сводится к редким экспертным текстам, которые блекнут на фоне остального информационного потока в сфере политики, не говоря уже о том, что нет четко выработанного информационного инструментария противодействия вольному обращению с отдельными политическими смыслами, содержащимися в Коране или Сунне, повсеместной практике использования политического контекста по отношению к исламу [1], тогда как ценность и богатство духовной составляющей этого верования (которая, в общем-то, и является основной) остаются на заднем плане, не представляют интереса для СМИ.

С другой стороны, возникает проблема религиозизации, исламизации политики, ставшей результатом сильного взаимовлияния мусульманской религии и процес-

сов глобализации. Это отчасти привело к искажению реальности в СМИ, когда образ Запада или образ, например, российского демократического правового государства искажается, преподносится как враждебный для ислама. В то же время постоянное отождествление мусульманской религии с негативными явлениями: «ислам — фундаментализм — радикализм — экстремизм — терроризм» приводит к восприятию этой религии как инструмента политического насилия; мало кто объясняет читателю, что «политизированный ислам» и ислам — мировая религия, духовная идея, уже 14 веков ведущая за собой 1,5 млрд верующих, — это две принципиально разные константы...

Именно отсюда вытекает идея кардинального изменения как научно-популярного, практико-политологического, так и журналистского дискурса политизации ислама, необходимость выработки согласованной концепции, которая способствовала бы доведению до читателя действительного положения дел на фронтах взаимодействия религии и политики, позволила бы по-новому открыть ислам миру, донести до представителей других конфессий истинные идеи и послылы, с которыми в действительности звучит голос ислама — религии мира и добра.

Литература

1. Абдуллаев М. Х. Понятие «экстремизм» в ряду других терминов, используемых российскими СМИ при освещении проблематики религиозно-политического экстремизма (на примере республики Дагестан) // Медиаскоп. 2016. — Вып. 1. — URL: <http://mediascope.ru/node/2081> (дата обращения: 01.08.2017).
2. Ахмеднабиев А. Час джихадов // Черновик. 2005. 16 сент. — URL: <https://chernovik.net/content/monotheos/chas-dzhihadov-1> (дата обращения: 04.08.2017).
3. В. Путин: Радикальный ислам используют для ослабления России // Независимая газета. 2013. 23 окт. — URL: <http://www.ng.ru/news/447253.html> (дата обращения: 03.08.2017).
4. Возникновение ИГИЛ — как результат активной политизации ислама // Кавказская политика. 2014. 21 дек. — URL: <http://kavpolit.com/blogs/funakoshi/9720> (дата обращения: 03.08.2017).
5. Гиниятуллин Р. Политизация ислама // Информационно-аналитический федеральный портал «Ислам Сегодня.ру». 2014. 8 янв. — URL: http://islam-today.ru/islam_v_mire/politizacia-islama (дата обращения: 05.08.2017).

6. *Данилов М. В.* Политизация в современном обществе как объект политических исследований // Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы. Тезисы докладов V Всероссийского конгресса политологов. — Москва, 20–22 ноября 2009. — URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Danilov_RAPN.pdf (дата обращения: 02.08.2017).
7. *Иванов С.* Ислам и демократия // Взгляд. 2014. 14 февр. — URL: <https://www.vz.ru/opinions/2014/2/14/672575.html> (дата обращения: 04.08.2017).
8. *Исаев Г.* Политический ислам: перспективы развития // Черновик. 2014. 26 июн. — URL: <https://chernovik.net/content/inye-smi/politicheskiy-islam-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 04.08.2017).
9. *Лебедев В. С.* Политизация религии в современном мире: концептуализация проблемы // ПОЛИТЭКС. 2015. — Т. 11. № 3.
10. *Маркедонов С.* Лицом к кавказским национальностям // Московский комсомолец. 2014. 28 мая. — URL: <http://www.mk.ru/politics/2014/05/28/litsom-k-kavkazskim-natsionalnostjam.html> (дата обращения: 05.08.2017).
11. Неотложная к решению проблема // Российская газета. 2012. 4 апр. — URL: <https://rg.ru/2012/04/04/islam.html> (дата обращения: 04.08.2017).
12. *Новоселова Е.* Вера это не сон разума // Российская газета. 2016. 26 окт. — URL: <https://rg.ru/2016/10/26/islamovedy-i-teologi-obedinilis-radi-borby-s-ekstremizmom.html> (дата обращения: 04.08.2017).
13. *Нунуев С.-Х. М.* Политизация ислама в контексте стратегий акторов политического процесса: направления современных исследований в России // Известия Сочинского государственного университета. — 2015. — № 2 (35).
14. *Нурмагомедов Г.* Коварный билет в рай // Дагестанская правда. 2011. 3 март. — URL: http://www.dagpravda.ru/rubriki/politika/15230/?sphrase_id=36009 (дата обращения: 05.08.2017).
15. *Попов В. В.* Карт-бланш. Ислам требует большего внимание // Независимая газета. 2013. 11 нояб. — URL: http://www.ng.ru/faith/2013-11-11/3_kartblansh.html (дата обращения: 03.08.2017).
16. *Сатановский Е.* Исламский радикализм в Россию «понаехал» // Взгляд. 2014. 9 дек. — URL: <https://www.vz.ru/opinions/2014/12/9/719416.html> (дата обращения: 04.08.2017).
17. *Станкевич Г. В.* Политизация религии: теория и методология исследования проблемы: монография / Г. В. Станкевич. — Ставрополь: Параграф, 2010.
18. *Фаликов Б.* Россия — в тренде // Коммерсант. 2016. 14 нояб. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3125450> (дата обращения: 02.08.2017).
19. *Юсупова Г. И., Алиева Д. А.* Политизация ислама в Дагестане // Исламоведение. — 2011. — № 4.

Отношения государства и религиозных объединений в Удмуртской Республике: системно-институциональный анализ

Аннотация

В статье рассматривается взаимодействие государства и религиозных объединений через представления этих отношений в виде системы, имеющей сложную внутреннюю структуру, которая состоит из разнородных элементов, связанных между собой и коммуницирующих с внешней средой. Посредством изучения конкретного примера — системы отношений государства и религиозных объединений в Удмуртской Республике — обозначаются основные элементы, участвующие в этом взаимодействии, раскрывается их институциональное положение и указывается роль, которую они играют в рамках названного процесса. Отдельное внимание автором уделяется тем компонентам системы, которые традиционно не рассматриваются в качестве полноценных сил, но способны оказывать серьезное влияние, — органам местного самоуправления и национально-культурным объединениям.

Ключевые слова: религиозные объединения, государственно-конфессиональные отношения, Удмуртская Республика, межрелигиозные отношения.

Автор

Зворыгин Роман Викторович

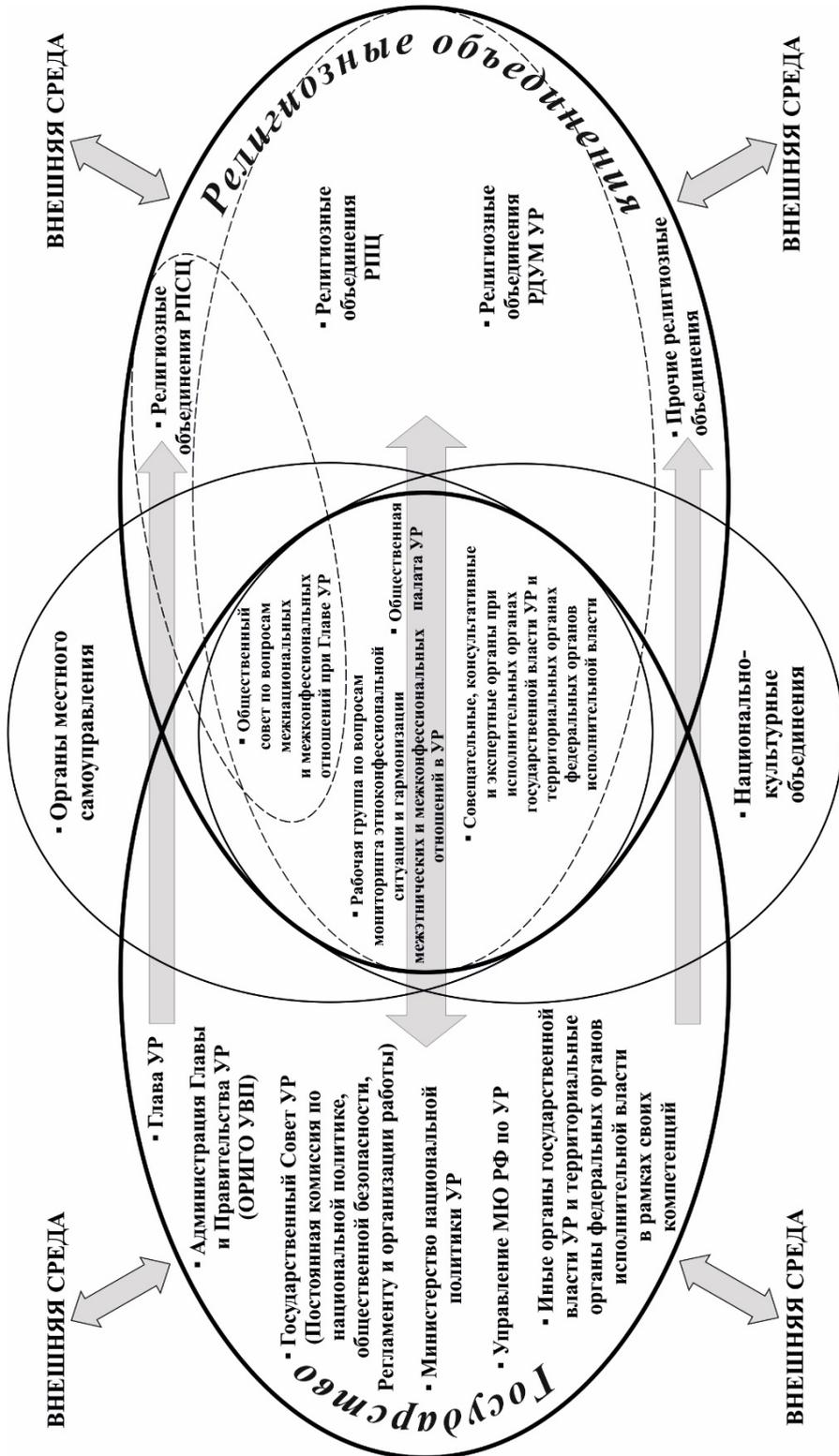
Студент магистратуры
факультета государственного управления
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Трансформационные процессы конца 1980-х — начала 1990-х гг., затронувшие все сферы общественного бытия советского общества, не обошли стороной и сферу духовную. Всего за несколько лет сменилась парадигма отношений государства к религиозным объединениям, и запустился процесс институционализации контактов между ними, происходивший как на федеральном, так и на региональном уровнях. К настоящему моменту в каждом субъекте федерации сформированы системы отношений государства и религиозных объединений, изучение которых представляется возможным провести

на основе системно-институционального подхода, в рамках которого рассматривается комплекс институтов через призму их формальных взаимосвязей.

Под системой отношений государства с религиозными объединениями в регионе мы будем понимать некую целостность, состоящую из определенного набора элементов (органов государственной власти, различных религиозных объединений и др.), которые взаимодействуют между собой и оказывают друг на друга воздействие, способное привести к изменениям в них самих. Причем сила (она зависит как от формального, так и неформального напол-

Отношения государства и религиозных объединений в Удмуртской Республике

нения), с которой элементы влияют друг на друга, различна: одни вынуждены довольствоваться ролью объекта, на который давят окружающие его более мощные части системы; другие являются полноценными субъектами, способными воздействовать на состояние всей целостности.

Внутреннее состояние системы зависит от характера взаимодействия элементов ее составляющих и давления со стороны внешней среды. Действительно, система существует не в вакууме, а активно контактирует с окружающей, внешней по отношению к ней средой, включающей в себя международное сообщество (международные религиозные организации, правозащитные структуры, международные судебные органы), федеральные органы государственной власти, органы государственной власти и местного самоуправления других регионов, научно-экспертное сообщество, бизнес-структуры, НКО, СМИ, различные социальные группы, граждан и др. Ее воздействие на систему может носить как эпизодический, так и перманентный характер.

Внешняя среда, способная влиять на функционирование системы, сама подвергается воздействию со стороны последней. Например, от проводимой в отношении определенной конфессии региональной политики зависит состояние ее адептов.

Система в некотором смысле гомеостатична, она стремится поддерживать свое внутреннее состояние, оставаться в том виде, в котором достигнуто ее максимальное равновесие (то есть найден баланс интересов элементов системы). Реагировать на давление со стороны внешней среды ей по понятным причинам приходится, однако делается это с наименьшими для себя потерями.

Стоит отметить, что хоть система и представляет собой целостность, элементы, ее образующие, обладают гомогенными интересами, так как их статусные позиции и ценности различны. Поэтому логично предположить, что не всегда их интенции будут совпадать. Однако нужно учитывать, что наличествующая конструкция системы

есть продукт длительного процесса нахождения платформ для диалога. За время, которое ушло на формирование отношений, между элементами системы были выстроены устойчивые связи, позволяющие им достаточно комфортно существовать и достигать своих целей. Следовательно, стремление к сохранению существующего порядка является стремлением как системы в целом, так и ее отдельных частей.

Для лучшего понимания устройства и функционирования системы отношений государства и религиозных объединений в регионе обратимся к рассмотрению конкретного примера — Удмуртской Республики (УР), в которой общий вид системы сформировался больше пятнадцати лет назад. За прошедшее время произошли незначительные изменения, в первую очередь, касающиеся наименования некоторых структур, а также создания новых органов, по большей части являющихся приемниками ранее существовавших.

В настоящее время система отношений государства и религиозных объединений в УР включает в себя, соответственно, государство, представленное органами государственной власти, и религиозные объединения (религиозные организации, религиозные группы), а также органы местного самоуправления (администрации и представительные органы муниципальных образований) и национально-культурные объединения (см. рис. на стр. 128).

Государство представлено следующими составляющими:

- Главой УР (подписывает от лица Правительства республики соглашения о сотрудничестве с религиозными организациями, совместно с Государственным Советом УР определяет внутреннюю политику региона);
- Отделом по развитию институтов гражданского общества в структуре Управления по внутренней политике Администрации Главы и Правительства УР (аккумулирует всю информацию о деятельности религиозных объединений в регионе и возникающих

Тема номера: «Научные исследования молодых политологов»

- в конфессиональной сфере конфликтах; подготавливает отчетную документацию в ФАДН; организует тематические учебные семинары для государственных и муниципальных служащих);
- Постоянной комиссией по национальной политике, общественной безопасности, Регламенту и организации работы Государственного Совета УР (готовит законопроекты и заключения на законопроекты, напрямую затрагивающие деятельность религиозных объединений);
 - Министерством национальной политики УР (осуществляет мониторинг состояния межконфессиональных отношений в регионе; организует мероприятия, направленные на профилактику экстремизма и ксенофобии на религиозной почве; участвует в проведении этнологической, этнопсихологической, этнолингвистической экспертизы материалов, разжигающих религиозную рознь; отвечает за реализацию на территории УР документов стратегического планирования в сфере этноконфессиональных отношений);
 - Управлением Министерства юстиции РФ по УР (регистрирует религиозные организации, контролирует соблюдение зарегистрированными религиозными организациями уставов относительно целей и порядка их деятельности, обращается в суд по вопросам признания религиозной организации, прекратившей свою деятельность, ликвидации религиозной организации, запрета деятельности религиозного объединения) [4];
 - иными исполнительными органами государственной власти УР и территориальными органами федеральных органов исполнительной власти по УР в рамках своих компетенций, затрагивающих интересы религиозных объединений, поэтому также осуществляющими взаимодействие с ними. Особенно тесные контакты выстроены с Министерством образования и науки УР, Министерством социальной, семейной и демографической политики УР, Министерством внутренних дел по УР и др.;
- силовыми структурами (УФСИН России по УР, УФСБ РФ по УР и СУ СК РФ по УР), в последние годы активизировавшими работу по взаимодействию с религиозными объединениями. В первую очередь, это вызвано возрастанием угрозы проявлений экстремизма и терроризма на национальной и религиозной почве. В рамках этого взаимодействия были проведены дополнительные проверки деятельности религиозных объединений, а также организованы тематические круглые столы и конференции с целью информирования заинтересованных лиц о формах деятельности экстремистских групп и методах противодействия им.
- Помимо органов государственной власти в УР существенное значение придается функционированию консультативных, экспертных и общественных структур по религиозным вопросам, которые призваны служить площадкой для государственно-конфессионального и межконфессионального диалога, рассмотрения проблем, сопровождающих данную сферу, и выработки предложений по их решению. Среди подобных структур на республиканском уровне функционируют Общественный совет по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений при Главе УР (выработка инициатив и предложений Главе УР по развитию межнациональных и межконфессиональных отношений, а также независимая оценка работы органов государственной власти УР и органов местного самоуправления в УР в обозначенной сфере [5]), Рабочая группа по вопросам мониторинга этноконфессиональной ситуации и гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в УР (оперативное рассмотрение вопросов, касающихся реализации государственной национальной политики и состояния внутриконфессиональных и межконфессиональных отношений, и выработка предложений по их решению), Общественная палата УР (Комиссия по безопасности, пра-

Отношения государства и религиозных объединений в Удмуртской Республике

вам человека, взаимодействию с общественными советами и СМИ — занимается выработкой «путей обеспечения межэтнического и межрелигиозного согласия, гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений» [2]).

Помимо обозначенных структур существуют различные совещательные, консультативные и экспертные органы при исполнительных органах государственной власти УР и территориальных органах федеральных органов исполнительной власти, к деятельности которых приглашаются представители религиозных объединений с целью учета потребностей и интересов, защиты прав граждан, общественных объединений и иных некоммерческих организаций при выработке и реализации государственной политики в сфере функционирования органа государственной власти. К примеру, Общественный совет при Министерстве образования и науки УР.

Вторым основным актором системы являются религиозные объединения, условно разделенные на три группы. Наиболее объемная представлена православными и мусульманскими религиозными объединениями, традиционно играющими значительную роль в общественной жизни региона. Религиозные объединения РПЦ и РДУМ активно взаимодействуют с органами государственной власти посредством заключения соглашений о сотрудничестве (около 30) и участия в работе всех совещательных и консультативных органов республиканского и ведомственного уровней.

Вторая группа включает старообрядческие православные религиозные объединения (РПСЦ), чья историческая укорененность не вызывает сомнений, а близость к РПЦ позволяет формировать в достаточной мере плотный и конструктивный процесс диалога. Кроме того, в последнее время все ярче проявляется тенденция привлечения старообрядцев к общественным процессам региона, что во многом обуславливается общефедеральным трендом на конструирование более тесных отношений с ними. Так, в 2015 г. представитель РПСЦ был включен в

состав Общественного совета по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений при Главе УР, тем самым получив возможность отстаивать интересы старообрядцев.

Последняя группа состоит из множества религиозных объединений разнообразной конфессиональной принадлежности, в первую очередь, протестантов, новых религиозных движений и т. д. Нередко многие из них рассматриваются в качестве чужого, инокультурного, незнакомого, поэтому жители республики и органы государственной власти относятся к ним с недоверием. Вместе с тем очень часто со стороны данных религиозных объединений не наблюдается открытости и желания принимать участие в общественной жизни региона, либо, наоборот, практикуется агрессивное миссионерство. По этим и другим причинам представители обозначенных религиозных объединений не входят в состав консультативных и экспертных органов по религиозным вопросам и крайне редко взаимодействуют с органами власти, соприкасаясь с ними главным образом в рамках процедур Управления Минюста РФ по УР и мероприятий правоохранительных органов.

Третьим компонентом системы являются органы местного самоуправления, которым традиционно уделяется второстепенное значение при рассмотрении вопросов, связанных с управлением в государстве. Более детальное изучение законодательства показывает, что данные органы обладают значительным набором полномочий, позволяющих им играть важную роль в системе отношений государства с религиозными объединениями. Это право выделять землю под строительство зданий, сооружений религиозного или благотворительного назначения, согласовывать проведение публичных религиозных мероприятий, организовывать религиозные кладбища, ведать вопросами деятельности религиозных образовательных учреждений [6. — С. 26]. Кроме того, органам местного самоуправления переданы на попечение практически все обще-

образовательные организации, поэтому у них есть возможность непосредственно влиять на образовательный компонент в деятельности религиозных объединений (главным образом через курс ОРКСЭ) [1].

Последним актором системы являются национально-культурные общественные объединения, численность которых на сегодняшний день составляет 36. Они объединяют представителей 23 народов и имеют 185 отделений в городах и районах республики [3]. Свою деятельность национально-культурные объединения посвящают сохранению и закреплению традиций, обычаев, развитию конструктивного диалога между различными этносами, органами государственной власти, социальными группами по наиболее важным проблемам, а также поддержанию межнационального согласия в регионе. В связи с тем, что этническая и религиозная идентичность многих народов неразрывно связаны, национально-культурные объединения тесно контактируют с религиозными объединениями, что позволяет с большей эффективностью доносить до руководства

региона предложения по совершенствованию межнациональных и межконфессиональных отношений, выступающих одним из составных звеньев социально-политической стабильности в республике.

Таким образом, проведенный анализ позволил более комплексно посмотреть на отношения государства и религиозных объединений, представленных в виде саморегулирующейся системы, стремящейся к сохранению внутреннего баланса, но способной изменяться под давлением внешней среды или внутренних процессов. Были показаны институционально оформленные различия между религиозными объединениями Удмуртской Республики, а также обозначена роль органов местного самоуправления и национально-культурных общественных объединений в процессе отношений государства и религиозных объединений. В итоге можно констатировать, что лишь при системном рассмотрении поднятой проблемы будет возможность содержательно ответить на вопросы, связанные с профессиональной сферой.

Литература

1. Зворыгин Р. В. Конфессиональный фактор в образовательной сфере современной России: на материалах Удмуртской Республики // Стратегия формирования экономики знаний и инноваций в России: сборник статей / Под ред. М. В. Кудиной. — М.: Издательство Московского университета, 2017. — С. 98–106.
2. Комиссия Общественной палаты по безопасности, правам человека, взаимодействию с общественными советами и СМИ // Общественная палата Удмуртской Республики. — URL: http://www.op.udmurt.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=148&Itemid=66 (дата обращения: 26.07.2017).
3. Национально-культурные общественные объединения Удмуртской Республики // Министерство национальной политики УР. — URL: <http://www.minnac.ru/minnac/info/13838.html> (дата обращения: 19.07.2017).
4. О свободе совести и о религиозных объединениях: федеральный закон РФ от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ. — Доступ из справочно-правовой системы «Кодекс».
5. Об Общественном совете по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений при Главе Удмуртской Республики: указ Главы Удмуртской Республики от 14.09.2015 г. № 182. — Доступ из справочно-правовой системы «Кодекс».
6. Чибизова Т. Д. О религиозной ситуации и опыте взаимодействия с религиозными объединениями // Опыт органа местного самоуправления по взаимодействию с национально-культурными автономиями, этническими и религиозными организациями: сборник материалов межмуниципального семинара (Сургут, 30 сентября 2011 года) / Под редакцией Т. Д. Чибизовой. — Сургут: ОЖК, 2011. — С. 21–29.

Программа PolitIQ в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова

Программа PolitIQ была запущена в 2016 г. при поддержке факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова и целевого фонда «Истоки» (учредитель — В. И. Якунин).

Цель программы — оказание поддержки талантливым молодым российским и зарубежным специалистам по получению качественного политологического образования мирового уровня и развитию их научного потенциала, установлению эффективного международного взаимодействия в образовательной и научной сферах.

Некоторые проекты, реализуемые Программой в настоящий момент:

- 1) Международные курсы по политологии на базе МГУ.
- 2) Стипендиальная программа по обучению российских студентов в летних школах зарубежных вузов.
- 3) Магистерская программа на английском языке (первый набор начнется в 2018 г.).
- 4) Лекции, интервью известных политологов на ютуб-канале Программы.
- 5) Статьи и комментарии экспертов на темы актуальной мировой повестки.

В 2017 г. гранты PolitIQ на обучение в Летних школах зарубежных вузов получили три студентки факультета политологии МГУ. Партнерами проекта в этом году стали Королевский колледж Лондона, Берлинский университет имени Гумбольдта и Парижский Science Po.

Инициатором программы является Владимир Иванович Якунин. В 2007 г. В. И. Якунин успешно защитил докторскую диссертацию «Процессы и механизмы формирования государственной политики в современном российском обществе» и в 2010 г. возглавил кафедру государственной политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Якунин является научным руководителем и председателем Попечительского совета Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН. Ежегодно Владимир Иванович читает лекции в нескольких зарубежных университетах в качестве приглашенного профессора.

Летняя школа King's college London

В процессе работы с российскими и иностранными студентами Владимир Якунин не мог не отметить недостаток объективных знаний о России и российской науке, политологической школе и тенденциях ее развития в зарубежном научном сообществе. Якунин В. И. был обеспокоен нехваткой взаимопонимания и взаимодействия между представителями российской и зарубежной политической науки.

Являясь президентом мирового общественного форума «Диалог цивилизаций» и соучредителем Исследовательского Института «Диалог цивилизаций», В. И. Якунин знал, что отсутствие объективной оценки происходящих в мире глобаль-

ных трансформаций, недооценка факторов, определяемых как цивилизационная идентичность, человеческие ценности, подмена содержания таких общепринятых терминов, как демократия, справедливость, равенство, явились причиной той нарастающей ошибки, которая вошла в инструментарий глобальной политической системы. Владимиру Ивановичу важно было донести эту мысль будущим политологам. По его убеждению, глобальный мировой кризис, развитие которого сейчас происходит в большинстве стран мира, не был прогнозируем, однако сегодня он оказывает влияние фактически на все сферы жизни государств.

Летняя школа Science Po

Владимир Якунин осознал необходимость поиска нестандартных возможностей для возвращения взаимодействия субъектов глобальной политики в соответствующую времени и реалиям институциональную политическую среду. Именно поэтому Владимир Иванович принял решение о создании новой образовательной программы по политологии PolitIQ, призванной дать необходимые знания молодому поколению,

которому предстоит справляться с вызовами современного развития на глобальном и национальном уровнях, оказать содействие появлению новой формации политологов, профессионально и объективно оценивающих мировые политические процессы с учетом многообразия различных культур и национальных традиций.

Сайт программы — <http://politiq.ru>

Школа политических лидеров. Дополнительная профессиональная программа повышения квалификации в РАНХиГС при Президенте РФ

«Школа политических лидеров» — это специальный образовательный проект РАНХиГС при Президенте РФ для желающих развиваться в сфере политики, основанный на проектно-ориентированном подходе. Он направлен на подготовку профессионалов в сфере политических технологий, консалтинга и государственной службы, а также на совершенствование компетенций людей, занятых в политической сфере.

Мы ориентированы на работу с действующими политиками и их помощниками, государственными и муниципальными служащими, сотрудниками аппаратов политических партий, общественными деятелями и бизнесменами.

Нашими преподавателями являются: члены Совета Федерации РФ, представители парламентских политических партий и общественных объединений, сотрудники федеральных органов исполнительной власти, ведущие политические технологи России.

Возможности программы:

- знакомство с опытом лучших специалистов;
- расширение деловых связей и контактов;
- развитие своих профессиональных навыков и компетенций.

Преимущества программы:

- удобное время обучения (четверг — воскресенье);
- курс содержит 30 % теории и 70 % практики;
- отработка навыков в деловых играх и при реализации собственных проектов.

По окончании обучения слушателям выдается удостоверение о повышении квалификации установленного государственного образца.

Контакты

- **Руководитель** — кандидат социологических наук Н. Н. Калмыков
- **Сайт:** <http://ps.ion.ranepa.ru/>
- **E-mail:** ps-ion@ranepa.ru
- **Тел.:** +7 (499) 956-03-38; +7 (985) 123-85-13

Школа политических лидеров РАНХиГС: мастер-класс по региональной работе от заместителя руководителя ЦИК ВПП «Единая Россия» А. Б. Парфёнова (на фото в центре) — руководителя Управления региональной и технологической работы партии

Программа именной стипендии для студентов-политологов в Российском государственном социальном университете

Пrestиж профессии политолога складывается из многих составляющих, где ключевым элементом неизменно является обучение по программе высшего образования в вузе. Профессия политолога востребована сегодня и является социально значимой в аспекте взаимодействия власти и общества на пути построения сильного современного государства.

Вот уже на протяжении 15 лет в Российском государственном социальном университете готовят будущих профессионалов в области политических наук, политических отношений, процессов и технологий. За этот период программа неоднократно трансформировалась в соответствии с вновь принятыми стандартами и требованиями. Но важным критерием всегда оставалось качество образования и внеаудиторной работы, проводимой научными руководителями и кураторами направления подготовки со студентами.

Родоначальником развития политической науки в РГСУ стал Краснов Борис Иванович, профессор, доктор философских наук, Почетный работник высшего

профессионального образования Российской Федерации.

В память о нем доброй традицией кафедры политологии нашего вуза стали Ежегодные научные «Красновские чтения РГСУ», проводимые в формате конференции с международным участием и выпуском сборника научных статей.

Первый выпуск специалистов-политологов состоялся в 2002 г., тогда еще в Московском государственном социальном университете, по двум специализациям: «Политический менеджмент» и «Политические технологии». Тогда профессия была актуальной и высокорейтинговой среди выпускников, не теряет трендовость и сегодня.

Для развития данного направления и поддержания интереса к профессии проводится много различных мероприятий, форумов, летних программ в ряде ведущих вузов страны.

Совместно с Клубом выпускников РГСУ нами была разработана и предложена к реализации стимулирующая программа именных разовых стипендий

Тема номера: «Научные исследования молодых политологов»

КЛУБ
ВЫПУСКНИКОВ

Именная стипендия для студентов-политологов

Анастасия Павловна Рудницкая готова поддержать ваши начинания в области политологии стипендией в размере 10 000 рублей!

КРИТЕРИИ ОТБОРА

- Студент по направлению «Политология»
- Оценки «Хорошо» и «Отлично»
- Активный участник научно-исследовательской деятельности РГСУ

Анастасия Павловна не просто стала первопроходцем, окончив в первом выпуске факультет политологии РГСУ более 10 лет назад, но и достигла немалых высот в научной деятельности, заслуженно став кандидатом политических наук. Как никому другому ей знакомы извилистые тропы политологии.

Именно поэтому она готова поощрить самого целеустремленного студента своей именной стипендией!

Подробности на сайте Клуба выпускников
www.rgsu.club

в размере 10 тыс. рублей, учреждаемых выпускниками вуза. Стипендиальная программа вызвала открытый интерес среди студентов, стала серьезным стимулом для их профессиональных устремлений.

Первопроходцем в объявлении такой стипендии стала Рудницкая (Копичникова) Анастасия, выпускница факультета политологии 2002 г., ныне являющаяся доцентом кафедры политологии и международных отношений РГСУ, действительным членом Российской ассоциации политической науки (РАПН).

Были разработаны баннеры, листовки и проведена активная рекламная кампания

на всех курсах направления подготовки «Политология». В финал по итогам промежуточных успехов вышли пятеро студентов 2-го и 3-го курсов. Все они активно развивались и обучались профессии в течение стипендиального года, прошли стажировки и приняли участие в ряде молодежных научно-образовательных мероприятий, форумов, выступали на конференциях, публиковали статьи, организовывали общественный дискуссионный клуб по актуальным политическим темам, занимались молодежным парламентаризмом. Участвовали в профильных сменах Молодежного форума «Территория смыслов» на Клязьме во Владимирской области.

Условия участия в конкурсном отборе достаточно лаконично продуманы:

1. Претендент должен обучаться по направлению «Политология» (бакалавриат).

2. Оценки претендента за первый и второй семестр 2016/2017 учебного года должны быть уровня «хорошо» и «отлично».

3. В течение 2016/2017 учебного года и летнего периода каникул 2017 г. претендент должен активно участвовать как во внутренних мероприятиях РГСУ, так и во внешних по профилю научно-исследовательской работы студентов.

4. Претендент должен принять участие в таких мероприятиях как Олимпиада по политологии «Ломоносов — 2017» и Неделя науки молодежи СВАО г. Москвы.

5. Претендент должен продумать тему научного проекта, который будет апробироваться в течение 2016/2017 учебного года и в итоге должен быть заявлен и представлен на одном из форумов Росмолодежи («Территория смыслов», «Ладога» и др.).

6. Претендент должен выступить с проектом и рассказать о своих достижениях старшеклассникам в школах-партнерах Гуманитарного факультета.

7. По каждому мероприятию, в котором участвует претендент, должен быть собран отчет.

В отчет должны входить:

- Доклад/Тезисы/Публикация;
- Программа мероприятия;
- Фотографии/Видео;
- Диплом/Сертификат участника.

С 25 июня по 30 июля 2017 г. на странице стипендии была доступна форма, используя которую можно было отправить сканированные копии зачетной книжки и собранные отчеты.

Вручение стипендии проходило в торжественной обстановке на Встрече выпускников РГСУ 1 сентября 2017 г.

Сертификаты участников стипендиальной программы по политологии получили Валиахметова Милана, Савельева Екатерина (студентки 3-го курса направления подготовки «Политология»); Шмелёв Денис, Ладыгин Павел (студенты 4-го курса направления подготовки «Политология») и, по итогам конкурсной оценки достижений за 2016/2017 учебный год, диплом победителя получил Тариел Данелян (студент 4-го курса направления подготовки «Политология»).

Стипендия становится добрым началом и хорошей традицией преемственности поколений выпускников — от профессионалов будущим профессионалам-политологам.

Summary

SECTION 1. REGIONAL POLICY AND ELECTORAL PROCESSES IN CONTEMPORARY RUSSIA

Political elite of Russia: contemporary mechanisms of recruitment

Abstract: The article reviews recruitment of political elite of modern Russia. First of all, the theory, channels, principles and means of elite recruitment are examined. Further the history of Russia's political elite recruitment and the modern period of this process since the 1990s are analyzed. Peculiarities of certain periods (mainly connected with presidencies) and different levels (federal, regional and local) are demonstrated. In the end the author identifies the problems of recruitment and the prospects of its development.

Keywords: political elite, recruitment, political network, patron-client relationship.

Author:

- Goncharenko Ian, Student of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

The Values of Mass Political Consciousness of Megalopolis Residents on The Example of St. Petersburg

Abstract: The article is devoted to the analysis of the results of the empirical researches "Political St. Petersburg" from 2002 to 2015. Authors have revealed intergroup splits of values of mass political consciousness of megalopolis residents. Thanks to temporary dynamics, triggers of increase or reduction of splits are defined.

Keywords: political consciousness, political values, intergroup splits, megalopolis, St. Petersburg.

Authors:

- Kalashnikova Sofya, Bachelor of the Department of Political Institutions and Applied Political Researches of the Faculty of Political Science of St. Petersburg State University, (St. Petersburg, Russia)
- Pogodina Maria, Bachelor of the Department of Political Institutions and Applied Political Researches of the Faculty of Political Science of St. Petersburg State University, (St. Petersburg, Russia)

Symbolic components of the leader's image in the minds of Russian citizens (based on the materials of projective tests)

Abstract: On the basis of political and psychological researches carried out between 2012 and 2017 by the Department of Political Sociology and Psychology of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University the images of leadership and of the state were analyzed. 425 drawings of political leaders were selected. Quantitative and qualitative indicators were applied to the results interpretation. Quantitative indicators were based on the cluster analysis of the most frequently used symbols. Such parameters as gender and year of study helped to examine obtained figures within the framework of comparative analysis. The author's classification of symbols was developed. "Psychological drawing" method serving the purpose of conducting qualitative study of projective tests, was used for deeper analysis of symbolic component's role in the leader's image.

Keywords: symbols, leader's image, authority's image, projective methodology, psychological drawing, leadership.

Author:

- Melikhova Maria, Graduate Student of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Electoral behavior of the youth in the areas of the South Federal Region of the Russian Federation: regional trends and peculiarities

Abstract: In the framework of the article an attempt to analyze regional peculiarities of electoral behavior of the youth in Astrakhan, Volgograd and Rostov areas of the South Federal Region (SFR) were taken. Definition of the category "electoral behavior" was set. It was proved that electoral behavior of the youth of the South Federal District is identical to common federal trend although is formed under the influence of the specificity of the region. The main problems causing low electoral activity of the youth were indicated. It was shown that the activity of parties and youth organizations as well as the possibilities they grant can be of great importance in mobilizing and attracting of the young people to their side which is true to the SFR as well. The results of empiric researches reflecting the opinion of the young people concerning the current economic situation were systematized and political orientation of the youth of the region was identified.

Keywords: electoral behavior, youth, Astrakhan Area, Volgograd Area, Rostov Area.

Author:

- Samolazova Anastasya, Student of the Department of International Relations, Political Science and Regionology of Volgograd State University (Volgograd, Russia)

SECTION 2. THE SOLUTION OF SECURITY PROBLEMS IN THE MODERN WORLD

Terrorism as one of the key global threats to mankind in the modern world

Abstract: In the beginning of the 21st century the problem of terrorism became especially relevant for all the world community. Manifestations of terrorism and transformation of the international situation during the last 20 years force to realize globality of the events and to accept the fact that terrorism became not just a socio-political phenomenon of the present, and has turned into special technology of intimidation of masses. The fact that the cross-border factor of terrorism puts all countries of the world on one level of threat, in no dependence on their economic development or organization of the system of national security is also undoubted. Especially should be noted the political background and ideological reason of terrorist manifestations. Major terrorist groups take the responsibility practically for every conducted terrorist attack. Consequences of terrorism are large-scaled. With the increasing of force of terror the technologies of counteraction to terrorism also develop. But what is the main specificity of terrorism and the conducting terror? How to resist this threat? What are the prospects of eradication of terrorism in the world? In order to find answers to the matters mentioned above the author of the article has made an attempt to analyze some factors of the existing international situation in the aspect of manifestation of terrorism.

Keywords: terrorism, global threat, counteraction to terrorism, political situation, international community, foreign policy of Russia.

Author:

- Mikhaleiko Alina, Master Student of the Department of International relations of Russian State Social University (Moscow, Russia)

Methods and variety of technologies of network conflict mobilization

Abstract: This article includes information about methods and technologies of network conflict mobilization, which are used as instruments for organizing of Color revolutions. It identifies the social group, which became the aim of internet methods of network conflict mobilization. Besides, the article describes the main problems of network political recruiting, and factors having influence on this process. The work is based on examples of Color revolutions, in which the main role played Internet and the SMM technologies. The value of this article consists in possibility of creation of the strategy of opposing the technologies of network conflict mobilization capable to provide security of Russian Federation and other states.

Keywords: Conflict mobilization, Color revolutions, Internet, Politics, Power, Security.

Author:

- Esiev Eldar, Bachelor of Conflictology Department of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

SECTION 3. THE ISSUES OF WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

Unilateral sanctions in external policy of the USA in the beginning of the 21st century

Abstract: The article touches upon analysis of unilateral sanctions of the USA in its external policy in the beginning of the 21st century. The practice of using this instrument, as well as the issue of its legitimacy are rather ambiguous. In the majority of cases they are being discussed as international political pressure, so they are out of control of the international community. The main aim of such pressure is to maintain the dominating role of the USA on the international arena. While its tasks are the following: to weaken the government of the delinquent country and to correct its political course or regime.

Key words: sanctions, unilateral sanctions, sanctions of the USA, international relationships, international right.

Authors:

- Morozova Natalia, PhD in Political Sciences, Assistant Professor of the Faculty of International Relations and Political Science of Nizhny Novgorod Linguistic University, Deputy Director of Volga Branch of the Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences (Nizhny Novgorod, Russia)
- Fomicheva Nadezhda, Master student of the Faculty of International Relations and Political Science of Nizhny Novgorod Linguistic University (Nizhny Novgorod, Russia)

Geopolitical interests and priorities of the Russian Federation in the Arctic region

Abstract: Russia has a set of geopolitical interests and priorities in the Arctic, which is determined by the resource, transport and military-strategic potential of the Arctic territories. At the same time, an analysis of the opinions of experts and the official press shows that economic interests of Russia in the region, namely the extraction of energy resources and the exploitation of the Northern Sea Route are in the first place. In its turn, the economic importance of the Arctic determines the strategic and geopolitical role of the

region for Russia. Russia's interests in the Arctic cover the "North" direction in the system of geopolitical interests and perform the task of ensuring the national security of the country.

Key words: Arctic region, geopolitical interests, the Northern Sea Route, Arctic resources, Russia.

Author:

- Poylov Aleksey, Master Student of the Department of Political Science of the Institute of History, International Relations and Social Technologies of Volgograd State University (Volgograd, Russia).

Buffer zones in world politics (setting of the problem)

Abstract: The article states the question of importance to consider the results of theoretical and practical experience while researching the problem of buffer zones in modern world politics. Referring to a case of Balkan region in the early twentieth century, the article analyzes specific traits of political processes inside buffer zones and gives main factors which foster there appearance.

Keywords: buffer zones, world politics, Balkan region.

Author:

- Rikhtik Pavel, Assistant Professor of Intercollegiate Center of Concept and Content Development of the Humanitarian Education Of the Faculty of Social Science of Nizhny Novgorod State University (Nizhny Novgorod, Russia)

UN reformation as an objective necessity of the world development

Abstract: More than 70 years have passed since the moment UN was established. Many significant changes took place in the international arena. Colonial System has suffered its complete disintegration while the process of globalization obtained an incredible scale. The world order changed, and new political players appeared on the international scene. UN at the same time remained mostly unchanged. Chapter 1 of the UN Charter contains 4 fundamental targets of the organization, but they are vaguely formulated and suffer lack of specificity of any kind. Nowadays UN solves specific problems which need precise definitions to achieve the utmost effectiveness of its activity. Changing of the structure and new approaches to financing and monitoring of the expenditure of funds prove very urgent.

Keywords: international relations, world policy, UN, General Assembly, UN Security Council.

Author:

- Sushentsova Marya. Student of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

SECTION 4. THE DEVELOPMENT OF DEMOCRACY AND CIVIL SOCIETY

The importance of the concept of deliberative democracy by J. Habermas for the theory of political communication

Abstract: In this article the importance of J. Habermas's concept of deliberative democracy from the view point of its impact in political communication is defined. For this purpose such key problems are determined as the problem of establishing of dialogical but not manipulative or unidirectional communication, setting of democratic political communication and the problem of revealing of authentic public opinion locating in the intersection of the

theory of political communication and the theory of democracy. Eventually, the advantages of J. Habermas approach to solve these problems are defined, in contrast to linear models of “exposure” causing these problems in political communication.

Keywords: J. Habermas, deliberative democracy, political communication, hermeneutic-phenomenological approach, the schools of “the study of the effect”, public sphere.

Author:

- Linde Andrey, Post Graduate Student of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Modernization Theory: literature review

Abstract: Today one can hardly imagine European world without wide human rights, legislature and existence of democratic states. However, the very term “democracy” still have many connotations and could not be properly defined. The process of transition from the authoritarian rule to democracy, called democratization¹, can be explored by means of various approaches. In this article I try to review some principal literature of great western political scientists – the founders of the theory of modernization. It is considered to be one of the well-researched and at the same time controversial questions in political science.

Keywords: democratization, modernization theory, economic development, democracy.

Author:

- Matieshina Antonina, Student the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

The history of appearance of Russian monstrations

Abstract: The article is devoted to the analysis of series of events of Russian monstrations which are the modern urban street protests. The author focuses on the origin of the phenomenon of “Monstration” which is not yet so well studied by the scientific community. But it is worth saying that the popularity of this phenomenon is growing among young people every year, so it is the main object of the article.

Keywords: monstration, performance, protest, new left, happening.

Author:

- Matyusova Anastasia, The Bachelor of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Beyond the model of transition: how to explain democracy without pacts and “waves”

Abstract: In the article the author examines a range of theories that explain democracy bypassing the transition paradigm. The main emphasis is made on the Lipset hypothesis which is interpreted through the concept of social splits. The works of such authors as Inglehart,

¹ Author considers democratization as political concept, which defines the process of transforming from authoritarian rule to democracy. It describes a dynamical process of changes affiliated by several factors and actors during certain period of time from the beginning of transformation till the democratic opening.

Olson, Acemoglu are considered as the attempt to amend the Lipset hypothesis for the purpose of its elaboration to the condition of working model of explanation.

Keywords: Democratization, democracy transition, Lipset hypothesis, Neoinstitutionalism, postindustrial values, political regimes, political theory.

Author:

- Ivan Petrov, Student of the faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

**Non-profit organizations and state institutions
in network interaction: “Communication Outsourcing”**

Abstract: In Russian contemporary politics and public administration NPOs are considered as a brand new and undeveloped phenomenon. Moderate independence of NPOs as political actors, as well as increased popularity of such a kind of organizations in civil society complicate the issue of their regulation. In such conditions, the government has to resort not only to formal, but also to informal methods of regulation of NPO’s activities. As a result, we can observe some cases, when non-profit organizations, while remaining independent structures, gain strong connections with state institutions, and sometimes even act as an instrument of governmental policy implementation. This article discusses the problems of constructing network communication between state institutions and NPOs, and also analyzes the specific case of interaction, within which the state “delegates” the representation of its interests to a non-profit outside organization.

Keywords: political networks, NPO, state institutions, political communications, groups of interest.

Author:

- Petrov-Nerling German, Masret Student of the Faculty of Social Sciences of National Research University of Higher School of Economics (Moscow, Russia)

**SECTION 5. THE HISTORY OF SOCIO-POLITICAL THOUGHT
AND HISTORICAL MEMORY**

Ideological-political concept of N.A. Chernyaev

Abstract: The article examines the basic principles of the ideological and political concept of a Russian politician and publisher N.I.Chernyaev. The author characterizes the constituent parts of his worldview, paying particular attention to the variety of arguments cited by N.I. Chernyaev in favor of an autocratic monarchy.

Keywords: N.I. Chernyaev, Orthodoxy, Russian conservatism, autocracy.

Author:

- Ananyev Nikita, Postgraduate Student of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

**100th Anniversary of the revolution of 1917 in Russia:
peculiarities and tendencies of the state historical policy**

Abstract: The article analyzes the main tendencies of the state historical policy in the process of preparation and promotion of activities devoted to the 100th anniversary of the revolution of 1917 in Russia. On the one hand, the promotion of the long-term strategy of the state involving collective memory and implementing of professional historians in designing of the

new interpretations of the revolutionary processes takes place – on the other hand, low level of public activity around the date, and as a result, the absence of the audience for the state historical policy are notable .

Key words: The Great Russian Revolution, revolution of 1917, socialist revolution, memorial policy, historical policy, historical consciousness.

Author:

- Beklyamishev Vladimir, Master Student of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

**The causes of the revolution of 1917
in the works of I. Ilyin and I.Solonevich:
the comparative analysis**

Abstract: In this article the author sets the problem to describe the positions of I.Ilyin and I.Solonevich towards the causes of the revolutions in Russia of 1917. The author analyzed the works of both philosophers and spotted out general philosophical and causal similarities and differences. As the result, it was found out that, both I.Ilyin and I.Solonevich basically had the same ideological position, although they identified the culprits of the revolutions differently. I.Ilyin believed that it was the fault of the whole nation while I.Solonevich accused the empire`s bureaucracy and the intellectuals.

Keywords: revolution, Ilyin, Solonevich, analysis.

Author:

- Panfilov Konstantin, Master Student of the Faculty of Social Sciences of National Research University of Higher School of Economics (Moscow, Russia)

SECTION 6. RELIGION AND POLITICS

Media discourse of politicization of Islam: on the problem definition

Abstract: The prolonged socio-economic, political and moral crisis in which Russian society has long been in 1990s and early 2000s, has led to a drastic breaking in spiritual consciousness of Russian people, constituting a difficult formation of dozens and dozens nationalities and confessions. Unique religious situation that is determined by surrounding of Russian Muslims has caused a poorly understood phenomenon like religious radicalism and politicized religion. However, the phenomenon of politicized religious which was described by Montesquieu, Hobbes and Durkheim, has amused infantile, specific features that already give us a possibility to speak about post-politicized religion with a specific component – the component of clash of civilizations related with topical challenges of modern-day world. For example, current political processes with Islam. Consequently, here we need to learn more about theoretical aspects of politicized religion and articulate essential purposes of this phenomenon; we faced with necessity to learn a topical mass media discourse of identified problem. That can help us to shed light on modern perception of politicization in nowadays-Russian society.

Key words: politicization of religion, Islam, politicization of Islam, mass media, media discourse.

Author:

- Murad Abdullaev, PhD of Philological Sciences, Expert-analyst of Agency of Strategic Communications (Moscow), Member of National Association of Mass Media Researchers (NAMMI, Lomonosov Moscow State University) (Moscow, Russia)

Relations between state departments and religious associations in the Udmurt Republic: system and institutional analysis

Abstract: The article discusses the interaction between the state and religious associations through the representation of these relations in the form of a complex internal structure-system, consisting of heterogeneous elements connected with each other and communicating with the external environment. The author shows main elements, institutional situation and the core role of it, by the study of the specific example – the system of relationship between religious associations and state departments in Udmurt Republic. Special attention was paid to the analysis of the components that traditionally are not considered significant, that is, the role of the local government and national-cultural associations.

Keywords: religious associations, state-confessional relations, the Udmurt Republic, formal institutions, interreligious relations.

Author:

- Zvorygin Roman, Master Student of The School of Public Administration of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

**SECTION 7. EDUCATIONAL PROGRAMS AND PROJECTS FOR THE YOUNG SCIENTISTS
IN RUSSIAN UNIVERSITIES**

The program PolitIQ of Lomonosov Moscow State University.

**School of political leaders. Additional professional training program
of Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation**

**Program of personal scholarships for students
of political science at the Russian State Social University**

Информация для авторов

Статьи в журнале публикуются на безвозмездной основе. Журнал выпускается в электронном и печатном виде и распространяется в высших учебных заведениях России и мира, среди экспертного и политологического сообщества, политической элиты России, направляется в ведущие политологические центры мира.

Последующие номера нашего журнала будут посвящены следующим темам:

- «Экологическая политика современных государств: наука, бизнес, общество»;
- «Россия и Китай в глобальном мире»;
- «Выборы Президента России 2018 года: экспертные оценки политологов»;
- «Политическая мысль России и зарубежных стран».

Приглашаем политологов из России и зарубежья опубликовать свои исследования в нашем журнале. Считаем, что сотрудничество политологов создает более предсказуемый и безопасный Мир — Мир сотрудничества, развития и процветания.

Статьи в журнал просим направлять на адрес электронной почты редакции журнала: studes@yandex.ru.

Оформление статей

Редакция просит авторов придерживаться следующих основных принципов оформления статей.

1. В журнал принимаются статьи на русском языке в электронном виде, в стандартных форматах текстовых редакторов Microsoft Word и OpenOffice Writer (расширения: *.doc, *.docx, *.rtf). Так как журнал издается как на русском, так и английском языках, то приветствуется направление авторского перевода статьи на английский язык.

2. Ориентировочный объем статей — 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков, включая пробелы), объем статьи может быть увеличен по согласованию с редакцией.

3. Вместе со статьей обязательно предоставляются метаданные:

3.1. Заголовок статьи.

3.2. Краткая аннотация статьи, кратко раскрывающая ее основное содержание. Объем аннотации не должен превышать 1 тыс. знаков с пробелами. В общем объеме статьи текст аннотации не учитывается.

3.3. До 7 ключевых слов, соответствующих основному содержанию статьи.

3.4. Для каждого автора отдельно приводится:

3.4.1. Фамилия, имя, отчество (при наличии).

3.4.2. Научный статус, место работы (при наличии), город и страна проживания.

3.4.3. Адрес электронной почты.

3.4.4. Фотография автора, публикуемая вместе со статьей.

4. Вместе со статьей обязательно предоставляются метаданные на русском и английском языке.

5. Допускаются только **затекстовые** библиографические ссылки, отсортированные в алфавитном порядке в конце статьи; использование подстрочных сносок для библиографических ссылок **не допускается**.

6. Форма связи библиографических ссылок с основным текстом — с помощью указания номера источника в библиографическом списке и, в случае необходимости, страницы цитирования в квадратных скобках.

Допустимые обозначения: [1. — С. 196] [2. — С. 330–332] [3] [4; 5; 7].

7. Библиографические ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Примеры оформления библиографических ссылок: <http://schola.su/uploads/Metodika2015.pdf>.

8. Использование подстрочных сносок допускается только для содержательных примечаний.

9. Иллюстрации могут быть встроены в текст статьи. Все иллюстрации (включая графические схемы и диаграммы) в обязательном порядке дублируются авторами в высоком разрешении отдельно от текста статьи. Площадь изображений — не менее 3 млн пикселей.

10. Единственная допустимая форма выделения особых терминов и понятий — курсив; не допускается выделение целых предложений или абзацев.

11. Не допускается наличие таблиц, содержащих более пяти столбцов. В случае наличия вертикально ориентированных таблиц с большим количеством столбцов, авторы должны провести их транспонирование либо, если это невозможно, сократить или разбить их на составные части.

12. В случае значительного расхождения текста с основными принципами оформления статья может быть возвращена на доработку автору или отклонена.

Редакционный совет журнала «Русская политология — Russian Political Science»

АБРАМОВА МАРИАННА ГРИГОРЬЕВНА — заместитель заведующего кафедрой государственной политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук

БОЙЦОВА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА — профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, научный руководитель образовательной программы «Стратегическое управление и экономическая политика», доктор политических наук, профессор

ВАСИЛЕНКО ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА — профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор политических наук

ВАТЫЛЬ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ — заведующий кафедрой политологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, доктор политических наук, профессор (Беларусь)

ВИЛКОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — заведующий кафедрой политических наук юридического факультета Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, доктор политических наук, профессор

ГУТОРОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ — заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор

КОНСИ ЛУИС ГИЛЬЕРМО АРКАРО — профессор факультета права Епископского Католического Университета г. Сан-Паулу, доктор философии (Бразилия)

КУЛЕШОВА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА — профессор кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор философских наук

МИХАЙЛОВИЧ ДЕХАН — член Союза философов Мексики, профессор факультета социальных наук Монтеррейского технологического института, доктор философии (Мексика)

МОШНЯГА ВАЛЕРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ — профессор департамента политических и административных наук факультета международных отношений, политических и административных наук Молдавского государственного университета, доктор политических наук (Молдова)

МЧЕДЛОВА МАРИЯ МИРАНОВНА — заведующая кафедрой сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, доктор политических наук, профессор

МУХАРЯМОВ НАИЛЬ МИДХАТОВИЧ — заведующий кафедрой политологии и права института экономики и социальных технологий Казанского государственного энергетического университета, доктор политических наук, профессор

ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ СЕРГЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ — профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор исторических наук

СИДОРОВ АЛЕКСАНДР ВАЛЕНТИНОВИЧ — заведующий кафедрой истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор

СОЛОВЬЁВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ — заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

ФЕДОРКИН НИКОЛАЙ СЕМЁНОВИЧ — заведующий кафедрой политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор

ЦЫГАНКОВ АНДРЕЙ ПАВЛОВИЧ — профессор Университета Сан-Франциско, доктор философии (США)

ЦЫГАНКОВ ПАВЕЛ АФАНАСЬЕВИЧ — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заместитель заведующего кафедрой международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор

ШИРИНЯНЦ АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ — заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

ШОМОВА СВЕТЛАНА АНДРЕЕВНА — профессор факультета коммуникаций, медиа и дизайна департамента медиа Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор политических наук

ШУТОВ АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ — декан факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор

ЯМАМОТО КЕНСО — научный сотрудник Центра изучения Северо-Восточной Азии Университета префектуры Симанэ, доктор философских наук (Япония)

Редакционная коллегия журнала «Русская политология — Russian Political Science»

БАРЫШНИКОВ ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ — заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Алтайского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», кандидат юридических наук

БЕРЕЗКИНА ОКСАНА СТЕПАНОВНА — доцент кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

ВАСЕЦОВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА — доцент кафедры политологии Востока, помощник директора Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

ВОЛОШИН АНДРЕЙ ИГОРЕВИЧ — руководитель Научного портала социально-политических исследований, кандидат политических наук

ГОРОХОВ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ — главный редактор журнала «Русская политология — Russian political science», кандидат политических наук

ДУБОВИ АЛЕКСАНДР — координатор Научно-исследовательского центра евразийских исследований (EURAS) юридического факультета Венского Университета (Австрия)

ЕФАНОВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА — доцент кафедры политологии института истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета, кандидат политических наук

ЗАСЛАВСКАЯ НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА — доцент кафедры экологического и земельного права юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат юридических наук

ЗВЯГИНА ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА — старший научный сотрудник Института актуальных международных проблем, старший преподаватель кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России, кандидат политических наук

ЗЕЛЕНИН ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — доцент кафедры правоведения и методики преподавания социально-экономических дисциплин Алтайского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук

КАРАВАЕВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — эксперт Автономной некоммерческой организации «Лаборатория гуманитарных проектов», кандидат политических наук

КВАШОНКИН АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ — доцент кафедры регионального и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук

КИРСАНОВА ЕКАТЕРИНА ГЕННАДЬЕВНА — преподаватель кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

КОСОРУКОВ АРТЁМ АНДРЕЕВИЧ — старший преподаватель кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

КУРБАНОВ АРТЕМИЙ РУСТЯМОВИЧ — старший преподаватель кафедры философии образования философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

ПУЧНИНА ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА — старший научный сотрудник кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

САЖИНА ВАРВАРА АНДРЕЕВНА — доцент кафедры управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений, руководитель отдела внеаудиторной работы со студентами факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат социологических наук

СЕЛЕЗНЁВА АНТОНИНА ВЛАДИМИРОВНА — доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

СИДОРОВА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВНА — доцент кафедры теории и методологии государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат экономических наук

СМИРНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА — старший научный сотрудник ЦЭМИ РАН, иностранный эксперт-преподаватель Сямэньского университета КНР, эксперт Российского совета по международным делам, кандидат политических наук (КНР)

СТОЛЕТОВ ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ — старший преподаватель кафедры сравнительной политологии, начальник отдела учебно-методической работы факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

ХОРДЕЦКИ БАРТОШ — адъюнкт Департамента медийных систем и права СМИ факультета политических наук и журналистики Университета им. Адама Мицкевича в Познани, PhD (political science), PhD (law) (Польша)

ШАРАПОВ ИГОРЬ РОДИОНОВИЧ — эксперт Автономной некоммерческой организации «Лаборатория гуманитарных проектов», кандидат политических наук

Редакция журнала «Русская политология — Russian Political Science»

ГОРОХОВ АНДРЕЙ — главный редактор

КАРАВАЕВ АЛЕКСЕЙ — заместитель главного редактора

СТОЛЕТОВ ОЛЕГ — заместитель главного редактора

ВОЛОШИН АНДРЕЙ — выпускающий редактор

КАРАВАЕВА МАЙЯ — корректор

ПЕНКИНА АНФИСА — ответственный редактор англоязычной версии журнала

СМИРНОВ НИКОЛАЙ — советник по продвижению и информационным технологиям

БОЛДИН ВЛАДИМИР — советник по взаимодействию с российскими и международными системами научного цитирования

МАМЕДОВ ИНТИГАМ — советник по вопросам международного взаимодействия

АНДРОСОВА НАТАЛЬЯ — графический дизайнер

Отдел редакции по работе с англоязычными политологами

КАЗАНЦЕВА МАРГАРИТА — консультант отдела

Отдел редакции по работе с испаноязычными политологами

ДАШКИНА ИРИНА — советник отдела

МАТЮСОВА АНАСТАСИЯ — консультант отдела

КОЛПАКОВ РОМАН — консультант отдела

Журнал «Русская политология — Russian political science» зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор) 15.08.2016, номер свидетельства ПИ № ФС 77 - 66809

Номер свидетельства	ПИ № ФС 77 - 66809
Статус свидетельства	действующее
Наименование СМИ	Русская политология - Russian political science
Дата регистрации	15.08.2016
Форма распространения	печатное СМИ, журнал
Территория распространения	Российская Федерация, зарубежные страны
Учредитель, главный редактор	Горохов А. А.
Адрес редакции	141102, Московская обл., Щелковский р-н, г. Щелково, ул. Центральная, д.71, к. 2, кв. 226
Типография	«Новые печатные технологии». Адрес: г. Москва, 2-й Котляковский переулок, вл. 18
Языки	русский, английский, китайский, немецкий, испанский, арабский
Тираж	500 экземпляров
Номер	№2 2017 год
Подписано в печать	15.10.2017
Цена	Бесплатно

Электронный журнал «Русская политология — Russian political science» зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор) 18.10.2016, номер свидетельства ЭЛ № ФС 77 - 67389

Номер свидетельства	ЭЛ № ФС 77 - 67389
Статус свидетельства	действующее
Наименование СМИ	Русская политология - Russian political science
Дата регистрации	18.10.2016
Форма распространения	сетевое издание
Территория распространения	Российская Федерация, зарубежные страны
Учредитель, главный редактор	Горохов А. А.
Адрес редакции	141102, Московская обл., Щелковский р-н, г. Щелково, ул. Центральная, д.71, к. 2, кв. 226
Языки	русский, английский, китайский, немецкий, испанский, арабский
Тираж	500 экземпляров
Номер	№2, 2017 год
Подписано в печать	15.10.2017
Цена	Бесплатно

© 2017 «Русская политология — Russian political science».

При цитировании обязательна ссылка на журнал
«Русская политология — Russian political science»